

МАКСИМ ИБРЕ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
ПЫТАЛСЯ ЖИТЬ

Оглавление

Глава I Японский нуар	5
День 1. Базз говорит	6
День 2. Шаг навстречу аду	32
День 3. «Дробовик Гавай»	81
День 4. Внутривенно	115
Глава II Каждую ночь Вьетки	125
День 5. Ад с большой буквы	126
День 6. Внутри кабака	150
День 7. Взгляд за шторы	194

Глава I

Японский нуар

День 1. Базз говорит

1

В то облаянное дворнягами утро я стоял на балконе, зная, что вечер пятницы и утро субботы, и целое воскресенье я проведу за хоккеем, результат которого не устроит меня, особенно когда дело дойдет до «Ред Уингз». Можно было бы начать делать ставки против них, но тогда с этого момента они начали бы выигрывать. Так всегда бывает. Впрочем, меньше всего меня должны беспокоить трудности спортивных команд.

На одной из опустевших и блеклых улиц громадного города еще не светало, и свирепому ветру удавалось смирять сонные физиономии лишь двух-трех прохожих. Тут мне почему-то вспомнилась песенка из кинофильма. А я иду, шагаю по Москве, и я не знаю, сколько еще смогу пройти. Каждый планирует сам, полагаю я.

Курилка, самостоятельно основанная сотрудниками на балконе одного из этажей офиса почтеннейшей банковской конторы, в которой я работаю, каким-то образом всю историю здания протягивала свою соседскую руку худенькой сиротке-яблоне по ближнюю сторону дороги. Должно быть, это была одна из тех маленьких шуток природы, которые мы просто оставляем без внимания и проглатываем.

Эта яблоня устала на меня с весьма плаксивым взглядом. Ее хиленькие ветки беспокойно стучались снизу, а свист птиц рассеивался в воздухе так же быстро, как сменялись фигуры людей на балконе, способном уместить годовой запас дымовых гранат известных военных деятелей с винтовками М16 и их заклятых врагов с автоматами Калашникова. Привет, такая напрасная отсылка нового времени.

На улице похолодало. Пришлось выйти в своем чер-

ном пальто, которое уже изрядно потрепалось, но никто на это еще не указывал, поэтому сам я не захотел его менять. Привычку носить пальто я когда-то подсмотрел у детективов в стареньких фильмах.

Чтобы занять себя во время курения, я попытался подумать о том, как мы стали такими мелочными, и я тоже стал мелочным и, например, начал пытаться излагать свои мысли для кого-то, а не для себя. В своем амбициозном размышлении я не продвинулся дальше того, что череда неудач, которая связана с иллюзорными планами всякого многострадального человека, заставляет его все чаще оглядываться и прислушиваться к мнению окружения — единственному существующему без определенной экзистенциальной тяготы. Но в тебя никто не верит. Запомни это раз и навсегда: в тебя никто не верит. И пока мы по отдельности так и будем рушиться и исчезать на дне этой ноющей тьмы, подобно бледному пеплу, какие-то люди будут всегда служить для нас последними путеводными звездами.

В это время позади меня отворилась дверь.

— Здорова-а, Фома, — я услышал воодушевленный голос Алисы.

Веселой и яркой девушки, которой с виду было либо восемнадцать лет, либо за тридцать. Она была одной из тех симпатяг, кого короткая стрижка и тяга к развлечениям выбрали сами.

Алиса с не меньшей элегантностью, чем той, что она придавала своим стильным и выразительным нарядам, убедительно скрывала от меня стойкое ощущение тоски каждый раз, когда мы обменивались сводками о самочувствии. Когда мне было грустно, ей было очень даже хорошо. Мне казалось, что она врет, но смысла в том, чтобы упрекать ее, я не видел. В этот раз я лишь решил ее позлить для шутки и не стал реагировать на ее приветствие сразу.

— Ну знаешь, иногда люди здороваются в ответ, иногда нет. Всякое бывает.

Алиса мило проворчала и закурила тонкую сигарету марки Esse. Ее выбор всегда забавлял меня, потому что ей бы, наверное, следовало курить черного «Петра». Как раз вид ее спичечной сигареты и выбил из меня смешок, который она не заметила. Я повернулся к Алисе и спросил:

— Как ты думаешь, Алиса, ангелы-хранители правда существуют?

— Ой, как я люблю твои неординарные способы приветствия, — с радостью откликнулась Алиса и ответила: — Думаю, да.

— А они могут спасти от злых замыслов?

— Хм, мне кажется, они больше наблюдают. Типа сидят на диване, и покачивают головой, и вмешиваются, когда надо пулю остановить перед башкой твоей дурацкой.

Алиса не преминула воспользоваться возможностью потрогать мои волосы, которые ранний порывистый ветер превратил в хаотичную шевелюру с Головы-ластика. Помимо шаловливых рук, Алиса также имела привычку пританцовывать во время разговора. Допускаю, что у нее в голове в эти моменты играл целый кабаре-бэнд. Тогда хотелось бы оказаться внутри ее головы. Я продолжил разговор о фатализме:

— Да, вот только как они, собственно, выбирают, для кого остановить, а кого уже достаточно охранять?

— Эх, все же относительно. Значит, заслужил. А что у тебя за замыслы там, а?

Я замешкался, прежде чем произнес:

— Ну, как минимум я собираюсь уволиться через пару месяцев.

Лицо Алисы с ее большими карузоподобными глазками в один миг стало гигантской палитрой удивленности

в арсенале художника, а я отвлекся, чтобы сорвать листок с яблочного дерева, и дополнил:

— Я забыл спросить, как у тебя дела.

Но, по-видимому, Алиса лишилась дара речи. Нехорошо было сломать Алису.

— Вы бы с этой яблоней могли быть лучшими подружками. Тебе все нравится, ей уже ничего не нравится. Такие особенно хорошо дополняют друг друга.

Эта реплика разбудила Алису, и она вдруг провонила, нагнувшись к веткам:

— Чего, нахрен, Фома?! Тебе это реально ветки нашептали?

— О чем ты?

— Ты действительно собираешься уходить?

— Да, — я почувствовал нужду объясниться. — Я просто думаю, что теперь мне следует разобраться во многом и устроить наконец бал с скелетами в шкафу.

— А зачем уходить? — Алиса активно жестикулировала, когда возмущалась. — У тебя же есть выходные для этого!

— Это место тоже часть моей проблемы.

Алиса покачала головой так, как качают головой родственники, когда узнают о пробелах в вашем воспитании.

— Блин, да что с ним не так?! Сидишь, как настоящий царь, за прекрасным футуристическим столом в своей кабинке, отвечаешь на звонки всяких... ну, скажем, людей. По мне, так ты главная звезда платежной ведомости!

— Я не знаю... — из-за природной убедительности Алисы я смутился, но смог продолжить: — Немного дело и в Денисе Анатольевиче. Этот вечно деловой урод бесит и одновременно пугает как человек, понимаешь?

Алиса принялась молча поддакивать. Вряд ли любое следующее мое изречение было способно убедить ее.

— Хотя и он далеко не самая существенная фигура в том представлении, что разворачивается у меня в голове, — продолжил я. — Мне вообще кажется, что, если бы кто-то захотел сунуться в мою голову, ему бы пришлось надеть скафандр поверх скафандра для безопасной изоляции от негативной среды.

Мне захотелось рассказать ей про то, что все герои этой пьески давно поседели и обезумели, но я не смог заставить себя заговорить дальше. С разочарованием я уже уставился вниз на землю, ставшую кладбищем для попадавших и прогнивших яблок. Меня перехватила Алиса:

— В любом случае от злых замыслов спасают квалифицированные специалисты, а не ангелы-хранители.

Она начала рыться в кармане брюк и через какое-то время достала карточку из бумажника, в котором она носила порядка 250 различных карт — от игральных до скидков на танец на коленях в стрип-клубе.

— Вот, — Алиса протянула мне какую-то нелепую визитную карточку, — если тебе нужна помощь, навожу тебя на очень хорошего доктора. Посмею даже предположить, что вы с ним сразу найдете общий язык!

Я взял карточку и принялся разглядывать ее умиленно любительский дизайн: на афише со старой фотографией красовался усатый дяденька во фраке, похожий, скорее, не на доктора, а на владельца кафе где-то в Армении (скорее всего, с двумя видами пирожков в меню). Чуть ниже был напечатан перечень его профессиональных заслуг: Доктор наук... Представитель ученого совета факультета психологии... Рационалист года... Самый быстрый надуватель воздушных шаров в условиях современной ирландской пост-панк сцены и все в таком духе. Я произнес его имя вслух, и ничего не произошло:

— Доктор Годард... А Анна Карина будет?

— Для тебя хоть Джульетта Мазина, Фома! — воскликнула Алиса.

— Ну нет, у меня сейчас не такое настроение... — я еще раз взглянул на изображение мрачного молочника на карте. — А это вообще кто? Психолог, что ли? Как-то жутко немного.

Алиса рассмеялась, понимая, как сильно меня смутил броский дизайн визитки, но то, что она открыла мне далее, оказалось еще более абсурдным явлением современной комедии. Дело в том, что под воздействием общего вида карточки я не стал разглядывать обратную сторону с подозрением, что там вообще ничего нет. Однако тут Алиса перевернула визитку в моих руках, и я увидел все ту же фотографию доктора только уже с подписью: «Не видно конца? Доктор Годард и его психотерапия помогут Вам в поиске!»

— Теперь я еще больше не хочу к нему, — прокомментировал я эту краткую юмореску и снова принялся атаковать вербально загадочного мужчину с карты: — Доктор Годард и его психотерапия... Звучит как название забытой психоделичной группы из 60-х. Ты уверена, что это доктор, а не ведущий вечеринок в ресторанах?

— Да, все нормально. Ты только позвони, узнай, что и как у него с сеансами, — Алиса продолжала смеяться.

— А ты была у него хоть раз?

— Нет, конечно.

— И откуда у тебя эта карта?

— Я ее на улице нашла недавно. Смешная такая.

Мое стремление еще раз поразиться странности Алисы и поинтересоваться, почему она посчитала нужным направить меня к доктору, визитку которого она нашла на улице и сохранила только из-за ее смехотворного оформления, прервал скрип балконной дверцы.

Я обернулся и увидел, как руководитель отдела Денис Анатольевич вывалил свою тушу на балкон. Для большей циничности стоит пошутить, что на всякий случай мы с Алисой ухватились за одну из каменных балясин. Это

и вправду был полноватый человек средних лет с мелкими остатками волос на голове. С собой он на утро захватил и свою врожденную предприимчивость, и ту надуманную статность, в которую он сам все же охотно верил.

— В мой кабинет побыстрее, Фома, — произнес Денис Анатольевич.

Алиса, увидев Дениса Анатольевича, мгновенно скинула еще не докуренную сигарету вниз по балкону. Он не выглядел счастливым и исчез так же быстро, как появился.

— Черт, сегодня он тоже не сдох.

Я смог порадовать Алису шуткой напоследок. Она засмеялась. Когда я уже направился к двери, она вдруг развернула меня и с необъяснимой теплотой кинулась в объятия. Словно она тогда что-то знала.

2

...Войдите!

Войдите и посмотрите, как в своем кабинете валяж-но раскинулся в любимом кресле золотой мальчик офшоров, разместив свои короткие ноги на пуфе бежевого цвета для достижения максимально доступного смертным людям уровня комфорта. Денис Анатольевич не раз хвастался, что это кресло было сделано каким-то немецким дизайнером, и кожей для его обивки послужила как будто плоть целого поселения чистокровных девственниц.

Выбор лосниться в роскоши протянулся дальше по стенам офиса, на одной из которых красовались огромные интерьерные часы из фарфора и бронзы, выполненные по специальному заказу на одной из итальянских фабрик. Каждый их стук раздавался с особым чувством и предназначался только для оттопыренных ушей главного слушателя. На столе с богатой отделкой, укра-

денном Денисом Анатольевичем с королевского обеда во Франции, расположилась дорогая керамическая ваза, сияющая под дорогим блеском дорогой хрустальной люстры богемного стиля. Вид комнаты кричал о вычурных дорогих украшениях, и центром ее был Денис Анатольевич. Самая дорогая тварь.

Чик-чик-чик... После непродолжительной игры на колесике винтажной зажигалки в зубах у Дениса Анатольевича задымился пятидесятый «Магнум», коробку которого для него достал дух Пьера Сэлинджера во время спонтанного визита в Гавану. Неоспоримо, что улыбка у сигары, находящейся в данный момент во рту такого человека, была не менее жадной, чем у самого владельца.

— Фома, присядь, — пробормотал Денис Анатольевич с большим наслаждением от сладостного аромата богатства, словно и не планируя обращаться ко мне.

Я присел на стул напротив служебного стола Дениса Анатольевича, хотя сам он находился совершенно в другой стороне. Внезапно он скомандовал:

— Хотя знаешь что, встань.

Я встал, но мне пришлось изрядно постараться, чтобы скрыть все раздражение, которое я испытывал. Денис Анатольевич громко откашлялся и задал интересный вопрос:

— Фома, сколько сейчас времени?

Я перевел взгляд с голденбоя на часы на стене и начал понимать, к чему он клонит, поэтому скромно признался:

— Половина девятого...

Денис Анатольевич уставился на собственные часы дорожной марки, бриллиантовую инкрустацию которых подсвечивало рыжеватое солнце за окном. Казалось, что его сконцентрированный взгляд в этот момент мог ощутить на себе даже бедный швейцарский часовщик, который ими занимался.

— Так какого черта, Фома, я вижу тебя в курилке через пятнадцать минут после начала рабочего дня?

— Эм...

— Э-э, а, да мне насрать! Если я еще хоть раз увижу тебя с утра в курилке, я привяжу твою жопу к стулу. Ты будешь ночевать здесь, смекнул?

— Да, это больше не повторится, даю Вам свое обещание.

— Ой, ты думаешь, мне твое обещание нужно? — тихо сказал Денис Анатольевич и принялся выкуривать все табачные листья, который он растерял за время разговора.

Я посмотрел в сторону двери и спросил, достаточно выждав паузу:

— Можно идти?

Денис Анатольевич погрузился в области мозга в поиске новой порции плохих новостей и произнес:

— Нет, еще кое-что, — он важно вздохнул и наклонился в кресле. — Боюсь, Фома, в голубиной почте тебя не особо любят, потому что у меня снова плохие новости для тебя. Мы приняли решение урезать тебе зарплату.

Новости и вправду оказались не из разряда веселых.

— А я могу узнать причину? — я поинтересовался.

— А что, ты такой тупой, что не можешь догадаться? В мире кризис, убыточные времена. Наш аналитик Базз говорит, что из-за вируса экономике надолго светит жопа. А тем более в нашем отделе даже никто не умер...

— Разве я не должен получить хоть какое-то уведомление?

— А я тебе сейчас былинку на привале рассказал, что ли? Я уведомил тебя, умник.

— Я не понимаю, у меня уже уменьшилась зарплата? Я ведь ничего не подписывал.

Денис Анатольевич резко вскочил с кресла. Моя реакция, которую он посчитал слишком настойчивой,

разозлила его, хотя я просто проявил начальный интерес к проблеме. Для меня настойчивость в финансовых вопросах была признаком бедности, а считать себя бедным, даже когда ты таковым являешься, это небольшой отказ от свободы.

— Послушай, я ведь мог спокойно убить тебя, и все, никто бы даже не заметил! «Фома уволился...». Вот так бы называлась эта сказка, — пригрозил Денис Анатольевич. Его лицо резко покраснело от ярости.

Мне же понадобилось проявить немало усилий, чтобы не засмеяться, ведь я не планировал подвергать его темперамент проверке. Я поспешил успокоить Дениса Анатольевича:

— Ну, хорошо, меня и так все устраивает.

Денис Анатольевич тогда снова откинулся на высокую спинку кожаного кресла и с большой долей удовлетворения сказал:

— Тогда можешь идти.

Я направился к выходу и поблагодарил его в унисон с захлопывающейся дверью кабинета:

— Спасибо.

Остаток дня я провел в четырех серых стенах угнетающего рабочего места, поскольку я не смог отыскать Алису во время перерыва, а в курилке мне одному появляться не хотелось. Кабинки сотрудников выглядели жалко и в отместку придавали их обитателям такой же удрученный вид. Маленький стол, вовсе не футуристический. Неплохой компьютер. Рядом календарь. Рабочий телефон японской фирмы.

Находясь здесь, мне сложно было не думать о той персоне, которую представлял из себя Денис Анатольевич. Властные люди всегда пугали меня своей непобедимой уверенностью в себе, хотя этот страх виделся мне в большей мере некоторым комплексом. Агрессия накутила мне еще до моего рождения. Так, мне категориче-

ски не хотелось пересекаться с подобными людьми на жизненном пути, но их в моей жизни было больше всего, и мне нужно было быть уверенным, что я точно не зависел от их убеждений. Да, они и я — это просто не идеальная пара. И теперь я даже не знаю, что страшнее: то, что им всегда найдется место на земле, или то, что во многом они бывают правы — пропаганда и террор всегда были «серпом и молотом» величайших лидеров истории, и эти лидеры были теми, кто так или иначе написал нашу историю.

Я продолжал листать картинки на компьютере. Внезапно зазвонил телефон на столе. Пришлось в тысячный раз за день открыть базу данных и произнести слова:

— Добрый вечер. Как я могу Вам помочь?

Вообще-то, в начале мы должны были произносить название компании и представляться клиентам, но мне это казалось глупостью, поэтому, даже зная, что звонки записываются, я не мог заставить себя это делать.

На этот раз пришлось выслушивать противную женщину лет тридцати пяти с голосом, принадлежащим неистовствующему пикетчику. Она была недовольна мною еще до того, как набрала номер, и к тому же одинока. Я попытался побыть ее компаньоном, но мои усилия были лишними.

— Я бы хотела заказать карту вашего банка, но не могу разобраться! — она провизжала в трубку.

— В чем конкретно Вы не можете разобраться?

— Как мне ее заказать!

— Ну, Вы можете сделать это сейчас или оставить заявку для получения нашей карты онлайн на сайте.

— Я отлично знаю, что я могу! Я не просто так вам позвонила! — она перебила меня, как будто заранее знала, что я скажу именно это.

— Я понимаю, что Вы позвонили не просто так, я просто говорю, что существуют различные варианты...

— Вы будете делать мне карту? — снова вклинилась нетерпеливая женщина.

— Хорошо! Я заполню форму за Вас.

Я открыл новую вкладку в программе, в которой я, к слову, ничего не смыслил. Правда, оказалось, что привыкнуть можно ко всему.

— Так, а скажите мне свои...

— Так, а можно как-то без Вашей грубости или нет? — ее голос приобрел серьезность военного масштаба.

— Но я не грубил Вам, — я начал недоумевать всерьез. Почему я вообще должен оправдываться перед этой женщиной?

— Кто допустил Вас до работы? — моя собеседница начала предъявлять претензии в тональности ударов кулаком по клавишам контроктавы на фортепиано. — Если у меня нет компьютера, то я обязательно должна общаться с таким быдлом? Вы ведете себя по-хамски, обслуживая потенциальных клиентов, или Вы так вовсе не считаете?

— О нет, я не считаю себя грубым в контексте ситуации. А Вы, например, пробовали хотя бы не кричать во время разговора?

— Да пошел ты, уродливая мразь!

— Ага, взаимно.

Я уже не стал вслушиваться в ту гневную тираду, которая последовала после этой реплики, и лишь крикнул в трубку в последний момент:

— Купи гребаный компьютер!

Разговор оборвался. Возможно, я не до конца понимал общие правила общения между людьми в обществе, но данный случай невольно заставил меня примерить образ неуместного шута. Люди не любят, когда кто-то говорит, что его не понимают, но понять людей мне было сложнее всего.

Я задержал долгий безжизненный взгляд на экране компьютера и закрыл глаза. Ведь это был только один

звонок. Механический алгоритм, который вызывает механическую реакцию на обоих концах телефонной линии.

3

Ночью собак на сгорающие улицы города выплескивалась вся нечисть. Ничего удивительного в этом нет. Шумные компании отдыхали от всего того, что в дневное время казалось им невыносимой ношей бытия. Для молодежи сама потребность заниматься какой-то деятельностью всегда была сродни кресту господнему, поэтому они требовали пышных зрелищ хотя бы в концовке дня. Все это недовольство застрявшим колесом жизни достигало апогея ночью в городе, где высотки сливались с небом, и свет неоновых вывесок завлекал на ночную аферу, переливаясь в лужах алкоголя. Бурная развратная жизнь, звуки полицейских машин и скорой помощи где-то вдалеке, но поблизости, один сплошной пахучий караоке-бар — все эти образы сочетались в одном этом времени суток. Никаких правил. Клоунам тоже свойственно уставать. Любая пролитая в ночь кровь казалась для человека данностью, и только утром она приобретала тот зловещий оттенок, который мы так боимся увидеть.

Домой я часто добирался на метро, потому что, согласитесь, было бы странно приезжать на работу на блестящем «Линкольне», сохранившемся со времен Никсона. Серебристый Континенталь незаконно приехал ко мне со свалки автотрупов в Флориде еще до правительственных ухищрений и до сих пор служил отличным экземпляром для колымаги с пометкой люкс, коей он давно являлся. Да и если говорить про поездку домой с работы, спокойная атмосфера метро меня всегда увлекала, и порой мне, наоборот, не хотелось покидать подъезжающий

к станции поезд. Особенно если там было на кого посмотреть секунды две.

Эта ночь выдалась немного прохладной. Ветерок, живо присвистывая, окутывал мою шею через воротник пальто и бесследно растворялся в воздухе. По мере того, как я плелся по многолюдным улицам, бредущий за мной следом перегар баров, звон открывающихся кассовых аппаратов магазинов и панорамы ярких строб переходили в привычные монотонные ряды многоквартирных домов старенького жилого комплекса. Руки не покидали карманы моего пальто никогда.

Еще один день высосал из меня все силы. Когда-то я не мог себе представить, что это можно делать и через трубочку, чтобы не расставаться с чувством превосходства. Теперь я не мог перестать думать об этом. Вам когда-нибудь казалось, что кто-то методично оттесняет вас, закладывает в омут, стреляет в вас без промаха? И казалось ли вам когда-нибудь, что внутри вас бесконечная яма — вонючая, липкая, слишком мерзкая, чтобы даже пытаться выбраться?

Фары проезжающей по шоссе машины осветили силуэт на стене дома. Я остановился. Этот силуэт принадлежал моему телу, но я не мог назвать его моим собственным. То же самое происходило с тенью, которая падала на землю у моих ног. Скверная иллюминация аллеи только подчеркивала это. Я стиснул новую сигарету в зубах и свернул во двор к парковочным площадкам, где я ожидал увидеть неотесанного бездомного мужика, усевшегося на скамейке неподалеку от детской площадки.

В такие времена вы начинаете видеть мир в полном спектре человеческих страданий. Фрагменты, обрывки памяти, воображения, настолько жалкие, что перестают казаться реальными. Мне могло показаться, что он водит пальцем по горлу специально для меня, или то, что я намеренно выдумал его враждебный взгляд. Внезапно вы

обнаружите, что затачиваете топор по дороге к дому, и отдаленная мысль об избиении какого-нибудь пьяницы до смерти кажется ясным намерением. Но много ли ты выиграешь, вытащив одну ногу из порочного круга, когда ты затащил себя туда с головой?

Бродяга заметил меня, но я не стал смотреть в его комично маленькие глаза. На подходе к дому лучше вообще никого не замечать. Больше шансов, что твоя роковая прогулка не закончится из-за чужой глупости.

Ведь никто не ждет тебя с заряженным карабином у подъезда, потому что ты ничего не расследовал. Тебя не застукают, когда ты будешь совершать важные ошибки, и даже Мария Киселева вряд ли позвонит тебе, чтобы сказать, что ты самое слабое звено. Ты, скорее, пустое звено.

Для рыхлой земли возле тротуара я подготовил удобрение в виде догорающего окурка. Когда-то тетя Тутован обустроила под окнами замечательный палисадник, но ей тоже надоело. Наверное, мне стоит принести извинения будущим черным копателям за столь бесполезный артефакт, прежде чем идти.

Подъезд в доме ничем не отличался от соседских в том, что он в точности был таким же унылым. Обшарпанные стены, устаревший лифт и темный лестничный пролет, заваленный не долетевшими до пепельницы окурками. Повсюду все ваши любимые цитаты о смерти.

Малоспособные на осознание возможностей своего интеллекта неформалы снова осквернили двери лифта наклейками с символами, представляющимися интересными только им самим. С левой стороны тоже можно было увидеть много наклеек оскорбительного характера. Удивительно, как просто и глубоко эти люди могли заглатывать собственные убеждения и делать вид, что так и надо. До того, как этот лифт превратился в Мекку славянофилов и маргиналов, он служил обыкновенным ме-

тодом перевозки всех видов пассажиров — от кошек до странных ребят в шортах, обычно сажающих людей на наркоту. Несмотря на свой устарелый вид, он был весьма прочной конструкцией.

Однако в этот раз прочность его была поставлена под вопрос, и я не нашел, кого можно обвинить в нарушении порядка жизни, кроме тех, кто развесил эти наклейки. Кнопка все-таки загорелась после нескольких нажатий, но звуков передвижения кабины так и не было слышно. Классический пример сглаза. Я устремил взгляд на затемненную лестничную клетку и пошагал вверх с постепенно заполняющим все углы многоэтажного здания эхом какой-то там симфонии Сергея Прокофьева в голове.

Я жил на тринадцатом этаже, но это меня ничуть не смущало. С каждым пролетом я только ненавидел одного лишь человека с наклейками.

На двенадцатом лампы никогда не работали. Я думаю, что там проживали самые мрачные жильцы, поэтому эта часть помещения с радостью принимала темноту, которой уже не было место в их квартирах.

И вот тут обыденность оздоровительной прогулки по этажам оборвалась. Если бы это было фильмом, это была бы его «черно-белая часть», музыкальное сопровождение к которой поспешно настучал на кастрюлях Тэйдзи Ито.

Пройдя еще несколько ступенек, я поднял голову и заметил наверху фигуру человека в лифте. Спустя мгновения тревожного трепета, вполне естественного в такие минуты, я подобрался поближе, чтобы увидеть, чем незнакомца так увлекла кабина лифта, ведь он продолжал стоять в раскрытых дверях.

Вероятно, он не услышал, как я подошел к нему. Это был поседевший мужчина крепкого телосложения, одетый в износившийся кашемировый бушлат черного цве-

та, который, помимо всего, казался ничтожно маленьким на нем. Двери с грохотом сжимали мужчину в проеме, но он ни разу не сдвинулся с места.

Исходящий из кабины запах пороха был удушающим, но внутри не было ни единой души. В этот момент ночной скиталец повернулся ко мне. На его лице я увидел определенную воодушевленность, будто он ждал меня здесь все это время. Тогда я и поинтересовался, что нового в мире лунатиков:

— Что-то случилось?

Он вышел из кабины. Двери захлопнулись, а мужчина в бушлате устоял на меня, нахмутив свои лохматые прямые брови. Его затемненные глаза приподнялись, и лоб покрылся морщинами. Из-за своего выпуклого носа с заостренным кончиком в крошечном синем свете ночи этот человек напоминал мне сокола. Хотя я все больше чувствовал, что на мне задержался его орлиный взгляд. Различие только в том, что мы не находились в воздухе.

— Да какой-то парнишка застрелился вдруг, вот отмываю стою, — неожиданно заговорил он.

С этого момента я понял, что перспектива адекватности разговора затеряна, но решил подыграть ему.

— А кто, не знаете?

— Да Вы же и застрелились.

Он сказал это без малейшей эмоции удивления. Я посмеялся и принялся потихоньку сворачивать нашу милую беседу.

— Я еще пока не решился, — все так же посмеиваясь, я ответил.

— А пистолетик у Вас в кармане нашли как раз.

Я принял его за ненормального и улыбнулся, чтобы не провоцировать на конфликт. Таким определением вообще не стоит раскидываться, однако ненормальных людей все же легко выявить: просто намекните им на это

в тот момент, когда станет до боли очевидно, и слушайте все двести тысяч примеров, как можно это не признавать.

— Ну отмывайте, не буду Вам мешать.

Я оставил человека в бушлате и двинулся в сторону лестницы. Из-за спины послышался щелчок, и я медленно обернулся. Мужчина закурил из желтой пачки, или такой цвет ей придавал свет от зажигалки. Я увидел его старое лицо, покрытое суховатой кожей. Под посаженными глазами его образовались глубокие впадины, а уголки губ смотрели вниз в бездну. Показалось, что этот человек родился седым. Вдруг он произнес:

— Ничего, мы еще увидимся.

А затем был дым... Это прозвучало слишком зловеще из его уст, чтобы я когда-либо хотел еще увидеться с ним. Даже если бы я увидел этого старика на том конце города, я бы побежал на вокзал и уехал в другую точку страны. И если бы я увидел его с чашкой чая в руках в одном из вагонов, я бы смыл себя в унитаз на подъезде к какой-нибудь Астрахани. Ветер из форточки утяжелил карманы моего пальто и чуть не прибил меня к лестнице. Я проигнорировал все мысли и поднялся на свой этаж.

Уже на подходе к своим апартаментам я остановился в коридоре квартир. Могильная тишина была абсолютной царицей этой ночи. При желании можно было услышать, как крысы прыгают по застрявшим мешкам с залежалым хламом в мусоропроводах.

Я решил переждать какое-то время в этой тишине. Не знаю, что заставило меня играть в детектива. Я отрицал разумность отказа от загадки и набрался смелости, чтобы снова осмотреть кабинку лифта.

Оказавшись снова на этаже, я сперва выглянул из-за стены. Человека у дверей лифта уже не было, как и не было слышно никаких шагов ни где-то поблизости, ни этажами ниже. Я спустился к лифту и вызвал кабину.

Двери открылись сразу же, а значит, лифтом он воспользоваться не мог.

Я зашел внутрь. В кабине не было следов крови. Запах черного пороха тоже исчез. В общем, изнутри лифт выглядел так же мирно, как девушка, когда влюбляется по-настоящему. Я внимательно осмотрелся еще раз, прежде чем выйти.

Мне не оставалось ничего больше, кроме как почувствовать себя одураченным собственным страхом. Я вымучил эту улыбку на своем потасканном лице и наконец отправился к себе домой. Хотя что-то все еще заставило меня оглянуться при виде цифр 1 и 3 на стене.

В коридоре я позволил себе немного свалиться на стену от усталости. Если каждый день будет таким, то я вряд ли прошагаю много. Медленно отпирая дверь в квартиру, я отгонял от себя это обреченное ощущение вечного проклятия. Сегодняшнего дня больше нет в истории, и это главнее.

Что ж, приз губернатора тому, кто сможет рассказать об этой квартире с интересом. Любопытно было бы заставить классиков описать ее. Здесь есть только одна уютная комната, в которой с трудом поместится одинокий гость, миниатюрная кухня имени Никиты Хрущева и одноименная ванная. Вокруг носится любимый пес по кличке Тит. Он назван в честь смешного английского слова, а не того, о чем вы подумали.

Сняв обувь и пальто, я направился в комнату. Включенный свет озарил ее прозаичность: небольшой книжный шкаф и аналоговый телевизор в углу комнаты, кровать в виде углового дивана, кресло-качалка (это было обязательным условием для меня) и письменный стол с устаревшим компьютером, а также лампой белее зубов некоторых голливудских звезд. Рядом с кроватью подчас еще пылилась акустическая гитара, струны на который я не менял с момента покупки, и она, собственно, была

финальным штрихом в интерьере комнаты. Так сказать, сгнившей вишенкой на отравленном торте.

Первым делом я подошел к столу и оставил еще одну подпись на большом листе с примечаниями на каждый день, прикрепленном к боковой стенке деревянного стеллажа. «**ФОМИН СОВЕТ ДНЯ!**» — такое было его официальное название. Этот своеобразный календарь служил мне напоминанием того, какие маски мог носить каждый прожитый день.

Вчерашняя подпись гласила: «**ИГРАЙ С ДЕВОЧКАМИ ЧАЩЕ**». Многие упрекают меня в том, что я слишком откровенно избегаю общество прекрасных дам, однако я попросту упустил много вещей в жизни, и что-то платоническое входило в этот список. Мне было незачем развлекать девушек, я не собирался тащить их в постель или под венец, поэтому было целесообразно стараться игнорировать симпатию.

Сегодня я нанес новую надпись: «**ЛУЧШЕ ЗАЙМИСЬ ЧЕРТОВЫМ ЗДОРОВЫМ СНОМ**». Мысли, записанные на листах, всегда различались — в этом и была прелесть моего календаря.

Тит продолжал отплясывать чечетку у моих ног, но я не собирался кормить его раньше, чем себя.

— Ты думаешь, я бы взял шарпея, если бы мы не выглядели одинаково ленивыми? — я спросил Тита и в ответ получил любимую недовольную гримасу.

Кстати, в квартире было чище, чем в остальном — например, голове. Сохранение порядка в комнате как-то помогло не потерять лицо окончательно. Да и не так много вещей способно вызвать чувство настолько же приятное, как смакование факта завершения уборки, поэтому советую не думать о несомненном ужасе поддержания чистоты и не копить грязь хотя бы дома.

Еще одним предметом интерьера был громоздкий шкаф братского производства для книг и журналов. Та-

кой же массивный и бескомпромиссный, как его хмурые создатели из Беларуси. На полках хранилось множество трудов, которые я так и не удосужился прочесть. Джойс, Миллер, Бротиган, Пинчон — надеюсь, эти ребята не злились на меня... В один момент чтение стало какой-то необходимостью, а необходимость со временем утрудняет. Я знал человека, который читал книги каждое утро по пути на работу и каждую ночь после работы, от этого его надбровные дуги стали настолько массивными и грозными, что они приняли участие в параде суверенитетов его тела, и бедный человек приобрел ужасную привычку пялиться в книгу все время.

Наконец, я включил телевизор, сделанный двадцать веков назад одной известной южнокорейской компанией. Поскольку до этого я жил в разных съемных квартирах, я сформировал мнение, что вообще все сохранившиеся старые телевизоры в мире сделаны этой компанией. Один из каналов специализировался на кино-нуаре, не вылезая из черно-белой цветовой гаммы и лишь периодически сменяя детективы на классические романтические комедии вроде «Пигмалиона» и «Квартиры» с Ширли Маклейн. Этот был один из тех странных каналов, на который вы натываетесь в конце телепрограммы со скуки. Трансляции фильмов прерывали лишь интегрированные анонсы, поэтому это был идеальный канал.

— Не пропустите через час на телеканале «Королевство Рэт Кэт»! — прозвучал шероховатый низкий голос диктора из динамика, и он стал как раз объявлять что-то в своей неповторимой манере. — Алекс Дастер отправляется в плохой район, чтобы доставить много неприятностей своим должникам, в новом эпизоде «Кровавых Отпрысков»!

— Я всю жизнь в рок-н-ролле с ангелами смерти, и ты это знаешь, сынок! — с легким чувством господства обратился к зрителю сам персонаж Дастера в окончании

короткого рекламного ролика. Это был хорошо выглядящий харизматичный сукин сын в светло-коричневом плаще и черной фетровой шляпой на голове.

Я старался не пропускать серии «Кровавых Отпрысков» именно по телевизору, потому что так сохранялась аутентичность просмотра, то есть прямо как в детстве. Это был настоящий редкий драгоценный камень в неконтролируемом потоке детективных сериалов. Атмосфера преступного Лос Анджелеса, саундтрек от The Stooges и The Gun Club, грубый прокуренный голос за кадром и смерть, раздающая кому-то новый приговор, — вот рецепт бронебойного коктейля «Отпрысков».

Через час я должен был прилипнуть к экрану телевизора, но сейчас мне захотелось посмотреть, что показывают на остальных каналах. Когда они не показывают рекламу таблеток и лекарственных мазей, по телевизору любят потрепаться о политике. Все каналы забиты этими темами так или иначе. Если же вы спросите меня, что сегодня происходит в мире, у меня только один ответ: кто-то играет с огнем. Я заглушил звук и немного поигрался с Титом, чтобы услышать его злобное рычание.

Раззадорив Тита, я поспешил извиниться перед ним и подобрал гитару. Эта гитара была настолько дешевой, что мне всегда казалось, что у нее какие-то особенные дешевые струны, которых нет ни у одной другой гитары. Но правда была в том, что я забросил обучение, и для меня этот инструмент был просто игрушкой для некоторой эмоциональной разрядки.

— И вот специально для Тита Великого звучит новая песня!

Я уселся на край кровати, в то время как Тит застыл передо мной со своими обвисшими щечками на мордахе. После нескольких успешно сыгранных аккордов мне нужно было одновременно подпевать, а я этого не умел:

— Вся моя...

Я сбился и попытался снова:

— Вся моя...

Я запутался, и это вызвало улыбку у меня на лице. Теперь оставалось играть небрежно нарочно, чтобы не ударить лицом в грязь перед Титом:

— Вся жизнь моя! Моя!

Из меня вырвался ужасный отчаянный крик — то, чего я никак не ожидал. Тит, до этого внимательно следивший за моими движениями, отпрыгнул в сторону, а я затерялся в короткой яростной игре импровизаций, прежде чем смог остановиться. Остановился я только, когда понял, что достиг предела, и следующий взмах уже должен был порвать струны гитары. Я потерянно взглянул на Тита — нас разделяло отвратительное молчание, но комната до сих пор пронзительно звенела и тряслась после моего крика. От бессилия я откинулся назад и уставился в потолок. Намечтавшись вдоволь, я уже закрыл глаза.

В следующее мгновение я уже сидел в комнате с выключенным светом перед мерцающим экраном телевизора. Я раскачивался в кресле и заканчивал с тарелкой слипшихся макарон, пока Алекс Дастер заканчивал свою игру с одурманенным властью картежником Томом Досфуллером:

— *Жалкий немец. Артист от мира тафгаев*, — повествовал голос Алекса Дастера за кадром. Они с Досфуллером остались вдвоем на крыше небоскреба, где тот любил проводить крупные игровые вечера. Однако в эту ночь стол перевернулся на Досфуллера.

Главный герой больше ненавидел людей, а не немцев, спешу заметить. И эта ненависть была очень точной. Я знал много немцев, и мы иногда даже неплохо разговаривали, правда, на английском языке. Я запомнил то, что улыбки на их лицах выглядят так, как будто вы заставляете их улыбаться. Заблуждения в превосходстве истори-

чески вскормили эту нацию. Никто не стремился скрывать свою правоту больше, чем немцы, и от этой правды не убежишь.

— Ты решил, что это твой последний крестовый поход, или ты все-таки потерял дар речи на время? — Алекс Дастер навел дуло пистолета на крупную голову хныкающего Досфуллера.

— Что ты хочешь от меня? Я всего лишь играю в кости, я не знаю, кто двигает эти бриллианты! — жалобно провопил Досфуллер.

— А я всего лишь играюсь с твоей жизнью этой ночью, — Дастер надавил ботинком на грудь Досфуллера и приблизился к нему с этими словами, затем озвучив свои намерения для зрителя. — *До смертельного выстрела Досфуллера отделял один крик ворона с истерзанной душой в этом диком городе.*

— Эй, Мистер Трюи, это он отвечает за слезку! Все, что я знаю! Трюи организывает наблюдение, и, скорее всего, команду для дела собирает тоже он, — Досфуллер заговорил.

— Где я могу отыскать его?

— Ха-ха, ты точно сошел с ума, Дастер! Ты занялся поиском не тех людей, и скоро ты встанешь на дорогу, на которой тебе суждено заблудиться. Смерть уже выгравировала твое имя на камне. Этот камень там, в туманном лесу, под отсутствующим небом! Один протянутый серый взор над тобою! Вечное удушье ждет всех, кто туда идет.

— *Досфуллер спятил и начал бредить,* — сказал про себя Алекс Дастер и продолжил: — *Я крепко сжал рукоятку кольта, мне оставалось покончить с прогнившим аферистом навсегда. Через секунду черное небо перед моими глазами затянулось лучами света и потащило меня ввысь. Я застыл, и снизу затрубила канонада. Пули лишь останавливались под ногами, я был вне реального мира.*

— Дерево! Дерево предаст тебя! И ее рука срубит его, как только ты поддашься гордыне! — злой, демонический смех неизвестного происхождения заполнил тишину, и гигантское чудовищное дерево обрушилось на Алекса Дастера из ниоткуда. Сокрушив детектива с огромной силой, оно прибило его к земле.

— *Свет резко пронзил меня, и я снова нашел себя на крыше. Только Досфуллера уже на ней не было. В эту минуту вбежал Бабс...*

Эпизод закончился немой сценой с Алексом Дастером, лежащим на крыше, и его низкорослым чудаковатым партнером Бабсом, недоумевающе выглядывающим из чердачного люка. Заиграла песня White Zombie, и создатели дали титры.

Вдруг я перестал различать звуки и кадры перед глазами, мой взор был просто уставлен в экран.

Редкий момент, когда ты честен перед собой. Ты не думаешь ни о чем, ты не заметишь никого. Ты смотришь на экран и ищешь отдельные предметы, которые будут существовать сами по себе, текст превратится в отдельные символы, которые ничего не значат. Кто ты и зачем ведешь этот бой?

В эту секунду я достал карточку Доктора Годарда и не задерживаясь набрал номер, указанный на ней. Еще через несколько секунд на том конце я услышал весьма приятный женский голос, и мне стало немного не по себе:

— Добрый вечер, Вы позвонили в офис Доктора Годарда. Чем я могу Вам помочь?

— Вы, наверное, ничем, но я хотел бы записаться к Доктору Годарду на сеанс.

Строгий, но все еще бархатный голос девушки мгновенно расположил меня к ней.

— К сожалению, это невозможно.

— Почему?

— Вы позвонили слишком поздно.

— Но Вы ведь взяли трубку, или это что-то из серии для раздумий? Просто на карте не указано время, когда можно ему звонить.

— Карте? Мы давно не выпускаем эти карты. Вам повезло, что я задержалась сегодня, так бы Вы даже не дозвонились.

— Значит, я могу записаться?

— Нет, Вы должны заполнить анкету, прежде чем увидеться с Доктором. Но сегодня это не получится сделать, потому что я уже выключила компьютер. Поэтому Вам не повезло.

Она отпиралась с таким наивным ехидством, что мне не хотелось заканчивать этот разговор.

— Скажите, я могу записаться хотя бы завтра?

— Мы можем договориться встретиться завтра утром. Личная беседа — обязательный этап перед принятием клиента на сеанс. Вас это устраивает?

— Увы, я завтра работаю.

— Это можно сделать рано утром. Заполнение анкеты много времени не займет, но выбор за Вами.

— Хорошо, я не против.

Я записал место встречи в стареньком потертom студенческом билете, который мне пришлось потерять, чтобы сохранить у себя, и мы попрощались.

Как и всегда, я почувствовал опустошение сразу после оживленного разговора. Тит уже дремал на полу, я отправился на кухню и оставил тарелку в раковине. Я достал две банки «Гиннеса» из холодильника и оставил их на столе. Перед финальным аккордом мне захотелось посмотреть на свое лицо.

В ванной комнате в родных потемках мое лицо отслаивается, оно похоже на грим дьявола. Я смотрюсь в зеркало и говорю себе: «Взгляни в эти глаза — это глаза мертвеца через несколько месяцев». Затем я улыбаюсь.

Вскоре я собрался с силами и вернулся на кухню, взялся отмывать тарелку от уже засохших пятен. Запомни, лучше делать это сразу.

Позже, уже почти утром, Детройт принимал Чикаго в очередной игре «регулярки». После обмена Панарина Блэкхоукс тоже смотрелись неважно. Тот обмен в Коламбус был самой большой чикагской ошибкой с тех пор, как Аль Капоне переспал с Сифозной Мэри в борделе.

В первом периоде шайб в сетке ворот никто так и не увидел, поэтому меня отбросило в крепкий сон, который никак не беспокоил приглушенный голос новых комментаторов. Лиге не хватало Гэри Торна и грубости, как футболу магии и Энди Грея.

Переливающийся свет от компьютерного дисплея омывал комнату. Я коряво спал в кресле, уткнувшись лицом в холодную и жесткую поверхность стола. Среди пустых алюминиевых банок на столе была и карточка с подписью: «Не видно конца? Доктор Годард и его психотерапия помогут Вам в поиске!»

День 2. Шаг навстречу аду

1

Адрес, который продиктовала девушка по телефону прошлым вечером, показался мне довольно своеобразным местом для упражнений в психологическом консультировании, но Доктор Годард, должно быть, больше понимает, что делает. Это была типичная заправочная станция с дерьмовой закусочной неподалеку. Я встал за несколько часов до встречи, и если бы я не заснул во время игры, мне бы, наверное, удалось поспать всего часа два. Я прочитал, как добраться до места на маршрутке, и молился, чтобы водитель не отвез меня на ка-

кую-нибудь заброшенную остановку за храмом, где меня благополучно убьют деклассированные элементы. Затем, добравшись до нужного пункта А, оставалось немного пройтись пешком вперед по трассе до пункта Б.

Даже в шесть часов утра на заправке удается поймать некоторые признаки жизни: автомобили редких путешественников устраивают водопой у покрывшихся ржавчиной колонок с топливом, пока сами владельцы покупают парочку пончиков в придачу на кассе. Мусорные баки рядом с парковочной зоной были давно забиты, а одна буква в названии закуской, очевидно, была украдена с вывески. Не самый большой эстетический прогресс, но зато здесь и там были мелкие останки нашей эпохи.

Докурив, я направился в закусную, так как встретиться мы должны были именно там. По пути мне удалось разглядеть крайне занимательную сцену в салоне задрюпанной «Нивы»: два пухляка никак не могли поделить пивную баклаху. Как только один из них, не дождавшись своей очереди испить из священного сосуда, тянулся к бутылке, между ними сразу же затевалась драка, и так по кругу.

Предприятие общепита на удивление оказалось довольно просторным и приятным глазу, хотя бы тем, что не было похоже на советскую столовую. Акцент на столовой, мой дорогой защитник былых времен. Внутри оказалось заселено меньше половины столиков, но некоторые люди бродили еще по мини-маркету, занимающему треть помещения.

Я начал оглядывать каждый столик в поиске человека, хотя бы усами напоминающего доктора, но безуспешно. Когда я передвигался по рядам, мое внимание привлекла только рыжеволосая девушка в белой блузке, изящно выгибающая кисть руки с каждым глотком кофе. Неужели она была Доктором Годардом? Я сказал себе,

что еще один обход, и пора ехать. Так, я загнал себя в тупик, и когда уже собирался уходить, из-за спины раздался знакомый хрупкий голос:

— Извините, Вы, наверное, меня ищете.

Я повернулся и увидел ту девушку с густыми огненными волосами. Осознание того, что она была роковой женщиной в этом фильме, было в какой-то мере очень горьким. Она пригласила меня за столик. Я сел напротив и в качестве приветствия сказал правду, которую она, видимо, посчитала за шутку:

— А, да, доброе утро. А я собирался поехать домой.

Она осторожно улыбнулась, но я все равно почувствовал искренность в ее реакции, поэтому мне пришлось скромно улыбнуться в ответ. Я показывал улыбку слишком часто и больше в качестве защитного механизма, поэтому у некоторых людей заслуженно возникали сомнения в моих умственных способностях, и я не винил их. То, что вы можете расположить к себе человека своей улыбкой, — это сказка, продающаяся в комплекте с веревкой и мылом.

— Я знаю, это не то, что люди ожидают от своей первой встречи, но мы ведь не построили это место своими руками, — это прозвучало так, как будто она извинялась передо мной.

— Да нет, меня все устраивает. Просто, честно говоря, я ожидал увидеть и самого Доктора, когда Вы сказали про личную беседу.

— Я секретарь Доктора Годарда. Он просит меня провести короткую встречу с клиентом, чтобы убедиться, что это стоит его времени.

Было очень любопытно то, как она выразила это. В конечном счете именно она принимала решение, стоило ли это времени Доктора Годарда, поскольку его здесь не было. Или все-таки был какой-то телемост, судя по тому, что она начала рыться в своей сумочке?

— А Вам что, хочется вставать рано утром ради таких встреч? — я любезно спросил ее, стараясь, чтобы она не смогла услышать в моих словах что-то не то и обидеться.

— Мне не составит труда рано проснуться один раз, — она вновь проявила невозмутимость в ответе.

Я мельком изучил лицо ассистентки Годарда. Меня сложно назвать романтиком, поэтому я никогда не описываю такие вещи. Если быть точным, я никогда не понимал писателей и их нужду с точностью рисовать портреты своих героев. Таким изобретательным способом я только что избавил себя от необходимости описывать стройность ее тела, вытянутость носика и какую-то грусть, бросающуюся в глаза. С виду она не казалась бестией — ее внешность обладала загадкой, присущей натурам утонченным. Однако если вам и говорили когда-нибудь, что вы еще не нашли свою половинку, то эта девушка была той, которую вы должны были найти.

В это время она достала из сумки блокнот и ручку. Надеюсь, она не заметила, что я смотрел на нее с восхищением. Не то чтобы это бы пристыдило меня, но в кротких взглядах можно усмотреть некую слабость, если пожелаешь. Если бы я на что-то рассчитывал с ней, я бы не сопротивлялся этому чувству.

— Хорошо, это не должно занять много времени, — она прервала молчание.

Ассистентка открыла блокнот и начала делать записи. Назовите свое имя и род занятий для членов суда присяжных. Человек-ящерица, и все в таком духе. После утомительного краткого пересказа моей биографии началась самая мучительная часть допроса:

— Я не собираюсь задавать какие-либо вопросы, поскольку это прерогатива только Доктора Годарда. Меня больше интересует выявить начало и природу Ваших чувств, и эту информацию я передам непосредственно

Доктору сегодня. Если возможно, опишите мне свое эмоциональное состояние, Фома.

Ввести ее в курс дела. Я всегда боялся, что мои слова будут интерпретированы с усмешкой, как ложные или раздутые симптомы. Кажется, у этого синдрома есть какое-то название, но я его не помню. Хм, что ж, сперва надо было заставить самого себя заговорить:

— Э-э, мне сложно описать то, что я чувствую, устно.

— Вы уже начали, Фома, — она спокойно направила меня в сторону кроличьей норы.

Для своей исповеди я выбрал художественный стиль, чтобы хотя бы показаться умным, раз уж я уже был самым жалким человеком на планете:

— Понимаете, если физическую боль можно как-то описать, то мое чувство — неуловимое. Как будто ты шел, и кто-то по своей прихоти дернул рычаг, который перекрыл что-то внутри твоей головы. С помощью этого рычага тебя начинают погружать ниже и ниже. Какое название дать этому? Не иначе как жизнь со связанными руками, жизнь в серьезном отчаянии.

Она начала оставлять записи в блокноте, и я сделал паузу. Как только она закончила, она посмотрела на меня с серьезным видом и сказала:

— Продолжайте.

Я продолжил, хоть и был озадачен:

— Все думают, что у вас просто какая-то сезонная грусть, но вспомните, разве даже от сезонной грусти не зависит поведение человека? У него меняется восприятие, сама способность воспринимать мир и события в нем в том виде, к которому он когда-то привык. Вы даже не сможете дышать так же, как дышали прежде, и самое смешное, что я тоже не знаю, как это произошло. Нет такого рычага, который вернул бы меня.

Я снова остановился. Мне было нелегко говорить об этих вещах кому-либо. Я просто молча наблюдал

за тем, как она делает записи в блокноте, тогда она описала в воздухе забавный жест ручкой. Я понял, что мне нужно говорить и говорить. Медики... Величайший авторитет из когда-либо известных...

— Я больше не чувствую необходимости с кем-то разговаривать. Мои фразы и шутки теперь не односложные, не могут быть такими, как будто они не предназначены для страниц какого-то романа. Мне не надо приучать себя целоваться. Мне вообще не надо шевелить губами. Как будто мир размагнитился, смел всех на противоположную сторону и оставил меня одного перед разломом. Почти внутренний конфликт Кафки, которого я никогда не читал, — я снова начал исповедоваться за столиком в забегаловке при заправке. Невероятно.

...Они заставили бы вас говорить, и, возможно, вы бы что-то скрыли от них, но какой смысл, если они уже столкнули вас вниз?

— По какой-то причине я все еще готов просыпаться утром, вставать и идти куда-то. Я не ненавижу людей, я никого и не виню. Я не чувствую себя бессильным, но я смирился с тем, что у меня не получается сорвать этот разумный бунт, устроенный моим рассудком. Я успокаивал себя через творчество, но теперь я понимаю, что это была просто жалкая попытка обмана самого себя. Эта оболочка, этот футляр, в котором я обитаю, он убьет меня.

— Спасибо, Фома, это все, что мне было нужно, — она оставила последние отметки в бордовом блокноте и захлопнула его на радость мне.

...В конце концов, это именно ты оставлял что-то недосказанным.

Ассистентка достала из сумочки маленькую картонную карточку и написала что-то на ней со словами:

— Не волнуйтесь, Доктор Годард обязательно поможет Вам. Вот необходимая информация о Вашем первом сеансе сегодня вечером. Удачи!

Она протянула мне карточку и начала собираться. На карте был указан адрес и время сеанса — Хэвенвилль, 86. 22:00.

За это время она ни разу не посмотрела на меня. Она потеряла интерес. Они все так делали, потому что ты всегда говорил слишком много, хотя ты никогда не говорил достаточно.

— Прощайте, Фома! — она обратилась ко мне перед уходом.

— Прощайте, — я ответил с непростительной апатией, даже не взглянув в сторону девушки.

Когда она уже встала из-за столика, я обратил на нее внимание. Ко всему прочему она еще оказалась высокой девушкой. Но что мне оставалось делать? Спросить, где она живет, и сделать вид, что я знаю, где это? Брось, Фома. Ты теряешь голову над девушкой, с которой вы перестанете видеться уже через месяц, и ты прекрасно знаешь, что она тебе надоест первой.

Я опомнился и увидел, что ассистентки доктора уже нет рядом. Тогда я с некоторым облегчением откинулся на спинку сиденья и ухватился за голову. Ее ангельское лицо все еще преследовало мои воспоминания, буквально впилося в них. Я понял, что моей последней надеждой будет встретиться с ней в офисе Доктора Годарда. Только чтобы отплатить ей и заставить так же влюбиться.

Я закрыл глаза, мне хотелось еще раз пробежаться по ее маленькому румяному лицу и хиленьким ручкам в своем воображении. После этого я вспомнил и о предстоящем приеме у Годарда. Фигура Доктора Годарда все еще оставалась для меня загадкой. Фигура, находящаяся во мраке, но компания его ассистентки делала этот узел еще более заманчивым для распутывания. Дата свидания была сегодняшней вечер... Я имею в виду свидание с Доктором Годардом. Да, наш сеанс.

К сожалению, конкретно в этот сеанс лечения покоем

на мое плечо упала чья-то крепкая рука. Без сомнений, что мужская, вряд ли бы ко мне пристала женщина-байкер с Марса.

— Эй, я тут ничему не мешаю? — прозвучал грубый голос, в дворовых реалиях обозначающий приближение человека без школьного образования.

Я открыл глаза и увидел, что передо мной стоял здоровый мужик в редкой бельгийской олимпийке от Adidas. Такие штучки были популярны в 90-х. Это был настоящий крутой парень. Крутые парни всегда мешают только своим присутствием. Я лениво еще раз сосредоточился на его виде и заметил, что его шея и плечи были настолько накачанными, что он походил на тумбу. Он выглядел так, как будто запер себя в качалке двенадцать лет назад и вышел сегодня.

По правде говоря, я не знал, что ему ответить, поэтому зачем-то промолчал. Это разозлило крутого парня, он плюнул на пол и начал разминаться на месте. Затем он снова вежливо обратился ко мне:

— Э, я тебя спрашиваю, чепушила!

Я вспомнил, что вызвал такси перед тем, как зайти сюда. К счастью, об этом я позаботился еще в маршрутке. Разговаривать с громилой мне было не о чем, потому я просто освободил столик. Мы были с ним одного роста, но сравниться в силе я с ним не мог, поэтому одним толчком он усадил меня обратно. Тогда я поинтересовался у него:

— Мужик, тебе-то что надо от меня?

Все части его лица сузились, и он стал похожим на крысу.

— Слышь, у нас тут, вроде как, проблема, а проблемы надо решать быстро. Ты мой столик занял, нет? — громила уверенно высказал свою претензию.

Я оглянулся по сторонам и посоветовал ему сделать то же самое:

— Во-первых, не я. Во-вторых, здесь полно свободных столиков.

— Я тебе еще в очереди на кассе показывал, что этот столик мой!

Мои ремарки вызывали у мужика агрессию, но абсурдность его претензий для меня была просто уморительна.

— А, не-а, я не стоял в очереди, — я развел руками, думая, что на этом беседа мирно закончится, поэтому поспешил заверить мужика: — В любом случае я уже собираюсь ехать.

— Собираешься?! Ты, сука, собираешься?!

Крутой парень разозлился не на шутку. Я уверял себя, что на этот раз мне придется оттолкнуть его, чтобы уйти, пока тот продолжал быковать.

— Че? Ты напуган, сука? Так и должно быть! — меня удивило то, с какой легкостью мужик повышал тон. Он совершенно не напрягся, как будто всегда так разговаривал.

После его выкрика из служебного помещения выбежал небольшой бочкообразный горе-бизнесмен средних лет. На его голубой хлопковой рубашке броско вырисовывалось свежее пятно от кетчупа. Этот неуклюже торопящийся к нашему столику человек, наверное, был владельцем закуской.

Громила не отдышал ни секунды и попытался схватить меня за шею, но я откинул его руки. Когда ты был загнан в угол сам по себе, страх перед дракой был просто страхом перед самим собой или своими сомнениями, а не противником. И все равно это было бы неверно утверждать, что такие неудобства не добавляли опасности в моменте. С другой стороны, ты максимум можешь умереть в драке. Не самый плохой исход.

В какой-то момент у меня зазвонил телефон. Это был таксист. Мне пришлось встать и беспечно пройти мимо

громилы, как мимо случайного прохожего на улице. В соответствии с тем, как были распределены наши роли, я был обыкновенным трусом, оценивающим свои шансы. Он же был ослепшим цыпленком, пытающимся нащупать небо.

Через несколько секунд громила толкнул меня в спину.

— Эй, клоун, я не понял, ты мне пиво принесешь?

Тут в конфликт вмешался владелец закусочной и попытался успокоить громилу своим смешным визгливым голоском:

— Послушайте, не нужно злиться! Я достану Вам пиво! Я достану Вам два пива!

Я двинулся вперед, но громила отодвинул владельца закусочной в сторону и проследовал за мной. Он снова отдернул меня за плечо, выкрикивая:

— Слышь, ты че, не слышишь меня?

Владелец закусочной уже чуть ли не с плачем накинулся на громилу:

— Ну, это же абсолютно не нужно!

Я не знаю, кто достал громилу больше, я или толстячок, но в следующее мгновение хозяин забегаловки полетел в один из столиков. Правда, крикливый мужик быстро оказался на ногах и повторно принялся умирять неугомонного зверя. Тогда тот силой смахнул его на землю, и в мою спину снова раздались угрозы:

— Эй, ты че, еп?! Ты че, кусок полудурка, я же тебя убью здесь!

Весь человеческий облик и ваша преданная маска маскулинности. Самый злобный яд из имеющихся. Крики всегда наполняли воздух силой и устрашением. Это была их единственная цель в такие моменты.

Громила уже волочил бедного хозяина по полу в качестве тряпки.

— Пожалуйста, пожалуйста, только не здесь, — владелец дотошно молил его остановиться.

Вся сцена начинала выглядеть как отрывок из второго-сортного реалити-шоу. За исключением того, что это не было одним. И в конце прохода, кажущегося мне пространственным манифестом вечности, я добрался до дверей и вышел на улицу.

За пределами дома летаргии в небе уже рассеялись сырые облака. На выезде с заправки стояла машина таксиста. Я направился к нему. В это время из дверей забегайки выскочил громила, он пытался как-то двигаться, но владелец заведения значительно замедлял его ход.

— Он убегает! — весьма жалобно прозвучало это наблюдение из уст громилы.

— Так это же хорошо! — радостно уверяла его мартышка, крепко схватившаяся за ногу.

Я сел в кабину к таксисту. Мужчина за рулем с первого взгляда показался мне весьма простоватым, не витиеватым типом. Он тоже видел, как крутой парень наконец освободился от надоедливой обузы у своих ног и с ревом бросился дальше в нашу сторону. Спустя пару секунд молчания, таксист по-философски спросил меня:

— Может, выйдем настучим ему?

Предложение и вправду было заманчивым. Кулаки громилы жаждали боя все это время, но для меня он ничего не значил. Возможно, он был боксером, стал бандитом и теперь проворачивал эти схемы на заправке каждое утро, или перед бычком просто выгорел красный цвет, ведь рядом со мной утром была красивая девушка, поэтому он захотел доказать, что он все еще был главной звездой забега. Проблема была уже не в том, что мне страшно, а в том, что я был достаточно зол, чтобы убить его.

— Поехали, — я безучастно скомандовал таксисту.

Машина таксиста тронулась с места и затянула глаза беснующегося громилы пеленой из пыли.

— Ты знаешь, кто такой, а?! Я еще буду ждать тебя здесь, гнида!

Мужчина в разноцветной олимпийке продолжал кривляться и швыряться камнями в зеркале заднего вида, но таксист даже не обращал на него внимания. Мы выехали на трассу, и мне тоже не было никакого дела до кого угодно. Думаю, он понял это по моим пустым, прозрачным глазам и не сказал мне ни слова за весь путь.

2

Работать я приехал с небольшим опозданием, хотя, честно говоря, мне уже стало скучно от вины за мою ответственность, поэтому первым делом я направился в курилку. Сейчас мне бы пригодилась доля беззаботности, с которой живет Алиса.

В длинном коридоре офисов я ни с кем не встретился, что уже было удачей. Я заглянул внутрь комнаты, которая вела к балкону, но и там не было ни душонки, что уж говорить о гиперактивной душе-монстре кокетливой Алисы. В комнате отдыха она проводила еще больше времени, чем человек, придумавший отдыхать.

Как только я закрыл за собой дверь, я сразу же наткнулся на самого злобного человека из всех живущих, самого злобного зрителя в компании видеоев MTV. Вместо лучика света мне прислали вождя абсолютно всех темных царств, и это можно было ожидать. Денис Анатольевич тяжело вздохнул, и я понял, что проще сразу признаться:

— Но я даже не курил. Я только пришел сюда.

— Почему ты опоздал? — спросил Денис Анатольевич.

— Я прошу прощения. Просто там у меня было что-то вроде драки сейчас... — я замешкался.

В эту секунду Денис Анатольевич разразился громким смехом и накинулся на меня с истерикой:

— О, и ты победил, наверное?

Он продолжил смеяться, затем достал свой идиотский шелковый лимонный платочек и сделал вид, что вытирает слезы. Денис Анатольевич открыл дверь в пустой кабинет и произнес:

— Что ты искал здесь, Фома? — он мгновенно переменялся в настроении и продолжил: — Ой, я знаю, ты искал свою подружку Алису, не так ли?

Дверь громко хлопнула перед носом, и Денис Анатольевич дополнил:

— Ну, вот тебе новости, козел. Алисы здесь больше не будет.

В следующие мгновения Денис Анатольевич уже демонстративно дергал ручку, то открывая, то закрывая дверь передо мной.

— Вот так просто, — сказал он с холодом.

От серьезности Дениса Анатольевича мне стало несколько некомфортно, но он продолжал насмехаться:

— Эта дура вчера устроила пожар здесь. Ты не знал? Я поговорил с некоторыми людьми в ее отделе, и эту безмозглую дуру выперли отсюда, — Денис Анатольевич возвысился и добавил: — Да, дружочек, это я ее уволил!

Он оставил свою улыбку, полную дерьма, мне в лицо и ударил пальцем по моей груди. Если бы это не происходило со мной, я бы даже с определенным любопытством порадовался, что в каком-то человеке может быть столько мерзких качеств.

— И ты следующий, парнишка... Ох, ты очень близок к тому, чтобы стать следующим...

Денис Анатольевич закурил прямо на месте.

— Теперь приступай к работе, — он махнул рукой со словами: — Свободен, гринго.

И ушел, оставив меня вариться в дыму сигары.

Вернувшись на рабочее место, я обратил внимание на то, что не менял дату в календаре уже больше двух недель, и решил так и оставить ее в честь Алисы. Сохра-

нить ту дату, когда она еще была здесь в каких-то метрах от меня. Злостная ухмылка не покидала мое лицо. Алиса была для меня единственным родным человеком в коллективе, теперь она ушла, а ведь я не успел спросить у нее, считает ли она нас простыми людьми. Такими простыми, что могут позволить себе запить свое горе, залечь на кушетку и пробормотать что-то про то, что все наладится. В нашем блюзе не было тонкости. Волны бросали тебя, как хищники бросают свою жертву для истощения. В соседней кабинке зазвонил телефон. Лишь бы этот урод ответил поскорее.

— Доброго времени суток, голос банка «Думинион» к Вашим услугам...

Но телефон продолжал гудеть уже на моем столе. Острый и жесткий огонь в моих глазах парализовал меня. Телефон продолжал звонить и звонить...

Я уже лежал на диване, когда меня разбудил будильник. Было восемь вечера, и за окном во всю отсвечивали фонари.

Перед тем как я заснул, я пообещал себе, что надену свою лучшую рубашку на встречу с Годардом и его ассистенткой, но уже сейчас на меня что-то нашло. Я не стал заморачиваться и оставил все, как есть. Вместо этого я подобрал гитару и завалился обратно на диван, подвинув Тита. Проведя пальцами по струнам несколько раз, я сделал шаг навстречу аду...

3

Офис Доктора Годарда был расположен на самом краю 86-й улицы Хэвенвилль, и я успел несколько раз запутаться, пока искал ее. В нескольких кварталах отсюда вы бы оказались в лагере убийц, но каким-то образом эта область не была затронута действиями преступных ястребов.

Припарковав автомобиль напротив неотесанного двухэтажного здания, к тому же скрытого в самой глуши района, я решил посидеть еще немного внутри. В салоне звучала песня «Night Shift» в исполнении Siouxsie and The Banshees, и ее мрачная до мурашек по коже басовая линия дополняла таинственность этой ночи. Ночь молчала, огни от машины являлись единственным источником света вокруг.

Я оглядел местность и заметил, что рядом с мусорками обитали вороны. Увидев меня, они полезли в драку друг с другом. Я до сих пор не мог поверить в то, что ворон и ворона не были природной парой, и, наверное, эти две вороны начали спорить об этом. Даже среди птиц наверняка существует двойственность мнений.

Наконец, я вышел из салона и почувствовал, как прохладный ночной воздух сгустился вокруг меня. Само здание своим большим видом напоминало больницу или очень старую гостиницу. Я сделал несколько шагов в сторону уже не совсем белых двустворчатых дверей и увидел то, что до этого проскользнуло мимо моего взора: на стене была накалякана маленькая девочка с плюшевым мишкой у своих тоненьких ног. Потeki краски только придавали ей зловещий вид. Я уже был готов встретить здесь самого Бэнкси, но я все больше не хотел видеть Доктора Годарда. Разумным шагом было бы сесть обратно в машину и уехать подальше, оставив его фигуру такой же безликой, как прежде. Однако я умел убеждать себя в том, что мне что-то необходимо, поэтому я заступил ногой на территорию объекта.

Первый этаж встретил меня пустым неосвещенным лобби, которое было связано с главным залом. Здесь были только я и редкая каркающая ворона снаружи, скрипящая с леденящим эхом в темных удлиненных коридорах.

В холле я наткнулся на опустевшее гнездо. Будка сторожа была свободна, поэтому мне показалось логичным осмотреться и там. На запылившемся столе можно было увидеть лишь парочку сборников с незаконченными квадратами sudoku и корку хлеба, покрывшуюся многовековой плесенью. Видимо, охранник настолько увлекся разгадыванием кроссвордов, что забыл ее доесть в 1305-ом году. Порыскав по ящикам, я обнаружил фонарик. Воспользовавшись не менее старинным методом нанесения ударов по заглохшему предмету техники, я заставил его заработать и вышел.

Я осветил барахлящим фонариком скамейку возле окон в углу большого зала и заметил две куклы, лежавшие рядом на подоконнике. Все эти второсортные попытки нагнать ужас становились немного раздражающими. Даю гарантию, что вам было бы страшно находиться одному в таком помещении и без кукол.

Пройдя мимо громоздких мраморных колонн, подпирающих потолок, я выбрался к лестничным пролетам. Вдоль стен простирался ряд закрытых кабинетов. Само здание не было грандиозной загадкой. Возможно, заброшенная школа или больничный проект. Но почему именно здесь Годард хотел со мной встретиться?

Я подошел к двери, смотревшей прямо на меня, и дергал за ручку по приглашению. Эта дверь заперта. Мне нужен ключ, чтобы попасть внутрь. Оставался только второй этаж.

Второй этаж имел такую же конструкцию с закрытыми кабинетами, разбросанными по периметру. Тут фонарик подал последние признаки жизни, а затем выключился полностью. Я подошел к случайной двери и попробовал открыть. Дверь заперта. Мне нужен ключ, чтобы попасть внутрь.

Повертев головой с подкрадывающимся отчаянием, я увидел, что напротив целого ряда дверей была всего

лишь одна с прозрачными стеклами. Она вела в гигантский вытянутый коридор, который скудно подсвечивало темно-синее небо.

Далее по коридору на стене висели огромные картины и фотографии, снова разделенные чертовыми закрытыми дверьми. Я собрал как можно больше лунного освещения, чтобы осмотреть картины. Это были насыщенные руинами произведения художников-романтиков. Дойдя до конца художественной галереи, я уткнулся в такую же пластиковую дверь, как в начале коридора.

По сути, за нею было продолжение того же коридора, только уже с ответвлением. Завернув за угол, я попал в так называемый тупик здравого смысла, потому что на меня уже смотрела настоящая область тьмы. Я сделал несколько шагов ей навстречу в надежде увидеть какой-нибудь просвет, но в это время сзади раздался грохот, показавшийся мне выстрелом из пушки в столь мучительной тишине. Я стремительно перебрался обратно в коридор. Оказывается, одна из картин, висевших на стене, свалилась на пол. Я поднял ее и попытался рассмотреть нарисованное. Картина была повреждена и, очевидно, не подвергалась реставрации, потому что это все выглядело как довольно незаконная коллекция. Судя по ужасу на лицах у просматриваемых персонажей, на ней были изображены события Судного дня. Картина светилась в моих руках, как ореол вокруг головы святых.

Это сравнение противоречило реальности на целое межгалактическое расстояние. Я повесил картину обратно на стену и неторопливо подошел к окну. Отсюда я мог посмотреть на свой «Линкольн», а также рассмотреть внутреннюю площадь здания. Это была небольшая территория, окруженная холодными кирпичными стенами этого унылого особняка. Возможно, именно там играли дети или пациенты. Доктор Годард решил поиграть и со мной, но я не собирался проводить ночь в поисках

подсказок, и уж тем более я бы ни за что на свете не зашел без фонарика в тот черный отсек. В следующий момент за моей спиной что-то засияло. Я развернулся и увидел, что дверь одного из кабинетов была приоткрыта. Такое увлекательное приглашение на маскарад гарантировало мне интересный танец.

Я пошел на свет и распахнул дверь.

Машина времени вернула меня в готический период. Я оказался в чем-то причудливом замке. Здесь был большой антикварный стол из темного дуба, его бронзовые ручки были выполнены в форме корон, а также огромный витринный шкаф, полный книг, и на удивление миниатюрный кожаный диванчик. На стол было взвалено множество бумаг и документов, но мое внимание тут же привлекла лампа в виде титанической литой статуи гаргульи на краю стола. Она не работала, но одна ее патина озаряла все перед глазами не хуже, чем подвешенная над головой люстра. Я подошел к столу и увидел именную табличку рядом со стареньким телефоном. Прочитав имя Доктора Годарда на ней, я вдруг понял, что мы собрались вальсировать здесь свирепее, чем Анатолий Тарасов вокруг своих подопечных во время тренировки.

Я попытался найти выключатель у лампы, проведя рукой по ее горбу, но так и не нашел его.

— Вы что-то потеряли у меня в кабинете?

Внезапно глубокий, мужественный, но успокаивающий голос вторгнулся из-за спины.

Я быстро обернулся и увидел перед собой несколько забавного мужчину солидного возраста прямоком с той карточки. Он указал на меня и заговорил:

— Мистер... Вы должны представиться, я предполагаю?

Доктор Годард, если это был он, выглядел как нелепый советский ученый с его седыми усами и забытой модой рубашек, заправленных в льняные брюки. В его хрипловатом голосе можно было услышать мудрость, но эта мудрость, как будто, была заработана в пивнушках под песни пьяных шансонье и поэтов-песенников, а не ученым трудом.

Я представился ему:

— Фома.

Доктор Годард остроумно парировал:

— Как Аквинский?

— Это тоже единственный Фома, которого я знаю, — ответил я с улыбкой.

— Есть еще Неверующий. Хорошая компания, не правда ли? — посмеиваясь, сказал Доктор Годард и спросил: — Что Вас привело сюда, Фома?

Тут уже ход перешел ко мне, и я тоже постарался блеснуть остроумием перед Доктором:

— Я узнал, что уныние — это грех, вот и пришел к Вам исповедаться. Вы же Доктор Годард?

— Так точно. Последние 30 лет я являюсь именно Доктором Годардом.

Он с гордостью произнес эти слова и включил лампу на столе, потянув гаргулю за язык.

— Впечатляюще, согласитесь, — добавил Доктор, показав своим пухленьким пальцем на статую.

Помимо золотого обручального кольца Доктор носил также блестящий перстень с гранатом на левой руке, а на правой у него на указательном пальце был черный наперсток с посеребренной фигуркой ежа. Голова Годарда была округлой формы, глаза казались слегка впалыми, и его короткий нос с горбинкой немного выступал. У него были выбриты виски и аккуратная стрижка в виде небольшого ирокеза. Значительным ростом Доктор Годард наделен не был, что в совокупности делало весь его образ отчасти мультяшным.

— Присядьте, — он указал мне на диван, а сам уселся за свой письменный стол.

Я все еще не мог избавиться от внутреннего напряжения, поэтому присел осторожно, словно от этого зависел успех операции целого диверсионного отряда. Доктор в это время копался в вещах у себя на столе и проговаривал:

— Итак, мы окажемся на старте, как только я найду свои очки. Пожалуйста, проявите немного выдержки, я знаю, как Вам не терпится начать.

Он улыбнулся, и я сделал то же самое в ответ, хотя старался не смотреть долго на него. Стоило ли доверять этому человеку? Я посмотрел на Годарда еще раз, и в этот момент он поймал мой взгляд, поэтому я быстро отвернулся. Мне показалось, что Доктор продолжал сверлить меня своим сосредоточенным, магнетическим взглядом, поэтому я сконцентрировался на мысли, что у Доктора в кабинете нигде не было часов.

— Готово, — послышался голос Доктора.

Я повернул голову и увидел его в тонких очках с красно-черной пластиковой оправой.

— Кошачий глаз, — Доктор добавил, показав на оправу.

Мне это ничего не говорило. У меня еще не было проблем со зрением. Зато личность Доктора Годарда все больше увлекала меня. Он разговаривал неторопливо, спокойно и с абсолютной уверенностью в своих словах. Этот джентльмен поприветствует вас у дверей психиатрического отделения и с большим удовольствием представится вам. Они все звали его как-то странно, но готов поспорить, его звали Боб.

Спустя минуту беспорядочной возни Годард достал одну уже знакомую мне вещь. Это был блокнот, который утром заполняла надписями его ассистентка. Значит, она была здесь.

— Прежде чем мы начнем, поручик, как Вы находите квалификации моего интерна? — спросил Доктор.

— А, женщины, с которой я разговаривал ранее?

— Ох-хо, — засмеялся он, — она едва ли женщина для Вас, Фома, но да, я про нее.

— Ну, она не особо расспрашивала меня.

— И все же она узнала многое.

Доктор Годард показал мне блокнот с множеством записей, сделанных его ассистенткой и добавил:

— У нее невыразимо светлая голова, но все же она допустила одну ошибку. Она забыла представиться Вам, Фома. Ее зовут Вера.

— Я ожидал увидеть ее здесь сегодня, — я не стал скрывать это.

— Она Вам понравилась? Теперь уже как женщина, естественно.

— Нет, — эту часть я, к сожалению, скрыл от любопытного доктора, но вовремя исправился: — Это тоже она Вам сказала?

— О нет, мы никогда не говорим с ней на личные темы. Я не имею ни малейшего представления...

В этом человеке точно прятался дьяволиный ребенок Сократа.

— Кроме того, что Вы очень интересны ей, естественно.

Годард, довольствуясь законченностью своей иронии, отложил блокнот в сторону. Он посмотрел на меня и предложил приступить к сеансу:

— Ну что ж, Фома, я боюсь, что мы должны начать нашу сессию. Это Вас не беспокоит?

— Нет, — я заверил его.

— Замечательно. Сначала я задам Вам несколько вопросов, с которыми Вы, возможно, знакомы по контекстам таких славных малых, как Карл Юнг и Аарон Бек. Данный опрос проводится с целью, чтобы получить точное представление о том, с чем мы можем иметь дело.

Я молча поддакивал ему, потому что не знал, что нужно говорить.

— А затем мне хотелось бы предложить специфический метод преодоления трудностей и последующей адаптации к ним, давайте назовем его так. Доводи-

лось ли Вам когда-нибудь слышать о таком понятии в философии и когнитивной терапии, как майевтика?

— Смутно. Я не очень люблю читать, но это что-то из Пифагора, да? — я подыграл Доктору, чтобы присоединиться к психологической игре.

— Близко. Излюбленная диалектика Сократа, но это не столь важно.

Естественно, не важно. В эту игру ведь могут играть двое, Доктор Годард.

— Наш диалог будет построен больше на вопросах, и мы будем отталкиваться от Ваших размышлений. В конечном счете мы увидим, насколько хорошо эта методика работает, ведь наша главная цель — помочь Вам двигаться дальше.

Я кивнул в знак согласия. Доктор продолжал говорить о вещах, по большому счету не значивших ничего для меня:

— Вам ведь известен один из основных принципов этики в психологической диагностике, согласно которому наша основная обязанность как специалистов — сохранять конфиденциальность всей информации, которой Вы добровольно поделились, потому как мы не вправе раскрывать какие-либо данные без Вашего согласия или юридического разрешения на это?

— Да, — этот отрывистый ответ прозвучал еще смешнее, учитывая такую длинную речь бедного Доктора.

Я сказал да, но сомневаюсь, что от этой информации может быть какая-нибудь польза.

— Хорошо, первая сессия займет около 20–30 минут нашего с Вами времени. Мы не будем спешить, потому что с этого момента Вы мой постоянный клиент, Фома.

Я молча согласился в очередной раз, и Доктор продолжил:

— В беседе с Верой Вы описали свое нынешнее состояние как «жизнь со связанными руками». Не могли бы Вы дополнить это утверждение?

Я смутился. В идеале надо было подготовиться к тому, что разговор будет про одно и то же, вместо того чтобы спать.

— Даже не знаю, — скромно начал я, но затем подхватил мысль: — Мне кажется, что я настолько осведомлен о своих собственных действиях и словах, что теперь, когда я оказываюсь перед людьми, я чувствую себя... маленьким, наверное. Как будто я и не принадлежу миру.

— И как долго это чувство беспокоит Вас?

— Может быть, со старшей школы. Но я точно стал одним с ним сейчас.

— Вы бы описали эту модель поведения или настроения как нечто избирательное, проявляющееся в определенное время?

— Возможно. У меня как-то все происходит с помощью чувств. В моем поведении нет закономерности. Я раньше был знаком с огромным количеством людей. Теперь я могу повстречать человека, поговорить с ним и забыть через какое-то время, как будто отказаться от него.

— Я Вам скажу, что у всех людей так, Фома. Нет такого универсального болтуна, умеющего подобрать ключ к каждому. Да и зачем, собственно?

— Если это так, то я просто не могу заставить себя верить, что все люди задумываются, например, о том, как их воспринимают, когда они проявляют эмоцию страха. Многие, но не все. Некоторые из нас больны на голову, не нужно это скрывать.

— А что для Вас является эмоцией страха?

— Если допустить, что на меня нападет собака в людном месте, я, скорее всего, буду думать о том, что мой

страх будет высмеян, а не о том, что нужно как-то защищаться.

— В таком случае я должен спросить, на Вас уже напала собака? — Доктор засмеялся.

— Да, в детстве мне приходилось убегать от немецкой овчарки, но это ведь не страх одной ситуации с собакой. Это связано с реакцией людей. Этот страх быть высмеянным не покидает меня.

— Интересно... А Вы когда-нибудь испытывали тревогу или приступы паники в многолюдных местах?

— Нет. Я быстро хожу и не успеваю замечать людей.

— Тогда как бы Вы заметили, что они смеются над Вами?

— Потому что это отдельно взятый момент, или потому что это мысль об их смехе.

Либо Годард притворялся, либо не мог представить такой простой мыслительный процесс, как осознание страха. Как бы то ни было, это начинало злить, и он смеялся над темой:

— Может, существует что-то вроде чувств презрения или враждебности, которые Вы сознательно испытываете к людям?

— Я стараюсь избегать людей из собственных соображений, и, конечно, я могу чувствовать ненависть к определенным личностям. Я бы сказал, что это довольно частое явление для всех людей.

Поезд продолжал стремглав мчаться мне навстречу. У Доктора для меня, кажется, было заготовлено около миллиона вопросов:

— Фома, ощущаете ли Вы физический дискомфорт или, возможно, переутомление организма?

— Я не чувствую каких-либо заметных проблем со здоровьем. Правда, меня иногда мучает боль в груди.

— Опишите эту боль.

— О, даже не знаю... Просто чувствую, что мою душу

кто-то топчет. Это очень глупо, но я не знаю, как еще выразить это словами.

Я и вправду не знал, что это за боль. Она появлялась, когда я много думал о чем-то, связывала мою грудную клетку в плотный ком и не давала избавиться от себя. Помогали длинные выдохи, но не на долгое время, поэтому в основном приходилось просто терпеть.

— Очень глупо было бы не говорить этого, не так ли? — заметил Доктор и спросил меня: — А эта боль, она постоянная? Вы чувствуете ее сейчас?

— Сейчас? Сейчас нет. Она приходит ночью, когда я пытаюсь уснуть.

— И это можно применить к Вашему состоянию в целом? Тоска чаще находит Вас в вечернее время?

— Да. Люблю дневной свет.

— Вам бы с Шопенгауэром собраться и выпить — очень занимательная встреча могла бы быть.

Доктор, тихонько посмеявшись, сложил свои коротенькие руки на голове и откинулся в кресле. Годард-то уж точно не раз повторял этот жест, выпивая с кем-то. В таком положении он задал мне странный вопрос:

— Фома, а Вы верующий человек?

— Зависит от трактовки веры, — хорошо подумав, сказал я.

— Что Вы имеете в виду?

— Я верю в то, что Бог есть.

— Но Вы верите в него?

— Мне не нужно в него верить, — я дал Годарду ответ и продолжил: — Мне кажется, что если ты впускаешь Бога в жизнь, то вы уже не стоите с ним на одном уровне.

Я заметил, что он был несколько смущен моим ответом, но одновременно заинтригован. В этот момент я и понял, что Доктор Годард втиснулся в мою голову и распотрошил всю сущность. Никто не знал меня лучше, чем он сейчас. Единственное, что осталось нетронутым

тым, был мой дух, который помог бы мне не расплакаться, как маленький ребенок, затерявшийся посреди рядов гаргантюанского рынка.

Доктор за это время сделал какие-то записи в злополучном блокноте и вмешался с новой порцией вопросов:

— Хорошо, давайте вернемся, Фома. Как Ваш сон?

— Нормально. Я крепко сплю большую часть времени. Лишь иногда я могу проснуться посреди ночи.

— Больше никаких беспокойств?

— Еще я заметил, что просыпаюсь на один или два часа раньше, чем прежде. Я пытаюсь уснуть обратно, но со временем уже просто начинаю думать о разных вещах.

— Когда Вы ложитесь спать? И сколько часов занимает у Вас сон?

— По-разному. Я стараюсь ложиться до полуночи, встаю в 7 утра и готовлюсь к рабочему дню.

— Хорошо. В ходе разговора с Верой Вы упомянули, что работаете в офисе, правильно?

— Да. Я работаю в колл-центре банка «Думинион».

— Помимо самой работы, имеют ли место какие-либо дополнительные физические нагрузки в Вашей повседневной активности?

— Нет... Я остаюсь дома и смотрю хоккей.

Совершенно внезапно я осознал, что все еще сидел у Доктора в кабинете в своем пальто. Этот момент был обречен на то, чтобы стать неловким, поэтому я попытался загладить свое невежество:

— Извините.

Доктор с широкой улыбкой наблюдал за тем, как я нерасторопно расстегивал пуговицы своего пальто, и прервал меня, прежде чем я дошел до низа:

— О, не переживайте, это не проблема. Очевидно, я бы попросил Вас снять его еще в начале нашей встречи, если бы я захотел.

В таком случае я не стал снимать пальто, потому что в комнату через дверь, которую Доктор Годард оставил открытой, пробивался ветерок с ночной прогулки по стенам средневекового замка.

— Видите ли, я предполагаю, что, поскольку человеческому организму необходим сон для восстановления энергии, утраченной в течение дня, а нагрузка на Ваш организм умеренно низкая, это и может быть причиной того, что Вы просыпаетесь раньше... — Доктор обратился ко мне и добавил в конце: — Но я не физиолог, так что молчу.

— Может быть, — я весьма скупко ответил, не зная, как развить эту тему.

— Вы замечали какие-либо изменения в аппетите за последний месяц?

— Нет, я ем одинаковое количество еды всю мою жизнь.

— А нарушения, связанные с памятью?

— Эм, я полагаю, что в какой-то момент она просто стала хуже, я даже не могу отследить.

— Вас когда-нибудь посещали сохраняющиеся мысли о самоубийстве?

От бесцеремонности столь неожиданного вопроса теперь всюю заулыбался я сам. На этот вопрос у меня, кстати, всегда имелся ответ:

— Да... Просто думаю, ставлю условия, учитываю все «если». Я сомневаюсь, что когда-нибудь решительно покончу с жизнью.

— Пожалуйста, сосчитайте в обратном порядке от ста, вычитая число семь каждый раз.

Тактический гений Доктора Годарда не переставал меня удивлять. Конечно, у всякой информации в психологии бывает интерпретация, и, наверное, была какая-то причина делать это так бессвязно. Точные науки всегда создавали мне больше забот, чем пользы, поэтому стра-

тегия Доктора сработала, ведь я с трудом выполнил его задание:

— Э-э... Девяносто три... Восемьдесят... шесть? Семьдесят девять, семьдесят два... Шестьдесят...

— Этого достаточно... — к счастью, меня остановил доктор и добавил: — Скажите, Фома, у Вас есть вредные привычки?

— Да, я курю, еще иногда выпиваю с близкими друзьями, — я сказал правду с первого раза, но подозревал, каким будет продолжение вопроса.

— Наркотические вещества?

Бинго. Мне никак не удавалось избавить людей от впечатления, что я балуюсь наркотиками, ведь помимо ужасной худощавости меня могли выдавать еще неконтролируемые гипоманиакальные вспышки. В принципе, такое представление людей обо мне не мешало мне жить, поэтому я не стал вешать на себя табличку, что я не наркоман.

— Честно, я ничего не употребляю, — я сказал это с убедительностью серийного убийцы.

— Понял, принял, предлагать не буду, — изредка у Доктора появлялась необходимость шутить, но от программы с вопросами он все равно не отходил. — Как насчет хобби? Может, спортом занимаетесь, Фома?

— Сейчас нет, но я играл в футбол, когда учился в школе, даже играл за команду города.

— А почему бросили?

— В этом городе в футбол играют только те, кому платят за это.

— Любопытный подход. А есть ли у Вас хобби в настоящее время? Вы увлекаетесь чем-нибудь?

— Ну, спортивные события, музыка и кино. Иногда я поигрываю на гитаре. Честно говоря, не стал бы называть это хобби.

После этой реплики Доктор Годард насторожился. На его лице отобразилось легкое, едва уловимое, возмущение. Сверившись с отметками в блокноте, он спросил:

— А почему Вы не упомянули то, что занимаетесь письменным творчеством?

Этот вопрос выбил меня из колеи. Я всегда стыдился, когда заходила речь о творчестве всерьез. Я попытался преодолеть смущение и ответил Доктору:

— А... Эм... Потому что мне не нравится? Из этого ничего не получается.

— Что именно Вы пишете, если не секрет?

— Разные пьески, рассказы, как-то я написал сценарий к фильму... Но я раньше писал. Теперь же все, за что я берусь, превращается лишь в незаконченные страницы.

— Почему Вы перестали писать? — Доктор Годард оставил ручкой последние заметки в блокноте и закрыл его.

— Почему перестал писать? Не знаю, наверное, потому, что мне часто приходится напоминать себе, что вокруг столько талантливых людей, которым есть что сказать о нашем мире, а когда ты пишешь исключительно о своих проблемах в этом мире — это немного дерьмово, чувак.

Еще до того, как произнести эту реплику, я решил, что закончу ее именно так. Такая откровенность вызвала у Доктора Годарда оживленный смешок.

— Вы можете поведать, о чем Вы писали? И почему, как Вам кажется, это не было воспринято всерьез? — поинтересовался у меня Доктор, его голова до сих пор покачивалась от смеха.

— Мне кажется, люди не хотят читать философию с кухни, потворствующую своим желаниям. Они не призывали к настоящим безумцам. Но если Вы хотите обвинить меня в заблуждениях в величии, то, может, просто было плохо написано... — я ответил ему, стараясь не бросаться громкими заявлениями.

— Хм, а если рассмотреть некоторые примеры, Вы же знакомы с работами Ингмара Бергмана? Его фильмы также считаются тяжелыми, и тем не менее...

Доктор Годард заговорил о кино, и мне было что сказать про кино, но я не стал вдаваться в развернутую дискуссию:

— Больше экзистенциальной лапши, меньше глубины.

Тогда Доктор предложил еще одну кандидатуру, чтобы утешить меня:

— Ричард Линклейтер?

Два слова мгновенно распались на солидные частички эха внутри моей головы. Мне сразу вспомнился анимационный фильм «Пробуждение жизни» от этого режиссера, и мое внимание автоматически переключилось на гротескную лампу.

Если следовать идеям онейронавтики, описанным в той картине, в данный момент я вполне мог оказаться во сне. Ложное пробуждение, осознанные сновидения и все остальное, что пророчила речь укурышей. Все, что мне нужно было сделать для проверки, это дернуть гаргуюлю за выплавленный язык и посмотреть, выключится ли свет. Хотя эта мысль и ошеломила меня, я быстренько одумался, когда услышал голос Доктора:

— Фома?!

Выйдя из недолгого шокового расстояния, я извинился перед доктором:

— Извините, я задумался о другом... Я не знаю... Это просто плохой сценарий.

— Пожалуй, Ваш критический аппарат уж очень негативно настроен по отношению к автору.

— У меня есть основания полагать, что все мои задумки пустые, бесчеловечные. Я не хочу унижать себя, но в них нет любовного настроения, важного для любого творчества. Даже тот сценарий, который я когда-то очень

хотел закончить, сейчас кажется мне слабым и неинтересным.

— Вы, конечно же, не пытались кому-то его показать?

— Не вижу смысла.

— Но при этом Вы все еще мечтаете построить карьеру писателя? — с большим интересом спросил Доктор и добавил: — Я бы отнес Вас к мечтательному типу личности. Это так?

— Если мечта — это любое желание, то нет. Я не понимаю, как многие рассматривают картинки Амстердама и мечтают жить там. На мечту всегда приходится работать. Нет, если я и мечтатель, то мечтатель о конкретных вещах, необходимых мне для дальнейшей работы, и я знаю, что не найду однажды мешок с деньгами под дверью. Под дверью больше шансов найти мешок сами знаете с чем.

— Тогда как Вы собираетесь заявить о себе, о своих трудах? Вы должны выложить себя перед теми же продюсерами, издателями, нет?

— А Вы думаете, им это нужно? У них уже все и так есть. Они бы не поняли даже, если бы Альбер Камю принес им «Преступление и наказание». Поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Хорошо, тогда какая Ваша цель в творчестве? — Доктор заинтересованно посмотрел на меня и поинтересовался.

— Я хочу выстрелить в лицо сразу. Я хочу, чтобы тысячи зрителей застыли и начали плевать от дыма замешательства, — я постарался дать ему исчерпывающий ответ. — Мне не нужна любовь, мне нужна девственная сущность всего этого.

— Вам не кажется, что здесь возникает какой-то парадокс контркультуры? Вы хотите многого, но знаете, что Ваши работы — это не для всех?

Здесь можно было согласиться с Доктором.

Я жаловался на отсутствие любовного настроения, хотя сам никогда не любил. Для меня всегда было интересно запутать потенциального читателя или зрителя, поэтому, вытянув свой длиннющий указательный палец к небу, я воодушевленно произнес:

— Организованный художественный хаос.

Я улыбнулся, и Доктор Годард улыбнулся вместе со мной, поддержав мой энтузиазм. Организованный художественный хаос являлся основополагающим постаментом концепции моего собственного постмодернизма. Ее миссия заключалась в том, чтобы сохранить черты авангардизма и маргинальной этики в создаваемом искусстве, но при этом сделать предлагаемый предмет искусства доступным для любой аудитории, то есть постараться избавить субъект искусства от сложности понимания содержания. Это получалось не всегда.

На этой ноте Доктор Годард вскинул руки вверх со словами:

— Ну, вот и завершается довольно скучная часть нашей терапии, поздравляю!

Я был рад тому, что Доктор облегчил мою ношу, потому как отвечать на его вопросы действительно было скучновато. Доктор встал из-за стола и направился в центр комнаты, где он сделал несколько кругов, и наконец обратился ко мне:

— Что я могу сказать, Фома? Давайте пока не будем переходить к спешным выводам, но то, что Вы описали, очень серьезно и может нуждаться в определенном медицинском вмешательстве.

— Вы поставите мне диагноз? — я поинтересовался.

— Сейчас мне бы не хотелось оперировать какими-то диагнозами, но если Вам вдруг захочется ответить на 500 с лишним вопросов, можете найти в Интернете Миннесотский многоаспектный личностный тест. После него узнаете о себе много чего нового.

После того как я однажды вычитал про эффект Форе-ра, и к таким опросникам я относился с подозрением. Наверняка все эти специалисты позволяют себе смеяться над нами в свободное время, так что если и проходить какой-то тест, то только чтобы выявить, какой ты герой из Симпсонов.

— Так Вы выпишите мне лекарство? — я снова насел на Доктора, не имея понятия, в чем заключается его помощь.

— Нет, я же не психиатр, — он срезал с языка этот веский аргумент, а затем, прочитав на моем лице недоумение, прибавил: — Но не стоит так сразу гнаться за улыбкой, составленной из таблеток Золофта, мой друг.

Доктор Годард подошел к шкафу и достал оттуда подушку. Он вручил мне подушку и объяснил, что происходит:

— Я сделал вывод, что Вы без проблем отдаете отчет своим действиям и мыслям, и Ваш разум способен ясно реагировать на происходящие события в жизни. Вот почему я хочу опробовать мой механизм «открытой дороги» и посмотреть, будет ли возможным для Вас оставить некоторые из тех неблагоприятных мыслей, которые у вас есть, здесь в этом свете.

Сам Доктор сел на край своего стола так, чтобы видеть меня, и проговорил что мне нужно делать:

— Я хочу, чтобы Вы расположились удобным для Вас образом на этом диване и закрыли глаза.

Я следовал инструкциям Годарда. Был ли это акт гипноза? Мне всегда было интересно, сработают ли на мне заклинания.

— Теперь представьте, что Вы за рулем своего автомобиля... — он продолжил вопросом: — Кстати говоря, что Вы водите?

— Старенький «Линкольн-Континенталь». Единственное, что у меня осталось из красивых принадлеж-

ностей, — я общался с Доктором, лежа с закрытыми глазами.

— Удивительно. Вы очень неординарная личность, Фома.

Ездить на «Линкольне» в наше время действительно было удивительно.

— Итак, представьте себя на прямой дороге. Ни единой машины, кроме Вашей. Этой дороге не видно конца, она кажется бесконечной, — Доктор снова задал условия игры.

— У нее две полосы?

— Неважно, сколько полос у дороги. Просто возьмите самое близкое воспоминание дороги и представьте это в голове.

— Хорошо.

5

Представить такую дорогу мне было несложно, я проехал десятки километров таких дорог, когда ездил к родителям. И вот по команде Доктора Годарда я оказался на очередной такой бесконечной дороге в своем воображении. Все же у нее было две полосы движения, но другое условие соблюдалось: она была совершенно одинокой и не имела поворотов.

— Ну, как успехи? — я услышал голос Годарда.

— Полный порядок.

— Прекрасно. Теперь я хочу, чтобы Вы сделали основной акцент на этом пути как на метафоре своего эмоционального состояния. Вы оказались здесь не для поездки в никуда. Вам нужно открыться...

Автомобиль мчался по трассе, и я перестал слушать Доктора на мгновение. Меня окружали одни вспаханные поля и затянувшиеся холмы, металлические барьеры и зажженные фонарные столбы. Внутри ворсистого бор-

дового салона, видом которого я любил наслаждаться, был настоящий бардак из бутылок, банок, пачек сигарет, пищевых контейнеров и разных упаковок повсюду. Все это я создал для того, чтобы поездка соответствовала сцене из фильма. Еще я зачем-то начал озвучивать свои мысли вслух:

— Не знакомая мне дорога, но зато в руке очень знакомая бутылка пива.

Я подобрал бутылку чешского, однажды выбранного мною в качестве неофициального спутника жизни, и сделал долгий, жадный глоток. Вдруг меня перебил голос Годарда:

— Почему у Вас в руке бутылка пива, Фома?

Я произнес в смятении:

— Как он услышал это?!

В кабинете Годарда можно было расслышать, как он смеется. У него был запоминающийся прерывистый смех, сравнимый с громким хихиканьем. Он объяснил мне:

— Дело в том, что всякий раз, когда Вы делаете движения губами, я слышу Вас.

В замешательстве я начал общаться исключительно с самим собой:

— *Простите, я не уверен, понимаю ли я, как это работает, и правильно ли я это делаю.* — В ответ можно было только уловить неловкую тишину. — *Доктор Годард?*

Его голос вновь был стал обеспокоенным:

— Эм... Фома, Вы с нами?

Я разобрался, как это работает. Все, что я говорил про себя, оставалось только со мной, и на дороге, и в кабинете. Все, что я говорил вслух, слышал и Доктор независимо от того, выдумывал я это или это реально происходило. Времени стыдиться собственной глупости у меня не было, поэтому я повторил для Доктора:

— Доктор, я не уверен, понимаю ли я, как это работает, и правильно ли я это делаю.

После этого Доктор снова начал выдавливать из себя смех. Мне захотелось открыть глаза и убедиться, что он смеется над моими словами, а не смотрит смешные ролики с кошками, вероломно бьющими лапами всех подряд. Однако я не поддался соблазну и продолжал двигаться по воображаемой дороге. При любых обстоятельствах неподвижное тело, развалившееся на диване с целью, чтобы переместиться на выдуманную дорогу и вести там разговор с доктором, выглядело смешно.

— Можно с Вами иногда переходить на более фамильярную, если позволите, форму обращения, Фома? — успокоившись, спросил Годард.

— Конечно.

Я думаю, мы достаточно обсмеяли друг друга, чтобы обращаться на ты.

— Понимаешь, Фома, твое занятие писательским трудом помогло тебе в некоторой степени, — голос Доктора Годарда звучал более снисходительно. — Ранее ты упомянул, что письмо — это попытка уйти от окружающей реальности, и в некотором смысле именно это удерживало тебя от совершения чего-то плохого.

— Я никогда не думал об этом, — я сказал Доктору из салона.

— А теперь я хочу, чтобы ты использовал свой поэтический язык, чтобы выразить свое беспокойство. Мой голос не должен отвлекать тебя, — Доктор подробно описывал, чего он хотел добиться от меня. — Это означает, что я могу появиться только тогда, когда мне придется задавать тебе вопросы, и наш разговор не должен отличаться от разговоров, которые мы можем вести наедине с собой, или тех разговоров, которые ты, к примеру, вводишь в текст своих произведений.

— То есть мне нужно забыть о Вашем присутствии в своем сознании, верно?

— Да. Даже если тебе не удастся забыть о моем присутствии, подумай обо мне как о некоем концептуально идеальном друге, которого ты никогда не будешь бояться, которому ты можешь рассказать все.

— Хорошо, я попробую, — я поклялся Годарду в своей верности.

— Великолепно, — возрадовался Доктор и добавил: — Фома, я подозреваю, что тебе может быть слегка некомфортно разговаривать вслух в пустой машине, поэтому если это поможет меньше сосредоточиться на воображаемом «я», ты можешь представить себе объект, например, такой, как диктофон, и говорить в него.

— Пачка сигарет подойдет. Все равно он не догадается, что я выбрал.

Возможность представить что угодно приводила меня в восторг, и с немного большей концентрацией я мог обмануть Годарда и скрыть некоторые мелкие детали от его пытливого ума.

— Я так не думаю, — вмешался Доктор. — Однако я успокою тебя. Тебе не нужно скрывать свои мысли от меня, потому что на самом деле, мне не нужны все твои мысли, Фома. Мне нужны только мысли, которые связаны с моими дальнейшими вопросами.

Я допил остатки пива, вытер губы, попутно ударив себя за лишние слова, и скинул бутылку на заднее сиденье. Старые привычки.

— Что же, готовы ли мы начать, Фома?

— Да.

Выжимая из своего «Линкольна» сто миль по жесткому асфальту, я дал добро сумасшедшему замыслу Доктора Годарда. Он заговорил со мной:

— Скажи мне, Фома, как ты себя чувствуешь на этой дороге? Можешь ли ты описать окружение, атмосферу,

контекст этой поездки, в которой ты оказался? И помни, меня нет до тех пор, пока я есть...

Что это значит? Я услышал щелчок. Годард, кажется, выключил свет от лампы, но я не могу посмотреть. Почему-то эта дорога выглядит реальной, как будто я вижу все это во сне, а не фантазирую наяву.

— А-а... Я вот просто так должен начать? — я обратился к Доктору, но он испарился.

Молчание Доктора заставляло меня нервничать. Я попросту не хотел говорить. Все, что я хотел сделать, это растаять, заполнить собой все отверстия в холодном кожаном диване и никогда больше не говорить ни единого слова.

Меньше всего хотелось паниковать в этой ситуации, поэтому я собрался с мыслями и приступил. На самом деле, я курил Camel, но для пущей анекдотичности придумал себе пачку сигарет Esse, которые курила Алиса.

Я сжал бумажную коробочку в руке. Мне потребовалось некоторое время, чтобы произнести вступительные слова к этому монологу:

— Там наверху... — в горле у меня образовался комок, но я окончательно добил свой страх, забыв про Годарда, — ...в глубоком непреклонном небе, таком свободном и безграничном, утопшее солнце сменилось на крыло бледнолицего филина. Все это действие напоминает мне о переменчивости века живого. Концерт окончен, и все инструменты аккуратно сложены в определенном порядке, но для музыкантов это только первая часть шоу. Шоу продолжается в их головах, каждому свое. Мое ненормально, насколько это возможно.

Я приоткрыл окошко и пустил свежий ночной воздух в салон, затем продолжил вещать для затаившегося Годарда:

— Легкий ветерок пробивается через окно. С каждым глотком я ощущаю себя мародером неба, грабящим

родную мать-природу, чтобы почувствовать себя живым.

После того как я заговорил, я понял, что больше не нуждаюсь в пачке сигарет, и выкинул ее в окно. Извини, Алиса.

— Двигаясь дальше по дороге, пейзажи начинают смешиваться, — я дал описание виду за окном. — Вы проезжаете бесконечные леса, которые пугают вас в глубине души своим мистическим величием, одинокие холмы, гордо отдыхающие в долине, и туманные поля, простирающиеся на многие километры через огромные земли...

— Фома, Вы создаете удивительный мир воображения, — вдруг я услышал голос Доктора Годарда с небес.

Я заулыбался и расслабился, свалившись в объятия сиденья. Теперь все было в порядке, потому я сказал:

— Как бы не остаться жить здесь, доктор.

Доктор ненадолго заговорил со мной:

— Да, но не стоит заигрывать... Скажи мне, Фома, что привело тебя сюда? Несешь ли ты какое-либо страдание, большое недовольство своей жизнью?

— Я полагаю, сейчас Вы опять пропадете?

И я был прав. После вздоха, преисполненного печалью, я продолжил:

— Забавная штука насчет жизни — это то, что ты никогда не знаешь, когда нужно безбоязненно въехать в самый центр этого мира, а когда нужно надавить на тормоз и остановиться. И если у тебя нет этого инстинкта, в конечном итоге ты потеряешься. Это случилось со мной... Мои друзья, семья, какие-то кумиры, идеальная работа или, точнее, перспектива иметь идеальную работу — все это стало мрачным, и никогда больше не восстановило свои цвета.

Я закрыл окно, потому что ветер уже начинал бить в лицо.

— Я умер несколько лет назад. У меня нет историй про эффекты фентанила, про то, как пришлось выгонять незнакомку из квартиры после безумной ночи, про целебную энергию воды из источника на вершине горы, на которую я забрался. Я как пустая книга — страница за страницей ничего нового.

— Вы предпринимали какие-либо попытки выбраться из этого состояния? — спросил Годард.

— Видите ли, когда дела идут не так, вы склонны много думать. Но фокус в том, что думать — очень неприятная привычка. И все мои мысли всегда приводили меня к одному изумительному выводу, — я сказал в надежде продолжить с ним диалог.

— Какому же?

— То, что одними мыслями себе не поможешь. Я должен дистанцироваться от блеклого прошлого, блеклого настоящего, блеклого будущего.

— Вам не кажется это невозможным?

— Нет. Просто я еще не придумал план, как избавиться от давления, — я взял небольшую паузу и затем добавил: — Многие видят меня психопатом, шизофреником и аутсайдером, как будто еще немного, и я отправлюсь отыгрываться на обществе, но самое забавное в том, что я наоборот всегда хотел только отцепиться от этого общества. Перестать что-то чувствовать в принципе — вот к чему стоит двигаться.

— Нет, это погубит Вас. Это движение вслепую к одному вечному сну. Вы же не хотите пропускать жизнь?

Слова Доктора Годарда звучали убедительно, он снова придерживался формальности в обращении. Я оборвал его оптимизм:

— Если это и есть жизнь, то я все меньше хочу быть ею частью.

— Допустим, Фома, а что насчет самореализации? — Годард задал новую тему. — Разочаровавшись в своей

нынешней карьере, Вы заикнулись на мысли, что можете стать успешным писателем, но даже здесь Вы, похоже, столкнулись с определенным неудобством. Почему?

— Не нужно иметь много ума, чтобы понять, что я не в состоянии повторить путь других. Лучшее, что я могу сделать сейчас — это засунуть свои амбиции в мусорное ведро и сбросить его с самого большого склона, который я могу найти.

Поскольку в этой машине был я, а не Доктор Годард, я решил послушать радио. Я, должно быть, реально переместился на эту дорогу, потому что из-за плохой связи звуки аудиотрансляции были еле различимы.

Голос Годарда, уже принадлежавший как будто мне, а не ему, заставил меня перестать искать нужную волну и включиться в разговор:

— Вы когда-нибудь думали, что не прилагаете достаточно усилий для достижения своих целей?

Неожиданно даже для себя я громко усмехнулся Доктору в ответ:

— О да... Упорный труд приносит плоды... Что посеешь, то и пожнешь... Разве это не самые любимые при сказки утешения, рассказанные человеком? Я слышал их много раз. Волшебные слова всегда звучали громко в воздухе и рассеивались там в эфире, оставляя меня с множеством вопросов, на которые никто не мог ответить.

— Я ни на что не намекаю, я просто спрашиваю. Но теперь, когда Вы сами дошли до этого, можете ли Вы описать, почему Вы так скептически относитесь к этим высказываниям?

Годард попытался остановить мой гнев, но у него не получилось:

— Потому что это абсурдно полагать, что нам что-то известно о том, кто сколько усилий приложил. Люди постоянно лгут, пытаются придать какой-то значимости своим пустым, не нужным советам. Они знают, когда го-

ворить, когда молчать. Этим змеям нельзя доверять. Наверняка они могли бы перейти из «Торпедо» в «Локомотив», понимаете?

— Не совсем, однако я думаю, что мы уже достаточно обсудили на сегодня. Мы продолжим работать вместе, но это будет долгий путь. Теперь ты можешь открыть глаза, Фома.

Доктор Годард разрешил проснуться, но я все же хотел разобраться с радио, поэтому на время превратился в ребенка:

— О, а я могу послушать радио, прежде чем уйти?

— Да, Фома, ты можешь послушать радио... Я пока закончу некоторые документы.

Я тут же забыл про Доктора Годарда, остановил машину на обочине и принялся прокручивать шестеренки на автомагнитоле. Дело в том, что ее я как раз заменил после покупки, поэтому все должно было работать идеально, тем более, когда я выбираю что должно работать, а что нет.

Пропустив еще несколько нерабочих станций, я услышал музыку, но лучше бы я ее не слышал. Какие-то полоумные рэперы томным голоском пели про то, что спали со всеми девушками. Если у вас есть девушка, они наверняка спали с ней, так что отменяйте свадьбу. Меня тошнит от одной мысли, что эти строки войдут в историю, что нас будут знать по этим песням, и если это не худшая реклама цивилизации XXI века, то что тогда?

— ...Вы работали с одними из крупнейших имен в Вашей отрасли, есть ли у Вас какие-либо советы для тех, кто только начинает свой путь?

На следующей станции можно было услышать какой-то занудный взрослый голос. Все эти подкасты всегда навевали смертельную скуку, поэтому я быстро переключил станцию.

— ...Мой совет новичкам прост — вы даже, сосунки, не пытайтесь.

Еще один подкаст. Теперь уже нахальным голосом говорил очень уверенный в себе мужчина. Вдруг он и его собеседник начали смеяться, но поскольку я пропустил шутку, мне было неинтересно, и я продолжил заниматься серфингом на радиоволнах.

Станным образом смех не утихал на каждой станции. Я перепробовал все кнопки, выключил и включил питание. Что за дерьмо случилось с вымышленной магнитолой? В итоге мне все равно пришлось слушать их крайне захватывающий диалог:

— Ну, а если вы оказались достаточно глупыми, чтобы попытаться, вам нужно подучить кое-что. Есть определенные правила, и вы должны следовать этим чертовым правилам.

— Допустим, у меня есть уникальное предложение. Так ли важно для меня научиться подчиняться этим правилам?

— Конечно! Это не гребаный тюремный лагерь. Никто не заинтересован в том, что вы можете предложить.

— Я предположу, что у Вас в порноиндустрии существуют очень строгие правила?

— Само собой. В нашем деле одно из самых важных правил...

В этот момент к ним в будку, судя по всему, кто-то зашел, поскольку я услышал, как кто-то задел провода и полетел вниз, попутно захватив с собой микрофон одного из ведущих. На время заиграла очень скверная эротическая мелодия с пластиковым саксофоном, чтобы затмить происходящую перепалку на фоне.

— Твою мать, Джо, ты даже прямо ходить не умеешь?! Я же говорил тебе не заходить сюда во время гребаного эфира! — раздался злобный крик души одного из радиоведущих.

В ответ прозвучал голос маленького мальчика, хотя это мог быть какой-то извращенец с таким голосом:

— Извини, я хотел взять поесть...

— Пошел в жопу, урод, научись стоять на своих ногах!

Ведущий приглушил микрофон, но мне все еще было слышно происходящее. Ссора Джо и ведущего продолжалась, однако я уже не мог услышать, о чем они перекрикиваются.

Эротическая мелодия продолжала играть на моих нервах, и я попробовал сменить станцию на этот раз. Опять безуспешно. Почему-то все станции были забиты этим подкастом.

Через какое-то время ведущий тоже не выдержал и спросил своего партнера:

— Эй, ты можешь включить какую-нибудь другую песню?

— Нет, это единственная песня, которую ты скачал! — прозвучал голос, который я до этого не слышал.

— И что нам теперь делать?

— Я не знаю, чувак. Давай продолжать.

Слава Лорду, этот кислотный саксофон перестал съедать мой мозг. Ведущий извинился перед слушателями, хотя ему следовало извиниться только передо мной:

— Прошу прощения, дорогие слушатели, мы столкнулись с небольшими техническими неполадками.

Внезапно эротическая мелодия включилась с самого начала, и тут я действительно рассмеялся. Ведущий в ярости начал кричать:

— Мне плевать как! Мне плевать что для этого требуется! Просто найди мне другую песню!

— Пососи мои яйца, придурок! Какой идиот скачивает только одну песню для трансляции?

Второй, более молчаливый ведущий, оказывается, был единственным адекватным в их компании. Но первый хотя бы осознал, что пора вернуться к трансляции:

— Итак, о чем мы там говорили? Еще раз прошу прощения.

— Мы говорили о правиле номер один, мой брат, — к эфиру снова приклеился забытый голос надменного гостя.

— Покажи, а не Расскажи?

Я сделал громче, потому что был знаком с этим правилом. Когда-то им пугали начинающих сценаристов, приятно было узнать, что хотя бы это правило оставалось неизменным.

— Правильно. Всякий раз, когда я пишу сцену, я следую этому правилу. Показывай, а не рассказывай, — подтвердил гость.

— Есть ли у Вас какой-нибудь пример для наших слушателей?

Не для слушателей, а для Фомы, но я прощаю тебе. Ты и так натерпелся от Джо.

— Ну, прикинем, если я хочу, чтобы зритель увидел, что парень мастурбирует в боксерских перчатках, тогда мне нужно показать ему, как он мастурбирует в боксерских перчатках, а не прописывать реплику: «Эй, ты видел этого парня, что мастурбирует в боксерских перчатках?» Я должен показать ему...

Вдруг голос замедлился. Затем ускорился. Начал выравниваться и снова стал неизвестным. В конце концов он стал настолько искаженным и громким, что следующие его слова буквально парализовали меня.

— Покажи ему... Покажи ему... **ПОКАЖИ ЕМУ... ПОКАЖИ ЕМУ... ПОКАЗАТЬ ЕГО... ПОКАЗАТЬ ЕГО...**

Я попытался выключить радио, но техника перестала меня слушаться. Уродливый голос смешивался с помехами и белым шумом.

— **ПОКАЖИ ЕМУ!! ПОКАЖИ ЕМУ!! ПОКАЖИ ЕМУ!!**

Что я, черт возьми, должен был кому-то показать?

Становилось невыносимо. Я готов был выбежать на дорогу лишь бы не слышать этот голос. Не отдавая отчет последующим действиям, я засунул руку в карман пальто... В мою ладонь уперлось что-то холодное и стальное. Я медленно вынул случайно обнаруженный мною продолговатый предмет из кармана. В моих руках оказался настоящий револьвер. Меня охватила полная растерянность, а мощный голос из радиоприемника взял в смертельный круг:

— ПОКАЖИ ЕМУ!! ПОКАЖИ ЕМУ!! ПОКАЖИ!

— ...Фома?

Я проснулся от того, что Доктор Годард пихал меня на диване.

— ...Фома? Фома! Фома!

Придя в себя, я увидел, что Доктор улыбается, но мне стало неудобно.

— Ой, простите, пожалуйста. Я обычно засыпаю в это время. Надеюсь, я не заставил Вас ждать, — я извинился перед Доктором Годардом.

— Твой сон длился всего пару минут, это не страшно. Я просто подумал, что оставить тебя здесь сейчас будет безответственно.

Я встал с дивана. Всегда погано вставать с дивана после прерванного сна.

— Полагаю, чтобы не нарушать твой сон, мы можем встретиться днем. Есть в распоряжении время завтра? — Доктор Годард продолжил и предложил мне встретиться.

— У меня рабочий перерыв ближе к первому часу дня. Оттуда не такой долгий путь, поэтому если Вы будете свободны, то я могу подъехать.

— Договорились. Встретимся завтра здесь же около полудня, — он с радостью подхватил. — Удачи, Фома!

Я в последний раз оглянул кабинет Годарда. Лампа была выключена. Затем мы с Доктором обменялись ру-

копозатием, и я выбежал из этого здания быстрее пущенной в пятки Ахилла стрелы.

Я докуривал сигарету на крыльце возле входа, когда из дверей вышел Доктор Годард. Он тащил под мышкой черную мужскую сумку, похожую на папочку студента. Несмотря на позднее время, на Годарде был лишь один темно-синий жилет из материала, похожего на... дюспо? Меня всегда интересовало, как называется этот материал на самом деле, но не настолько, чтобы заговорить об этом с Доктором.

— Ночь становится чуточку лучше, не так ли? — он вдруг сказал, улыбнувшись. Я улыбнулся в ответ. Доктор Годард продолжил идти, но неожиданно обернулся и спросил меня: — Думаете, наша методика работает?

— Ну да, это забавно, — я вскоре ответил. — Знаете, это как французы любят снимать фильмы, где тетка монотонно и не экспрессивно постоянно говорит за кадром. Они любят такое.

— Французы снимают лучше, чем воюют.

Мы оба засмеялись. Укольчик правда был хорош. Я вспомнил, как кто-то в Интернете защищал подвиги французской армии. Хотелось бы верить, что это был не француз.

— Прощайте еще раз, Фома! — выкрикнул уходящий Доктор Годард.

— До встречи! — я помахал ему в ответ.

Фигура растворилась под аркой, и Доктор Годард исчез в тени ночи.

Я все еще ненавидел ночь, тотальное отсутствие освещения вокруг, но каким-то образом это место казалось самым безопасным местом в мире. Я бросил окурок на землю и пошел к машине.

Не прошло и часа, как Годард превратился из совершенно незнакомого человека в хранителя всех моих секретов. Того, кому можно доверять...

День 3. «Дробовик Гавай»

1

Утром с рожей бешеной псины щебетали две птицы. Во всяком случае, две птицы были наиболее активны, когда я проснулся. Мне не удалось спокойно поспать, потому что вернулась боль в груди. Поднявшись, в первую очередь я выкинул Тита с балкона. Шучу. Мы вышли с ним на прогулку, и я оставил его на улице. Все равно Тит каким-то образом попал домой, а я уже с кристально чистой совестью поехал в контору.

Выходя из квартиры, я втиснул сигарету в зубы и хлопнул дверь. Мое присутствие спровоцировало пронзительный лай у соседской собаки за дверью, и я засунул сигарету в карман. Немного погодя из двери напротив выбежал надоедливый белокурый шпиц тетушки Тутован.

— Стоять, Амунд! — раздался милый, ровный старушечий голос вслед неугомонной собачке.

Через секунду в коридор вышла сама тетя Тутован с сигаретой во рту. Эта жизнерадостная женщина была в таком возрасте, что ей можно было ничего не делать, и при этом считать себя победительницей. Я полагаю, что и в юности она не славилась высоким ростом, но сейчас ее маленький рост и стройность тела сочетались идеально. У нее были беспризорные синие глаза, один из которых скрывала косая челка, но со мной старушка была очень добра. Тетю Тутован сложно было не уважать, потому что в свои лучшие времена она наверняка была той еще оторвой. Даже своего шпица она выгуливала без поводка, потому что он знал, что, если убежит, она его достанет живым даже в том случае, если его собьет машина и кто-то в спешке захоронит тело на дне реки Кабул.

— Доброе утро, тетя Тутован, — я был рад увидеть ее еще раз.

— Доброе, Фома!

Амунд подбежал к ее ногам, но она отвела его ко мне:

— Поздоровайся со своим соседом, Амунд!

Пес принялся обнюхивать меня, а следующим движением уже собирался помочиться на мою обувь.

— Амунд! Проклятый пес! — возмутилась тетюшка Тутован.

Она взяла его на руки, предотвратив катастрофу, и они отправились на прогулку. Остановив их своим голосом уже в дверях, я решил спросить у нее про события недавнего вечера:

— А, тетя Тутован?

— Да, Фома? — она развернулась ко мне. По выражению лица Амунда он не был доволен тем, что я задерживал его.

— Вы слышали какие-нибудь странные звуки в коридоре на этой неделе? К примеру, выстрелы?

— Хм, дай-ка мне подумать... — она покачала головой и, поразмыслив, ответила: — Нет, не припомню ничего такого. Я чаще всего слышу, как мой муж все время болтает со своими коллегами, поэтому, когда он молчит, это уже странно для меня, а он недавно замолчал, представляешь?

Она улыbnулась мне и поинтересовалась:

— Случилось что-то ужасное?

Я успокоил ее, чтобы она не устроила настоящую детективную охоту здесь:

— О нет, я просто подумал, что что-то услышал, когда был дома... Ну, и хорошо. Спасибо!

— Ах, никаких проблем! Последнее, что нам здесь нужно, это кто-то палящий во все стороны... Кто нас спасет? — Она зашекотала собачку на руках. — Может ты, Амунд? А, Амунд, ты собираешься нас спасти?

Амунд смотрел на свою хозяйку без понимания, что происходит, как и большую часть времени.

— Ну да, ты, скорее, сам убьешь нас всех. Пошли, глупенький! — Тетя Тутован теперь посмотрела на меня и попрощалась: — До свидания, Фома! Хорошего дня!

— Вам тоже, до свидания!

Тетя Тутован и Амунд оказались на той стороне, за дверью. Я достал сигарету из кармана пальто. Точно, карманы пальто! Я проверил все места, где можно было что-то спрятать. Я достаточно долго шарился по карманам, чтобы понять, что они пусты. Пистолета в пальто не было... Поразительно, как в этом делирии все было слишком реальным.

2

Солнце жарило весь день. Я решил сходить в курилку и посмотреть на яблоню, которую сожгла Алиса. Оставив свое место, забыв про телефон, я спустился к балкону.

Когда я выглянул и увидел перед собой обугленный ствол дерева, я сначала не поверил. Черт возьми, она ведь реально ее спалила. Обгоревший обрубок так и торчал из земли, и никто не собирался его спиливать. Я не стал курить и отправился к себе.

В кабинке меня сразу же ждал звонок. Я взял трубку. В последующие минуты мужчина с сильным прибалтийским акцентом пытался донести до меня, что ему нужен срочный кредит на карту, но после просмотра истлевшей яблони я мог усваивать только обрывки фраз.

Даже в таком состоянии я смог выяснить, что этот мужчина уж очень любит менять прописку и, соответственно, уже получал отказы в займе, поэтому я не совсем понимал, почему он так сопротивляется судьбе:

— Мне нужно немного денег, ясно?!

— Еще раз говорю Вам, что наш банк не может разрешить подобные операции клиентам с плохой кредитной историей.

— Вы сможете передать это звонок кому-нибудь другому? — мужчина не терял шансов.

— Нет, я не могу передать звонок своим коллегам. Вы должны сбросить и позвонить заново.

— Мы исполняем этническую музыку. У меня есть своя группа, которая ездит с концертами по городам. Если Вы не понимаете этого, не вините меня!

— Я не знаю ничего про концерты Вашей этнической группы, это касается Вашей кредитной истории, не более! — я постарался объяснить ему, что не могу выдавать деньги кому попало.

— Нет, Вы нацист, присосавшийся к нацистской сиське!

— Вы сказали это, чтобы я чувствовал себя виноватым? Мне все равно.

Разговор прервался. Довольный тем, как удалось завершить очередную безумную беседу, я развалился в стуле. В это время на стол с грохотом свалилась пачка бумаг.

— За работу, уродец!

Я развернулся и увидел Дениса Анатольевича, стоящего у входа. На нем была колоритная гавайская рубашка и белая кепка с изображением яхты, вышитой красными нитками.

Пролистав огромную кучу бумаг на столе, я спросил у него:

— Что это?

— Это твоя работа, сынок, — самодовольно произнес Денис Анатольевич.

— Что?! Что я должен делать с ними?

Денис Анатольевич опять вышел из себя. Он подошел плотную и поднес бумаги к моему лицу, перебирая их по очереди:

— Эй, умник, вот эту ты подписываешь, вот это считаешь, вот этой ты вытираешь мою харчу со своего ужащающего лица!

Временами Денис Анатольевич переходил границы дозволенного, но он считал, что ему дозволено все.

— Я даже не знаю, о чем здесь написано, — я попытался утихомирить его.

— Да мне похрену, Луиджи! Пошли в жопу со своим крем-брюле — если я не хочу его, я не буду за него платить! Ты улавливаешь мысль, которую я пытаюсь здесь телепатировать?

В очередной раз Денис Анатольевич заставил меня сдерживать улыбку после его слов. Если в этом человеке и было что-то забавное, то это то, что его самообладание было короче, чем остатки волос на голове. Это выдавало огромное количество памятных фраз с большой легкостью.

Скорее всего, он даже не мог представить, что я не хочу выполнять лишнюю работу, поэтому я продолжал гнуть свою линию:

— Я уверен, что Вы сможете найти гораздо более подходящих кандидатов для этой задачи.

В ответ Денис Анатольевич громко расхохотался.

— Что-что? Можешь повторить? Я сказал, что? — он приставил ухо к воздушному приемнику.

С ним слова никогда не входили ни в одно ухо, ни в другое. Ничто никогда не входило в его голову.

— И кого же ты предлагаешь?! — после этого Денис Анатольевич громко обратился к сотрудникам в зале: — Эй, у нас тут проверочка документации накопилась — настоящее колумбийское дерьмо. Кто-нибудь хочет взяться?

— Да мы домой хотим! — послышался чей-то голос из соседних кабинок. К слову, я очень мало общался с коллегами, чтобы знать кому он принадлежит.

— Вау, не может быть, Фома! Никому больше это не сдалось! — Денис Анатольевич продолжил досажать. — И я повышу всех, кроме тебя! Мы будем роскошно трахаться с роскошью в отеле Гранд Будапешт, а ты... Ну, ты знаешь свое место. Скоро ты останешься единственным в этой конуре, и ты сдохнешь здесь! И хочешь знать почему, Фома?

Я наконец получил то, что хотел. Желчность породила желчь. Я почувствовал, что Денис Анатольевич ничего для меня не значит.

— Потому что ты неудачник! Такие идиоты, как ты, хранятся в земной матке на сто лет вперед, ожидая, когда придет их очередь испортить свою жизнь. Мы имеем тебя и таких неудачников, как ты, здесь по телефону! — оскорбления продолжали сыпаться из его ухоженного, красивого рта, пока он кидался трубкой передо мной.

Денис Анатольевич начал выталкивать меня со стула тычками. Его челюсть от гнева не по-человечески сдвинулась, и он стал похожим на беса:

— Поэтому я советую тебе заткнуться, никогда больше не говорить ни единого слова вышестоящим лицам и перейти к этим бумагам, — он снова похватал листы и разбросал по столу с выкриками: — Одна за другой, одна за другой!

Если вы знали, что в тихом омуте черти водятся, вы даже не подозревали, насколько злыми они могут быть. Вам советовали не будить дьявола, и вы думали, что дьявол это вы, но дьяволом всегда был тот, кто умел сохранить эту тайну. Денис Анатольевич жил в неведении этой истины.

Я спешно начал ковыряться в бумагах на столе и сказал ему:

— А где здесь петиция, чтобы поджарить тебя на костре? Я начну с нее, чертова ты свинья.

Фитилек замкнулся на голове Дениса Анатольевича. Его кепка улетела в сторону, и он перестал себя контролировать. Одним ударом ноги он сумел сбить меня со стула. Пальто, которое всегда висело на спинке, свалилось вместе со стулом, и я потянулся за ним. В эту секунду нога свиньи проехала по пальто, и оно выскочило из моих рук. Денис Анатольевич был вне себя от ярости:

— ЧТО?! Что ты сейчас сказал?!

Он попытался повалить меня на землю мощным толчком, но я немедленно ухватился за его горло рукой и прибил к стене этой убогой кабины. Потребовалась железная дисциплина и хладнокровие военного снайпера, чтобы не превратить его паршивый рот в кашницу, пропитанную кровью.

Я указал ему на дату в календаре пальцем. Это была та же дата, когда Алиса еще была здесь. Я был немногословен:

— Молись на эту дату.

Подобрав пальто с пола, я оставил испуганного начальника в кабине. Все это случилось в считанные секунды, и я уже надвигался к одному человеку с неожиданным визитом.

3

Годард сидел за своим столом и обыкновенно копался в бумагах, пытаясь найти ту самую. Его идиллию подпортил я, ворвавшись в кабинет. Я бросил свое пальто на диван и сел. Перед тем как Доктор успел удивиться, я высказался о том, что мучило меня:

— Доктор, скажите мне, сколько шансов мы должны дать, через какое расстояние мы должны пронести себя, чтобы это великое чудо, называемое счастьем, оказалось в наших руках? Когда воображаемые звезды закончатся и начнется жизнь?

Доктор снял очки и медленно сосредоточился на мне. Все это время он оставался предельно безмятежным и лишь сказал:

— Что произошло, Фома? — После паузы он спокойно добавил: — Я могу следовать твоим мыслям, но не мотивам.

— У меня больше нет работы... Я ушел... Я мог бы убить его, если бы захотел...

Я должен был сдерживать себя, поэтому через какое-то время уже начинало проступать чувство сожаления о том, что я забежал в кабинет Доктора со своей истерикой и метанием.

— Так, я прекрасно понимаю, Фома, — Доктор Годард опустил голову, но все же попытался найти слова поддержки: — Что ж, теперь важно сосредоточиться только на настоящем времени и не позволять твоим эмоциям разрастись. Все остальное разыграется естественным путем. И если ты хочешь знать мое мнение, я уверен, что нет ни одного дыхания, которое реально в нашей жизни, без страданий.

Он поднялся из-за стола и снова достал подушку из шкафа. Я уже знал, что меня ждет, когда он передал ее мне.

— Давай приступим.

Я вздохнул и расположился горизонтально на диване с закрытыми глазами. На всякий случай я спросил:

— Снова дорога?

Доктор Годард подтвердил мои догадки:

— Снова она. Продолжим с того места, где мы остановились.

Мой старый добрый «Линкольн» с полным баком вновь мчался по бесконечной дороге. Дело близилось к вечеру, но дневной свет все еще пробивался внутрь. На этот раз в салоне играла музыка. Я решил не рисковать с радио, поэтому это была проверенная классика.

Второй диск Drive Like Jehu. Джон Рейс и Рик Фроберг были одними из немногих музыкантов, способных при-держиваться одного звучания всю карьеру, не мороча голову сказками про взросление и эксперименты в творчестве. Без раздумий в этот пантеон я мог бы поместить еще парней из Converge, Unwound, Eyehategod и Fu Manchu, а также великих пьяных мастеров слова и рок-н-ролла — Оззи, Полларда, Марки Смита, Дэвида Яу и Дэйва Виндорфа. Все остальные не заслуживают уважения, сколько бы альбомов у них ни было в дискографии.

Я проверил карманы пальто. На этот раз проблем не должно было возникнуть. Пришлось приглушить музыку, чтобы расслышать Доктора Годарда:

— Итак, Фома...

— А, Доктор Годард, прежде, чем мы начнем, я забыл спросить у Вас кое-что вчера... — я перебил Доктора, вспомнив важную деталь. Если бы я не заговорил об этом сразу же, я бы мог это забыть снова.

— Что же?

— Ну, я не знаю, как объяснить это правильно.

— Тогда я не знаю, как ответить, — я снова слышал, как доктор смеялся.

— В общем, с недавних пор я вижу в своих снах как будто реальные события из некой параллельной вселенной, — я стал объяснять Доктору свою проблему единственным доступным способом. — Это люди, которых я просто когда-либо знал или видел, и в этих ситуациях нет ничего потустороннего. Просто странное чувство, что моя жизнь отслоилась, это нормально? У Вас бывало такое?

— У меня нет. У меня все более прозаично, в том числе и сны. Однако любое сновидение имеет право быть. Может быть, есть какая-то связь с твоими воспоминаниями об этих людях, и это то, что я хочу узнать сегодня, —

Доктор Годард перевел тему: — Пожалуйста, Фома, расскажи мне об отношениях с другими людьми на каждом этапе твоего взросления.

Я знал, что Годард после этого пропадет. Закрыв глаза, я отмотал время назад в период детства и начал говорить:

— Наверное, самое начало — это был лучший этап моего праздного существования. Каждый предмет на своем месте.

Я открыл глаза и посмотрел на огромное небо в окно. Куполообразные облака застыли в нем, и лишь небольшие их клочки еле-еле передвигались с места на место.

— Я выкурил первую сигарету с друзьями в шесть лет... — я говорил отрывками. — Мы ни черта не смыслили, что делали. Только катались по паркам и переулкам, и не было ничего, кроме шуточной болтовни, когда вся стая с радостью шла по домам.

При желании холмики могли превратиться в прибрежные дома, и на линии горизонта появилось бы море. Я часто видел такие пейзажи, когда отец вез нас на отдых.

— Оглядываясь назад, даже слезы моей матери, когда я задел ее чувства по-настоящему, кажутся частью какого-то огромного механизма, свесившего для нас путеводную нить...

Я не стал рассказывать Годарду об этом случае, но сам вспомнил тот эпизод с мамой, как будто он был вчера. Ребята во дворе то и дело забегали домой за какой-то вещью, а потом мигом убегали обратно, и я не был исключением. Мама тоже не вела себя по-особенному в данной ситуации. Как и многие матери, она старалась удержать неусидчивого ребенка в квартире, поэтому однажды я сказал ей слова, которые можно выучить только на улице, и закрыл за собой дверь, не оборачиваясь. Когда я вернулся домой, мама все еще рыда-

ла, спрятавшись за прозрачной серебристой шторкой. Я извинился и обнял ее тогда, и мы все забыли. А сейчас мне кажется, что я наделал слишком много ошибок впоследствии, чтобы мои извинения могли что-то значить.

— И мы убегали от разъяренных соседей и играли в прятки не только друг с другом, но и с будущим, которое терпеливо ждало, когда мы совершим бездумную ошибку взросления, — я договорил.

— А Ваши школьные годы, — мягкий баритон Годарда вновь обратил на себя внимание. — Были ли у Вас проблемы со сверстниками?

— Не сказал бы. У меня было немного по-другому, — я посмеялся и закончил: — Я дружил со своими хулиганами.

Очень многое я не договаривал, потому что не считал нужным делиться всей информацией с Доктором. Например, ему не нужно было знать, что я прогуливал уроки с теми, кто в шутку избивал меня на перемене, ходил с ними на тренировки и вообще проводил большую часть свободного времени в этой компании. В общем-то, они были отличными людьми, и я думаю то, что я подвернулся им под руку, просто тоже было частью процесса их личностного становления. Я склонен думать, что хулиганам воспитание заменяет собственная мораль, и к ним лезть с вопросами об их же поведении не имеет смысла.

— Вы хорошо учились? — спросил Доктор Годард.

— Я был ленивым учеником. Сам не очень любил учиться, но приходилось контролировать себя, — я задумался на время и добавил: — Знаете, по крайней мере в школе было интересно. Нам всем говорили, что нужно делать, а что нет, так часто, что для меня в один момент имеющиеся определения добра и зла смешались, и получился гораздо более простой и эффективный моральный кодекс — не стоит быть тупым.

— Понятно, — промолвил Доктор. — Значит, Вы взрослеете, заканчиваете среднюю школу и поступаете в университет, верно?

Я отвлекся и вытащил гнездо включенного прикуривателя из приборной панели. Мне пришла мысль проверить реальность боли в этих условиях. Ведь если это все выдумка, то и боли я не почувствую. Я уже был готов притронуться к раскаленному кончику, но в последний момент остановился и ответил Доктору:

— Да, но этот процесс дался мне не так легко, как я надеялся. Особенно на меня повлияло то, что рок-звезда на экране моего телевизора неуловима. Да, появилась свобода, но с ней появилась и ответственность, которую я не был готов принять в то время. И все же вихрь застал меня врасплох.

— Можете ли Вы описать, что изменилось в Вашей жизни тогда?

— Поездка из крошечного города в чудовищную столицу стала поворотным моментом в моей жизни.

— Вы не говорили, что жили в маленьком городе, — заметил Доктор Годард.

— А разве это интересная деталь?

— Ну, знаете, в той же литературе психологизм требует разных деталей.

— Да, в детстве я жил в одном часе от мегаполиса. Это если без пробок.

— Которых, конечно же, никогда не было, — Годард вновь взял на себя смелость пошутить.

В этот раз ему удалось развеселить своей колкой ремаркой, и я добавил:

— Само собой, было так же спокойно, как на этой дороге.

Посмеявшись, мы вернулись к обсуждению моей жизни.

— Что было дальше, Фома?

— В любом случае после пары лет, проведенных в университете, мне начало казаться, что раз в неделю моя жизнь заодно крутилась в стиральной машине с теми вещами, которые приходилось подбирать с пола.

— Ваша работа в офисе была Вашей первой работой после окончания университета?

— Нет. Таким студентам, как я, не достается хорошо оплачиваемая работа так легко. — Я мысленно пробежался по всем неудобным местам, в которых мне, бывало, приходилось убивать время, и сказал: — Я проработал во многих магазинах, занимаясь уборкой и продажей разных вещей, прежде чем мне удалось устроиться на работу в офисе.

— Ваше время, проведенное за работой в этом банке. Каково это было эмоционально? — одним вопросом Доктор Годард задел солонку и порадовал мою рану.

— Это было тяжело. Понял, что некоторые люди пользуются мозгами, только когда выбирают кому-то подарок на день рождения. Я не знаю, как я выжил. Оно оставило меня ни с чем.

— Как часто Вы испытываете такой стресс в коллективе?

— Это происходит каждый раз. По дороге на работу вы теряете свою индивидуальность, как будто дождь смывает с вас лицо и оставляет вас с отвращением к себе, ко всему вокруг. В конце дня вы просто не тот человек. И тогда вы снова начинаете думать... — Я сделал паузу. — А если слишком много думать, все становится картинками, звуками, отрепетированными жестами. Вы сами становитесь осмысленной беспомощностью.

Доктор Годард замолчал, и я не был против. Машина по-прежнему торопилась вперед, мне хотелось выжать последние лошадиные силы из двигателя.

— Теперь, когда Вы больше не работаете там, что Вы собираетесь делать? — голос Доктора снова объявился.

— Думаю, мне придется вернуться в магазины, заку-
сочные и все такое, — я ответил, взяв за основу первую
мысль.

— Что насчет творчества? Думаете, результат будет
точно таким же, как и раньше?

— Я думаю, что, если вы не добились успеха вначале,
вы, вероятно, не добьетесь успеха и со второй попытки,
и с третьей, и так далее. А когда случается худшее, раз
за разом вы просто чувствуете эмоциональное оцепене-
ние... — Спустя какое-то короткое время я продолжил: —
Идеи кончаются, и вы готовы сдаться. Но вы не станете,
потому что вам доставляет удовольствие, когда чужие
ожидания не оправдываются. Так приятно разорвать
цепь событий, уже подделанную для тебя.

На моем лице сформировалась ухмылка. Я ухмылялся
самому себе.

— Засуха закончилась, но жизнь — это запутанный
цикл, возрадуйтесь, — так я завершил свою мысль для
Доктора.

Меня чуть было не испугал телефон, зазвонивший
у Доктора Годарда в кабинете. Я не знал, подошло ли
время непредвиденного сеанса к концу, поэтому остался
на дороге. Доктор Годард оповестил меня:

— Извиняюсь, Фома, мне нужно ответить на звонок.

— Да, конечно.

— Да, это офис Доктора Годарда, я сейчас работаю
с клиентом. Кто говорит?

Его речь постепенно затихла, и теперь я наверняка
остался один на этой дороге. Даже если на время разго-
вора по телефону.

А как тебе такая идея, пока ты лениво опираешься
на руль, не смотря на дорогу? Ты не знал или не понял,
за чем ты гнался, поэтому постепенно ты остепеняешься,
хватаешь пиво, смотришь что-то поучительное по теле-
визору, невольно засыпаешь, просыпаешься жаждущим

перемен, встречаешь новых людей, разговариваешь с ними избирательно, улыбаешься, словно это чертова болезнь, и вот, наконец, ты слышишь слова: «Поздравляем, мы нашли отличное дно для всех Ваших желаний! Только кидайте больше монеток, чтобы они исполнились!» Ужасная смерть в концовке, ужасный фильм, пускайте уже эти проклятые титры...

После такого кошмара мне надо прополоскать горло. Я открыл бардачок и достал заветный эликсир Джека. Совершенно новая бутылка, от этикетки еще стоит запах свежей печати. Я хотел отложить ее до лучших времен, но, похоже, это лучшие времена, которые я мог себе позволить.

Отложив бутылку с виски на пассажирское сиденье, я принял решение остановить автомобиль у обочины и выйти, чтобы немного размяться, так сказать.

4

На дороге было уже заметно темнее. Небо теперь купалось в сумерках. Впервые я оставил свою машину и шагнул на воображаемую дорогу. Не уверен, что это не противоречит правилам Доктора Годарда.

С обеих сторон за дорогой присматривал дремучий лес. Оставим описание его живности и флоры, я отправился туда не за этим. Даже если бы я хотел это сделать, чем дальше я пробирался в глубь чащи, тем сложнее было увидеть что-то. Так, случайно наткнувшись на ветку, я еще умудрился испугаться и тихо выудил из себя возмущение:

— Твою мать...

Наконец, я добрался до неприметного подлеска, который после заката был наполнен заливистыми звуками природы, слегка наводящими страх. Посреди низеньких зарослей кустарника я почувствовал себя несколько обя-

занным справиться нужду. От фантазии в таких случаях нужно брать все, потому что реальная жизнь может не оставить вам шансов. Да и отливать в реальности не всегда так же живописно, как стоя вечерней зарей в таинственном лесу.

Я сделал пару шагов в глубь, но тут же под моими ногами что-то издало затяжной всхлип. Мне не очень хотелось раздавить какого-нибудь крохотного чавкающего горностая, поэтому я отступил и рассмотрел область.

Из травы действительно спускался темный след крови. Я отодвинул куст и осторожно подобрался к предмету, в полумраке напоминающему булыжник. Трава на подступе показалась мне подозрительно липкой, и я не стал подходить ближе. Обрубив ветку кустарника, я соорудил инструмент для того, чтобы потихоньку осмотреть спрятанный в заросшей глуши предмет. Сквозь листья выглядывал труп человека, заплывший кровавой гущей. Мне удалось рассмотреть только запачканную джинсовку на нем, хотя, наверное, запачкано было все тело. Я стремительно бросился прочь, не намереваясь проводить сеанс некрומантии в проклятом лесу.

Мелкие ветки то и дело отскакивали в лицо и падали за моей спиной. От испуга я затерялся в поворотах и бежал уже без оглядки на ориентиры. На какое-то время меня охватила паника, дышать становилось все тяжелее. К счастью, через минуту бега с жалом в своей плоти я все же увидел огни автомобиля, просвечивающие через стволы деревьев на расстоянии.

Перескочив на обочину, я упал на землю, чтобы отдышаться. Услышав какой-то шум, я поднял голову наверх. Возле машины стоял он.

— Да кто ты такой? Тебе что-то нужно? Извини, чувак, мы закрыты, ты понимаешь это?! — я наорал на старика в черненьком бушлате.

Этот старик из лифта не сводил с меня пару своих одичалых ветхих глаз. В его напряженном взгляде не было ничего живого. Каким образом он вдруг оказался на дороге со мной? Что вообще происходит на этой чертовой дороге каждый раз, как я остаюсь здесь один? У меня начали появляться очевидные вопросы к Доктору Годарду. Или неужели я опять уснул у него на диване? В таком случае ему нужно было бросить трубку, даже если он говорил с живым бюстом царицы Нефертити, и разбудить меня поскорее, потому что меня не очень тянуло на свидание с загадочным психопатом.

— Знаешь, что? Да пошел ты! — Я снова попытался вызвать у него реакцию и упомянул мертвое тело: — Это не смешно. Там в лесу труп, придурак!

Мужчина молчал. Я внимательно обошел свою машину на случай, если он как-то повредил ее. К счастью, обследование не принесло мне беды. Я бросил взгляд в сторону леса на секунду. Та вязкая лужа крови, в которую я опустил ботинок, все еще продолжала хлюпать у меня в задворках головного отдела. Здесь на бесконечной дороге начинало скапливаться все больше загадок, и, что было странным, я уже не сомневался, что они накладывались друг на друга.

Я всмотрелся в лицо старика. Его поседевшие брови уже настолько состарились, что начали расти вверх, а губы высохли и сплющились. Раз уж разговорить его не удавалось, я без лишних слов порадовал его средним пальцем и сел в «Линкольн». Старик развернулся, и его присутствие уже отражалось в боковом зеркале.

— Если вслушиваться только в тиканье часов, можно превратиться в сумасшедшего довольно просто.

Эти слова вырвались из его уст, и снова стало тихо. Я не стал ждать продолжения. Мотор гавкнул ему в лицо. Все это время, пока я оставлял его позади, мертвый взгляд мужчины преследовал меня.

Неподвижная фигура старика в бушлате постепенно отдалялась, и я старался не терять его из виду. Внезапно меня атаковал оглушительный шум, потрясший окна в автомобиле. Такое ощущение, что неподалеку взорвалась бомба. Едва не потеряв управление, я смог вырулить обратно на полосу. Бутылка «Джека Дэниелса» так и осталась закупоренной у меня на сиденье.

5

Я очнулся в кабинете у Доктора Годарда от зверского музыкального треска. Я сразу узнал эту песню. Стены кабинета сокрушительно резонировали от отчетливого гитарного скрежета Drive Like Jehu.

Увидев Доктор Годарда, закрывшего уши, я попытался спросить у него:

— Как... Как Вы узнали? Как Вы нашли эту песню?

Доктор быстрым повторяющимся хлопком выключил музыку. Он улыбнулся и сказал:

— Вы не знаете всех прелестей этого кабинета, не так ли?

Я все же не оставил тему вопроса:

— Откуда Вы знаете про эту песню, которая только что играла?

— Подарок от одного посетителя. Пришлось его опробовать, чтобы разбудить Вас — настоящего спящего гиганта.

— Я что, опять заснул?

— Представляете! — Доктор Годард воскликнул и удивленно добавил: — Мне даже стало интересно, Фома, а дома Вам не спится или возможность не предоставляется?

— Извините, пожалуйста. Я правда не знаю, почему я отключаюсь у Вас, — я признался, а затем спросил у Доктора: — Мы продолжим сеанс?

— Нет, я выяснил все, что хотел за то время, что у нас было. К тому же, у тебя был тяжелый день, Фома. Увидимся завтра. Как насчет около 4 часов дня?

Я медленно встал с дивана и накинул на себя пальто. Мне захотелось выяснить все, поэтому я спросил:

— Эм, доктор, когда я спал, я увидел окровавленный труп в лесу, и... тот человек, которого я видел ранее, он тоже был там. Я говорил Вам про эти случаи.

— Ну да, ты ведь спал. И каковы шансы, что тебе просто приснился кошмар?

— Но незнакомый человек... Я видел его уже дважды.

— А я, напротив, его вообще не видел, — Доктор засмеялся. — Когда Вы меня с ним познакомите?

— Да уж думаю, мне нужно отоспаться... — Я понял, что говорю нелепые вещи, и еще раз обратился к Доктору: — Извините, что заставил Вас так долго ждать.

— Спокойно, ты не доставил никаких неудобств, Фома. Так, четыре часа удобное время?

— Да.

Мы попрощались, и я уже выходил из дверей, когда Доктор Годард сказал это вслед:

— Фома, может быть, ты хочешь знать, чей это был подарок?

Впервые Доктору удалось заинтересовать меня. Я развернулся, и он продолжил:

— Ко мне приходила Вера. Она представила мне еще нескольких потенциальных клиентов, но сейчас было бы ужасной идеей расширить мой график.

Вера слушает одну из моих любимых групп? Женюсь.

— Почему вы не разбудили меня, когда она пришла? — спросил я.

— Я хотел, но она попросила меня не беспокоить тебя.

— Она придет завтра?

— Кто знает вас, молодых... — Доктор покачал головой и погодя добавил: — И да, Фома, помни, это есте-

ственно, что ты будешь испытывать некое горе, обиду по поводу ухода с работы, но тебе нужно избегать риска изоляции. Тебе не помешает встретиться с друзьями, не сиди дома. Увидимся завтра!

Я дал ему ответ и исчез за дверью:

— Хорошо. До встречи, доктор!

6

Бульвар Черок. Ночь. Псына брызжет слюной в подворотне.

Я решил последовать совету Доктора Годарда и откликнулся на приглашение своих друзей Андрея и Плины поваляться с ними в бутылке.

Падающие листья кружились в гармонии с нежным ветерком вокруг спящих улиц Бульвара Черок. Я шел от дома и пинал мусор по одинокой тропе. Это был один из тех вечеров, который просил такого вторжения. Мне нужно было зайти за угол, чтобы оказаться в сверкающей части города.

Место, где мы договорились встретиться, называлось «Гавай». Оно располагалось в старинном квартале с красивыми уличными светильниками и прочей ретро-символикой. Этот своеобразный чайна-таун принимал гостей всех сортов. Каждый имел право на хорошее время, и они это знали. Нет, ты не попадешь в утопию здесь, но ты приземлишься чертовски близко. Этот слоган распространялся на все заведения Бульвара Черок, в том числе и на бар «Гавай».

Дрон уже стоял у светящегося входа в «Гавай», когда я пришел. Андрей был обычным парнем, может, немного нагловатым, но своим людям в обществе это прощается. А он был своим для общества: увлекался всем тем, чем любит увлекаться молодежь, и не пропускал ни одной вечеринки, пока были силы. С Дроном я познакомился

в университете, и это знакомство продолжалось во многом из-за того, что Дрон не собирался отпускать меня плавать в одиночку.

Мы давно не виделись, но он умел мгновенно забыть об этом. Увидев меня, Дрон снял кепку с головы, и сто тысяч коротко подстриженных волосков раздулись под ветром. Он не стеснялся показывать свои эмоции, поэтому этот резвый крик услышала половина курящих зевак вокруг:

— Преклониться перед королем гномов!

Я обнял Дрона и поприветствовал его с большей скромностью:

— Здравова, Дрон...

Мы отошли в сторонку. Я окинул взглядом площадь: какие-то подвыпившие студенты носились с мячом по улице, но никто не обращал на них внимания. Каждый был занят своим делом. Дрон, например, рассматривал свои мешки под глазами в зеркале на чьем-то мотоцикле.

— Ну, рассказывай, как поработал сегодня? — Дрон громко захохотал.

— Честно говоря, мне плевать. А ты как?

— Да потихонечку все, братан.

Дрон предложил мне закурить из своей пачки. Он курил Rothmans Royals. Меня же всегда больше впечатляла ее форма, чем сигареты в ней. Мы затаились, и он спросил:

— А че, ты типа все, окончательно свалил? Или вернешься через неделю, типа такой забыл трудовую книжку, ребята.

— Не, ребята, можете оставить эту книжку себе, спасибо. У меня все есть. Мне достаточно того, что, когда это произошло, он был похож на экстрасенса, у которого не сбылось пророчество, в которое он верил всю жизнь.

Мы с Дроном засмеялись, пришлось даже откашлять-

ся обоим. Дрон продолжил издеваться над Денисом Анатольевичем:

— Уверен, у него и порно с какими-нибудь копрофагами на компе есть. Рано или поздно эта свинота должна спалиться.

— У него там все похлеще, чем копрофаги.

— Он теперь тебя по всему городу искать будет, чтобы ты не раскрывал секрет.

— Да пошел он. Что посеешь, то и пожнешь, так, кажется, говорят.

— Э, только не зовите меня снимать ваш новый фильм, когда ты попадешь к нему в бункер и станешь подпольным рабом, понял?

Мы отсмеялись до предела и успокоились. Постояв в обоюдном молчании несколько странных секунд, Дрон вдруг невозмутимо прибавил:

— Но трудовую надо все-таки забрать.

— Зачем? — удивившись его комичной серьезности, поинтересовался я.

— Эх, Фома, потом на пенсии меня поблагодаришь.

— Да ее еще тысячу раз пересобачат, пока мы будем жить, — я повернулся к нему и спросил: — А где Плина? Ты убил ее?

— Она там внутри, лунатик. И тебя ждет аналокарательный разговор, я скажу тебе так.

— Я представляю...

Я уставился на кончик сигареты и несколько секунд наблюдал за тем, как он тлеет. Дрон вопросительно посмотрел на это, и я произнес:

— Вообще, бросать надо, по идее.

Он потряс головой и пошутил:

— Тебе книжку подарить? У меня в туалете валяется уже пять лет.

Мы снова засмеялись, и Дрон оттолкнул меня. Он занимался боксом, и я уже выучил, что время от времени

у боксеров появляется желание помахать кулаками перед любым существующим человеком.

— Иди сюда, Джонни Фомино, боксер года по версии дерьма... года!

Дрон встал в стойку, но у него сразу же зазвонил телефон. Он показал мне экран с именем Плины и отбежал ко входу, активно жестикулируя руками в начале разговора. Я вновь остался один и прилип глазами к желтоватому от света всех ламп небу.

Плина, в дополнение к уже забавному имени, была максимально забавной девушкой. К примеру, я никогда не видел ее унывающей. Хитрость в том, что никто не знает, что эти люди чувствуют в глубине души, но все же невозможно не поддаться чарам энергии, которой они обладают.

Во многом Плина была всем, что вы хотели бы найти в женщине. Она была несколько наивной, откровенной, даже очень откровенной, но всегда оставалась дружелюбной и верной людям, которых любила. Имело ли это значение для меня? На самом деле нет. У нее был идеальный компаньон в лице моего хорошего друга, а я был счастлив за всех влюбленных, которым удавалось найти верное хранилище для своей любви. Плина вместе со мной принадлежала к рядам страдающих интровертов, поэтому, когда она вышла замуж, я знал, что она отыскала в моем друге самую безопасную кладовку для своего счастья.

Вспоминая Плину, я вспомнил и Алису, и Веру. Наверное, при желании я разглядел бы в них красоту, которую в свои стихи не смогла бы уместить тысяча поэтов.

В этот момент кто-то включил музыку из колонки. Под действием разных интересных веществ люди начали танцевать. Ко мне сзади подкрался Дрон и ударил по плечу.

— Пошли, примат.

— Все нормально? — я спросил у него.

— Да все по красоте, Фома. Я сказал ей, что ты не придешь, потому что ты умер, и она посмеялась, и еще сказала, что ей плевать на тебя.

— А ты знал, что тебя все ненавидят?

Я договорил и выкинул окурок, втайне стараясь по-пасть в наиболее гнусную компанию молодых людей, невпопад выкрикивающих слова какой-то песни из нулевых. В нулевых было записано много хорошей поп-музыки, но когда твой вкус приводит тебя к этой, пора делать серьезные выводы. Затем крупные арочные двери «Гавая» отворились, и мы с Дроном ступили в логово.

7

Место было поразительно огромным. Полагаю, было бы лучше, если бы за меня его описывали представители всех связанных с декорациями профессий в кино. По моему мнению, оно было похоже на игровое поле из игры пинбол для компьютеров: недалеко от центра располагалась сцена в виде пластинки, которая вращалась с помощью поворотного круга, а вокруг нее были раскиданы многочисленные столики для посетителей. По бокам были оборудованы стойки для тех, кому не хватило места. Футбол за ними смотреть было удобнее — не нужно было отвлекаться на зрительный контакт и задираť голову к небесам каждый раз.

Когда мы вошли внутрь, домашняя рок-группа, которую, будем честны, я не знаю, кто пустил на сцену, передавала место в круге длинноволосому певцу с крутой гитарой. Выглядело так, как будто фургон с музыкантами альтернативной сцены 90-х разгрузили прямо перед нами. Я лишь надеялся, что двойник Эдди Веддера, одетый в тряпье не по размеру, оправдает возложенные на него

ожидания своей музыкальной программой. Где-то в конце зала мужики сосредоточенно играли в бильярд, а неподалеку от нас с Дроном компания ребят с запотевшими лицами-глыбами перекидывалась в дартс. «Гавай» был целым миром.

Дрон наугад показал пальцем куда-то в толпу и сказал:

— Вон она сидит. Я принесу нам что-нибудь. Ты что будешь?

Я уставился на него искоса. Как говорил один человек, отыскать иголку в стоге сена, по правде, не казалось таким уж сложным занятием. Найти столик Плины среди массы столиков в «Гавае» — вот это было невозможно.

Все же оббежав глазами зону, которую он примерно обвел пальцем, я узнал Плину по ее черному каре. Я не стал задерживать Дрона и ответил:

— Возьми мне то же, что и себе.

— Уверен, что справишься с ней? — он спросил, намекая на Плину.

— Я в безопасности.

— Нет, брат, ты не в безопасности в любое время и в любом месте.

Мы распрошались ненадолго, и я начал пробиваться к Плине. По мере прохождения отрывки чужих речей складывались в один нескладный монолог о последствиях шизофрении: что-то о спасении от Джейсона Вурхиза, корабле любви, размерных цепях, степени доверия асексуальности Вирджинии Вулф, сборниках Ретке и ситкоме «Сообщество». На этом слове я обернулся, и лучше бы тот, кто его произнес, заливал пиво в свою глотку так же послушно, как и его дружки, потому что персонаж Чевы Чейза в этом сериале был одним из лучших и по количеству смешных шуток уступал разве что персонажу Джоэла МакКейла.

Плина в очаровательной синей шелковой рубашке копалась в рюкзаке, поэтому я ударил по столику с такой силой, что она аж отпрыгнула в сторону.

— Здравия желаю, товарищ адмирал!

Она подняла голову. От кратковременной злости ее челюсть смешно сжалась, но маленькие глазки все равно заблестели, и она набросилась на меня с объятиями.

— Божечки, Фома, ты с нами!

Я сел напротив Плины, и она стала любоваться мной. Пора было прервать молчание, чтобы не перейти условный Рубикон, который сделает дальнейший вечер неловким, поэтому Плина заговорила первой:

— Ну и как мы сегодня поживаем?

— А, да нормально...

Мне всегда было нормально. Как будто в словаре не было других слов, чтобы описать, как я себя чувствовал. Я непроизвольно склонил голову вниз, и веснушчатое лицо Плины наполнилось удивлением.

— Нормально?! Ты потерял свою работу! Позволь поинтересоваться, что это за «нормально» такое?

— Э, «безработное нормально»? — я насмешливо переспросил. Это сработало, и Плина улыбнулась. Потом она все-таки прибавила, качая головой:

— Ты полоумный, Фома... И глупый! И идиот тоже! Ты глупый полоумный идиот!

У нас с Плиной была особая связь, поэтому мы могли говорить друг другу что угодно, и никто даже не подумал бы разозлиться.

— Пошла ты, Плина, — я продолжал отвечать ей непринужденно, чтобы задобрить ее.

— Серьезно, что ты собираешься делать? У тебя есть какой-то план?

— Да... Я просто найду какую-нибудь дерьмовую работу и буду отталкиваться от нее. К счастью, в мире полно дерьмовых рабочих мест.

— Ну, я не знаю о рабочих местах, но это определенно дерьмовый план, Фома.

Плина снова повертела головой, чтобы обозначить свое неодобрение.

— Я что, знаток в планах? План есть план. Расслабься, Плинка, со мной все будет хорошо.

— Нет, не будет! — она вдруг разозлилась, но тут же успокоилась и продолжила: — И со мной не будет... И вообще, знаешь, Фома, для парня с таким сложным, хорошо продуманным планом для дальнейшей жизни послать собственного босса было не самой лучшей идеей.

— Хорошо, что я должен был делать, по-твоему? Ему безразлично, чем занимаются его люди, он только ищет питомцев, понимаешь? А я не из тех, к кому можно привязать поводок на всю жизнь.

— Не знаю. Я просто хочу тебе сказать, что если ты будешь продолжать обвинять других людей в том, что с тобой происходит, то в итоге у тебя не останется никакой другой награды, кроме жалости к себе. А я не хочу, чтобы это случилось с тобой.

— То есть, ты думаешь, что жизнь — это просто гонка за какими-то наградами? Не надо мне проповедей. Все то дерьмо, которое моя мама пережила в своей жизни, и что она получила в итоге? Ничего. Я никогда не давал ей повода быть спокойной, а потом она просто умерла. Ты думаешь, вот это справедливо?

— Я думаю, что наш мир такой огромный, а ты пытаешься уместить его в двух ладонях и страдаешь от этого.

Плина вздохнула и придвинулась к спинке сиденья. Становилось несколько напряженно, но добить это напряжение было лучшим решением, поэтому я принялся жалеть себя в очередной раз:

— И что я такого сделал, чтобы мне досталась эта ноша? Как я стал тем, кто стоит на месте? Тот мир, который мы знали, съели те, кто гордятся тем, что не стоят на ме-

сте. За ними изменилось все. Мне остается терпеть, ждать, когда хотя бы крошечной частью уха услышат и меня. Но должен ли я терпеть, пока все эти дегенераты будут плодиться и позволять себе смеяться над недозволенным, а паразиты будут впиваться в наши слова и поступки?

— Фома, в этом мире полезно не забывать, что здесь полно идиотов, извращенцев и просто сумасшедших. И самое страшное, что они не стыдятся самих себя, а ты боишься любого проявления своей неординарности. — Она помолчала и спросила меня: — А ведь если так продолжать закрываться и запрещать себе жить, ты просто выживешь себя из кожи, разве нет?

Плина была самым умным человеком, которого я когда-либо знал. Учитывая, что она была еще красивой, Доктор Годард мог рассчитывать только на грамоту за участие. Я сухо ответил ей и начал бессмысленно рассматривать меню:

— Ну, это твое видение...

В этом словесном поединке у меня попросту закончились аргументы. Плина не любила довольствоваться своими победами, поэтому заговорила в свойственной ей ласковой манере:

— Фома, я понимаю, что ты чувствуешь. Мы оба видим стакан наполовину пустым, и я просто говорю, к черту этот проклятый стакан, — для наглядности она метнула бокал с милкшейком в сторону. — Как говорил один великий древнерусский философ Иван-царевич, всегда стреляй назло, и даже единственный раз, когда ты попадешь, может оказаться самым важным!

С ее лица все это время не сходила улыбка чистого сердца, но я был раздосадован тем, что, помимо полного дневного провала, мне еще пришлось повозиться рылом в собственной несостоятельности вечером. Поэтому мой ответ прозвучал весьма саркастически:

— Прекрасное умозаключение.

Плина привстала и мягонько шлепнула меня по голове своей крошечной ладонью:

— Так-с, пойду отлучусь. Не умирай за это время.

— Не могу обещать.

Я достал свою мятую пачку сигарет и затащил одну в рот. Плина уже собиралась уходить, как вдруг вытащила сигарету у меня изо рта, когда я уже подносил к ней огонь зажигалки. Я не скрывал своего недоумения.

— Ты понимаешь, что я все равно покурю, когда ты уйдешь? — я сказал, улыбнувшись.

— А я ушла? — Плина развела руками.

— Я смирен и принимаю и это поражение, мэмм...

Плина подпрыгнула от радости и вернула мне сигарету. Когда она ушла, мне стало легче. Правда, курить уже не хотелось, и я спрятал сигарету в карман.

Я наблюдал за тем, как гибкое тело Плины растворяется в образах и очертаниях людей и россыпи предметов интерьера бара. Эта невысокая женщина была права. Перебирание ошибок заменило ту часть меня, отвечающую за спокойствие рассудка. Зачастую счастье скрывается во многих деталях, иногда даже невидимых для нас с первого взгляда.

Я перевел взгляд на компанию за столами с плазмой, прикрепленной к стенке. Вроде бы плазмы давно не выпускают, но не суть. Кажется, только что боец, на которого один из парней поставил, неуверенно вел себя в клетке.

— Какого черта этот урод делает? Да я сам бы выбил из него все дерьмо за такую подготовку!

— Заткнись, ты бы даже ковер по просьбе своей бабушки не смог выбить, кретин!

Один из друзей сделал остроумное замечание в его сторону. Они оба были одеты в спортивные штаны и футболки с логотипом спортивной компании, которые различались только по цвету. Красный и белый.

— Я из тебя дерьмо выбью, следи за своим гребаным ртом, скотина!

Преданные фанаты смешанных единоборств сцепились друг с другом, не отводя глаз с телевизора.

— Давай! Попробуй меня, папаша, если ты такой крутой!

— Сейчас только бой закончится.

Они уселись обратно и пригубили свои пивные стаканы под смех своих товарищей. Я понял, что это и была та радость, которая пряталась от меня. Радость прячется в деталях. Для кого-то увернуться от снежка уже радость, а кто-то любит смотреть, как толстый кот пытается залезть на диван, и никто не спросит с них, потому что так и надо.

— Заткнись, Фома, — за спиной раздался харизматичный голос Дрона.

Дрон поставил поднос с выпивкой на столик. Вмиг мне в глаза бросились не здоровые стеклянные кружки с кристалловидными гранями, наполненные пивом, а рюмочки с красно-синей жидкостью, из которых торчали зубочистки в виде зонтиков.

В одно время с Дроном из дамской комнаты вернулась Плина. Она тоже обратила внимание на посуду, поэтому, не теряя времени, задала Дрону прямой вопрос:

— Что это?

Они вместе расположились за столиком с противоположной мне стороны, затем Дрон ответил, как будто и не заметив изумленный взгляд Плины:

— Это «Дробовик Гавай», мои дети... У них сегодня акция — обещают, что с одного шота сносит крышу.

Дрон с гордостью поднял стопку, и мы рассмотрели переливающуюся субстанцию. Плина прокомментировала:

— В «Пятерочке» сегодня тоже акция была, но ты же не видишь меня с пакетом «Пятерочки».

Они посмотрели друг на друга, выражая взаимный укор.

— Кстати, пакеты «Пятерочки» вмещают много мусора, — я вмешался со своей глупостью.

— Как и твоя голова, — Плина рассмеялась, посмотрев на меня.

Все это значило, что этой ночью я должен утонуть в пинтах чертовски привлекательной компании, а остальное уже не важно.

8

Мы болтали весь вечер. «Дробовик» не промахнулся. Я облокотился на столик, пока Дрон и Плина обсуждали поездку куда-то, чтобы увидеть что-то. Я был в том состоянии, когда уже можно было желать выплюнуть весь выпитый алкоголь, просто делая ртом шумные выдохи с посвистыванием.

— Спасибо, спасибо! — завершил свое выступление на сцене еще один музыкант.

Ничто не меняется в «Гавае» так часто, как певцы на сцене. Никто не чувствует себя чужим здесь. Мы все муравьи, занятые строительством родного домика.

— Фома, ты отправил сценарий на тот конкурс, о котором я тебе говорила? — я услышал, что Плина обратилась ко мне.

— А-а, не, там за деньги участие... — я постарался подбрать человеческие слова.

— И?

— И в жопу киношников и их конкурсы. Я даже не захотел придумывать оригинальное название. Всегда побеждает какая-то глубокая художественная дрянь, после которой все должны стоять и аплодировать, я-то знаю, — я выпрямился и посмотрел на своих собеседников за столом. Их облик уже расплывался передо мной.

— Давай я тебе помогу с названием, дружище, накидывая свои варианты, — предложил Дрон.

— Да забейте, я считаю, что кинематограф мертв, и мы можем только смотреть за тем, как пинают его труп.

— Ого, даже твои гениальные американцы ничего не могут с этим поделывать? — поинтересовалась Плина.

— Американцы! Американское кино! — я возразил и снова ударился в критику. — Сейчас они не парятся. Они не пускают никого, но они и не парятся!

— Претензии к американцам конкретно какие у тебя, мальчик? — провозгласил Дрон, выпивший чуть меньше меня.

— Они разучились развлекать. Они не хотят рисковать. Они забыли, как звучит «Вельвет Андерграунд».

Я провел своей мордой по ладони. Дрон умел держать удар при любом градусе. Среди нас, понятное дело, самой трезвой и здравомыслящей была Плина. Она и попыталась разобраться в ситуации:

— Бывает же нормальное кино, как ты любишь, у них. Сейчас даже вспомню... — Она начала перечислять для меня знакомые названия на пальцах: — «Наркотик», «Стрингер», «Три билборда», «Ла-Ла Лэнд»... Бриты сняли «Грязь», «Дом Хемингуэй», Гай Ричи вернулся... Бум!

Я покачал головой и сказал:

— Стоп, стоп, во-первых, «Одержимость» вместо «Ла-Ла Лэнда». Да и нужно смотреть на общую картинку, а не единичные случаи.

— При чем тут «Одержимость»?! — возмутилась Плина. — И почему ты так критически относишься ко всему новому?

— Потому что это все скучный, пресный, замшелый бред от пресыщения. «Ла-Ла Лэнд» — всего лишь мюзикл, «Одержимость» была новым явлением драматургии. Почему все люди упорно продолжают игнорировать

ее? Это лучший фильм из двух! — я ударил по столу, и посуда затряслась в коротком танце.

— Потому что это кино про сраных барабанщиков! — Плина не выдержала и прикрикнула.

— Три «Оскара», придурок! — одновременно с ней выкрикнул Дрон.

— Нет, нет, нет... Все вздор, — я уже просто отрицал все сказанное ими.

— Ты вообще смотрел «Ла-Ла Лэнд», Фома? — спросила Плина.

— Нет...

— Почему ты тогда споришь о нем?! — она снова смешно возмутилась.

— Да потому что дело даже не в этом, мать его, «Ла-Ла Лэнде»! — я вспыхнул и дал лаконичный комментарий, которым мог бы гордиться даже в адекватном состоянии. — Абсолютно все стало политикой, везде есть чей-то нос теперь. Все движется по одному сценарию. Они не ищут идеи, они ищут больше денег. Чистый бизнес.

— Я думаю, ты просто завидуешь. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что ты не талантливый писатель?

Плина продолжила активно спорить со мной. Я кинул в нее бутылку со словами:

— Деточка, если бы Интернет не мешался, я бы выиграл чертов «Оскар» за первые десять страниц любого моего сценария.

— Теперь Интернет виноват... — она ухватила за голову и растрепала свои гладкие волосы, состоящие из идеально прямых линий. — Как ты вообще придумываешь аргументы, Фома?

После этого я без запинки выдал удивительно пьяную тираду:

— Во время постоянного обновления технологий и расцвета электроники мы находим себя более одинокими, чем когда-либо. Я думаю, потому что с помощью

Интернета мы открываем испорченный, скучный, страшный мир. Вот нам и кажется, что никто уже не должен нас впечатлять.

— О, алкогольная благодарственная речь, — успел пошутить Дрон.

— Я, блин, не выиграю «Оскар» из-за каких-то страшных террористов, потому что к террористам нити привязаны точно так же... — я продолжал ругаться.

— Так тебе «Оскар» нужен? — Плина взяла ту же бутылку пива и с твердым хватом поставила ее передо мной. — Вот тебе «Оскар»!

Я отодвинул бутылку в сторону и прилег на столик лицом, лишь пробурчав:

— Я не хочу такой «Оскар». У меня таких дома полно...

Первым из-за стола встал Дрон. Он собрал весь мусор на поднос, затем сказал моей бездвижной форме:

— Ладно, Фома, ты опять нажрался. Давай мы отвезем тебя домой.

Плина встала вслед за ним и принялась помогать мне, но на ноги я сумел подняться сам. В следующее мгновение я почти свалился на землю, и они уже подхватили меня и далее дотащили до выхода.

Студящий воздух ночи на какое-то время добавил мне жизни. Таксисты всегда собирались на запах наживы у баров. Пока Плина и Дрон тащили меня к их кабинетам, я вел разговор:

— Плина, а почему у тебя такое дурацкое имя...

— Не знаю, — ее ответ даже показался чуточку грустным. — Наверное, мои родители посчитали, что будет весело убрать букву «о» от Полины.

— Мне нравится... Это как человек с фамилией Бесмертный должен опередить время и шутки... Кстати, а я говорил вам, что влюбился?

Они заулыбались.

— Фома, если ты влюбился, не приглашай нас на свадьбу, потому что мы не будем тащить тебя в постель к невесте, — сказал Дрон, волоча меня по тротуару.

— Вот с чего ты взял, что я напьюсь на собственной свадьбе, а?

— Ты не доживешь до конца свадьбы, если будешь трезвым.

— Да, ты абсолютно, определенно и стопроцентно прав, Урфин Дрюс...

— А я что говорил — у моих аргументов нет оппонентов, брат.

Через секунду я увидел перед собой открытое отверстие кабины таксиста и насильственно влетел туда, сложившись напополам на сиденье, обшитом дорогой алькантарой. Вариант испортить их своей рвотой отпадал моментально. Плина села рядом со мной, и всю дорогу до дома я пинал ее. Скорее всего, Тит зубами поднял меня на тринадцатый этаж, или Плина с Дроном все же дошли до квартиры и закинули меня в кровать. Я уже этого не помнил, потому что отключился у таксиста в машине.

Я пришел в сознание поздно ночью. Голова не раскалывалась, но меня мучила бессонница. Мы с Титом лежали в полной темноте, и из колонок доносилась тяжелая музыка. Я перевернулся на бок, подложив под голову сжатый кулак, и уставился в ничто.

День 4. Внутривенно

1

Без десяти четыре в лагере шавок. Годард стоял надо мной с часиками с черным циферблатом в руках. Доктор рассказал, что это подарок от научного центра на юбилей. Он все сверялся с этими часами, периодически ходя

кругами по комнате без спешки, а я уже смотрел в потолок, впервые ни о чем не думая.

Доктор остановился и спросил меня:

— Как дела, Фома?

Я все еще чувствовал опустошение после ночи в «Га-вае» и ответил ему с небывалой черствостью:

— Не стоит спрашивать, как у меня дела. В этом нет честности, я никогда не отвечу то, что думаю.

В голосе Доктора тоже чувствовалась какая-то слабость и усталость, но мы продолжили разговор.

— И все же мне хотелось бы это узнать.

— Я думаю разукрасить лицо для привлечения внимания. И что я трахну все, что движется, если окажусь в пятнице нормального человека. Я буду трахаться до тех пор, пока не остановлюсь в развитии, пока не перестану думать совсем. Так думает нормальный человек, — я передал эту мысль Доктору.

— Кто такой нормальный человек?

— Тот, кто не лежит здесь на диване.

— На этом диване может лежать кто угодно, уж поверь мне, но в конце дня это ты должен выйти отсюда к людям и что-то доказать им, — Доктор Годард сказал немного раздраженно.

— Доктор, — я прервал его, — разве нет медикамента, который можно принять, чтобы стало лучше?

— Есть. Только принять его придется внутривенно, если ты понимаешь, о чем я, — даже в таком неясном состоянии Доктор умел ловко вкрапить шуточное высказывание в разговор.

Я понимал, о чем он говорит, но лучше от этого мне не стало. Такие люди, как я, давно благополучно сторчались, а кто не выбрал эту дорогу, пытался выяснить что там в конце путем подъема на Голгофу.

— А нет другого способа? — я спросил, переводя взгляд на Доктора.

— Есть. Нужно пробиваться, выгрызая опорную зону и разгонять атаку, говоря на твоём языке.

— Но зачем идти по головам? Мы смотрим на людей в радиусе нескольких метров, — я объяснил. — Мы все думаем или хотя бы желаем казаться особенными, но мы либо все особенные, либо никто не является особенным.

— Опять же, если этого не делать, то проиграешь только ты. Каждый из нас должен предложить рукопожатие этому миру.

— Если я не хочу? Я не хочу взгляд, я не хочу рукопожатие, я не хочу отношение. Почему все в этом мире должно быть этим взглядом, рукопожатием, отношением, улыбкой, чьей-то репликой?

— А как еще мы, люди, должны существовать, если не через общепринятые коммуникативные рамки? — Доктор задался вопросом.

— Понимаете ли, все это в какой-то степени бессмысленно, бесполезно. Люди, может, никогда и не научатся чувствовать чужую боль. Мы можем много сочувствовать и болтать о проблемах психического здоровья, мы даже можем сказать, что достаточно постоять на крыльце Бу Рэдди, но мы никогда не сможем почувствовать себя в его шкуре. — Я сделал паузу и закончил обращение: — Если кому-то кажется, что все так просто, то я могу лишь посоветовать им не окружать себя такими людьми, как я.

Доктор Годард задумался на секунду и снова взглянул на свои маленькие часы. После этого он изложил желание перейти в Эльдорадо Фрейда:

— Хорошо, Фома, скажи мне, у кого-нибудь в твоей семье были проблемы психического характера или какие-то признаки отклоняющегося поведения?

— Не то чтобы я знал о них... — я перебил Доктора до того, как он открыл рот. — Хотя не понадобится долгого дискурса, чтобы понять, что мои родители постоянно искали баланс, двигаясь по краю пропасти.

- Ты видишься с ними сейчас?
- Нет, они умерли пару лет назад.
- Соболезную. При жизни они знали про твое самочувствие?
- Я никому не говорил о своих чувствах.
- Как ты думаешь, как бы они отреагировали на твои проблемы, если бы узнали? — Доктор, кажется, нащупал нужное место. — Считалось ли это своего рода стигмой в вашей семье?
- Да. Я был разочарованием в их глазах. Они никогда не говорили мне этого, конечно.
- Я отвернулся от Доктора, и мое лицо теперь упиралось в кожаную спинку дивана, точнее, в лакированную деревяшку, разделяющую щиты. Разговор на эту тему вызывал у меня раздражение, но не до такой степени, чтобы обидеть Доктора, поэтому я сам продолжил:
- Я видел лица, старые и обвисшие, как у собак, которые неизбежно умрут, и я хотел умереть вместе с ними. Но ни один ребенок не должен умереть в родительском доме, только не на их руках.
- Подпишусь под каждым словом здесь, Фома. По моему, наши родители живут только, чтобы знать, что их дети живы. — Доктор помолчал и спросил: — Но если они никогда не говорили об этом, что заставляет тебя думать, что ты разочаровал их?
- Вы всегда можете видеть и чувствовать эти вещи, если читать между строк. Они хотели, чтобы я почувствовал вкус успеха в этой жизни. Они всегда говорили об этом, а я никогда не давал им повода гордиться мной. Не было ни жен, ни свадеб, ни внуков. Они пытались дать мне все, и затем они просто... — Я договорил: — Затем они просто скончались...
- Успех... — повторил Доктор. — Это важная составляющая мировоззрения человека?
- Да.

— Почему?

Я снова повернулся и взглянул на Доктора. Я был рад тому, что мы сменили тему, и теперь любая дискуссия для меня была элементарной.

— Потому что успех — это уже не бизнес, — я сказал ему и развернул свою мысль: — Успехом становится все. Это любовь, дети, семья, друзья и богатство. Сам смысл слова «жить» — это успех. В противном случае я не вижу причин полагать, что жизнь не заключается просто в переворачивании страниц календаря.

— Как ты думаешь, есть ли у тебя еще возможность добиться успеха?

— Может быть, если бы все, кого я знаю, умерли...

— Фома, я хочу знать, вызывает ли этот разговор у тебя какой-то дискомфорт.

Доктор задал этот вопрос уж слишком поздно, чтобы моей реакцией не был сожалеющий смешок.

— Я не знаю... — я сказал ему с ухмылкой. — Если это поможет Вам, тогда я рад.

— Видишь ли, Фома, к сожалению, я пока не вижу даже намек на положительный результат в моей работе с тобой. Обычно люди уходят с пониманием того, что им дали надежду. От посылов, которые должны быть вложены в беседу, у них и появляется вдохновение, — он обратился ко мне. — В твоём случае мы имеем уже укоренившийся недуг. Боюсь, что, если этот сеанс не поможет, тебе придется обратиться к психиатру и получить список лекарств от депрессивного расстройства.

— Хорошо. Я понимаю.

Я согласился с ним, но еще было бы неплохо, если бы мне вернули деньги и дали телефон Веры, в случае если магия Годарда не была реальной. Доктор продолжил:

— Причин для тревоги все равно нет. Как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я предлагаю вернуться на нашу дорогу, Фома.

Раз это был последний подобный сеанс, как обещал Годард, я не противился. Закрыв глаза, я снова перенесся в призрачную реальность бесконечной магистрали. Мой «Линкольн» двигался вперед под замиранием солнечного света. С потускневших желтых полей выглядывали телеграфные столбы и вышки телефонной связи.

Я высунулся из окна, но практически сразу спрятался в салоне, потому что погода на бесконечной дороге не радовала теплом. Раздался голос Доктора:

— Фома, я бы хотел сфокусироваться на теме твоей семьи, если ты не против. Не мог бы ты вернуть меня к жизни в вашем доме, рассказать об отношениях между родителями, пожалуйста?

— Да в общем и целом все как у всех в детстве, — я решил подшутить над ним. — Тем более на Денди тоже был «Мортал Комбат». Не такой красочный, конечно, зато там была такая чарующая восточная мелодия в начале игры, она прекрасна. А в «Сайлент Хилл» мы ходили играть к другу в деревню. Вечером было страшно, и, помню, мы не смогли доиграть.

Я знал, что такое дурачество не понравится Доктору, но не смог удержаться. Справедливости ради не так много людей понимали мой юмор, но ведь, по Дагу Марчу, это не было поводом перестать шутить.

— А если серьезно? — ожидаемо хмуро спросил меня Доктор.

— А если серьезно, то слово «насилие» не смывается со стены в туалете.

— Можно поподробнее? — он поинтересовался.

— Я написал слово «насилие» на стене в нашей ванной, когда был ребенком. Кажется, это была песня, которую я часто слушал, или какой-то фильм с тем же названием, я не придавал этому значения в то время...

Я вспомнил нашу ванную комнату. Мама сидела у раковины и вырывала волосы со своей головы, выговаривая что-то невнятное самой себе. Белая квадратная плитка и песочные швы между — чуть выше уровня лица я написал фломастером то слово. В разное время я умещал разные строчки на этих тонких швах, но все они стирались, кроме него. Я обратился к Доктору:

— И знаете, что оказалось самой большой неправдой из детства?

От злости я прикусил кулак. Эту боль нельзя было заглушить, нельзя было выколоть ее из меня.

— Женщины не кричат, когда их бьют.

Сухие слезы потекли из моих глаз. Я упал на руль и попросил Доктора закончить сеанс:

— Доктор, кажется, я хочу поехать домой... Я не готов продолжать.

Автомобиль продолжал двигаться по дороге, и я начал напевать, чтобы Доктор услышал меня:

— Доктор Года-ард, Вы слышите меня?

Он продолжал игнорировать меня. Разве так сложно предупредить, если ты куда-то отходишь, или это опять была его идиотская забава молчать, чтобы я кинулся подкармливать его своими монологами?

— Я не хочу говорить, Доктор!

Постепенно ко мне начало подступать осознание реальности. Я задал последний дежурный вопрос:

— Доктор, где Вы?

Тихо, как в гробу. И тут телеграфные столбы превратились в кресты, связанные колючей проволокой, металлические ограждения на дороге внезапно превратились в чудовищные бетонные стены, которые перекрывали обзор неба. Доктор на мне провернул свою иллюзию, гениальный магический трюк, показанный не раз мешкам с грязью.

Я закрыл глаза и нанес удары по лицу.

— Проснись! Проснись! Проснись! Проснись, Фома, пожалуйста!

Ничего не изменилось, от беспомощности я начал умолять его:

— Доктор Годард, Вы слышите меня? Я не могу проснуться!

Меня съедало молчание и собственный истерический смех, который оно вызывало.

— Ах ты, ублюдок! Годард, ты...

Я яростно набросился на руль и попытался вырвать его, непрерывно подавая звуковой сигнал. Все было без толку.

— Тварь! Тварь! Тварь! Тварь!

Ох, Доктор Годард, что это за игра, в которую мы играем.

Вспомнив про бутылку виски, я отыскал ее под сиденьем. Я начал глотать ее внутренность, даже не поглощая воздух. Это помогло постепенно обрести спокойствие.

Так это все? Точка кипения? Момент, когда кто-то дает знак рукой и все меняется в одно мгновение? Я спрашивал себя, впитывая содержимое бутылки. В зеркале я заметил, как мои глаза смыкаются, но я старался моргать чаще.

Печальная правда в том, что точки кипения как таковой нет. Ты живешь поворотами судьбы. На каждом повороте ты ждешь, когда появится Виктор Цой и споеет тебе про перемены, и тебе станет лучше. Смешно. Хуже всего в изменениях то, что они не наступают, но мы продолжаем требовать.

Ты закрываешь глаза, чтобы избежать жизни. В твоих мечтах много обещаний, но в действительности все остается тем же, чем и было — марафон черного и белого, дерьма и блевоты.

Пытаться не заснуть за рулем становилось сложнее. Повторно раскрывая веки, я понимал, что легче дать себе отключиться.

И что-то случилось с твоими мечтами... Теперь ты просто закрываешь глаза в надежде умереть.

Я залил бутылку в глотку, пока пошло не обожгло горло. Я пил все больше и больше.

Я как ваза, полная увядших цветов, этикетка для чего-то уже мертвого. Гадкая зубастая гиена...

Мое лицо посетила злая улыбка. Я нажал на тормоз, машина остановилась.

Супергерои, кумиры людей, примеры для подражания — их всех объединяет то, что они никогда не отстраняются от своих звездных образов. Они идеальны для нас. Но я не был героем. Никакая слава не шла за мной следом.

Револьвер, как и его владелец, уже исчезли, но я все еще мог убить себя из пальца. Грязного противного пальца. Я засунул его себе в рот. Ты забыт. Ты забыта.

Пиф-паф. Ты убит. Ты убита. Как это есть. Как это будет.

Я достал пальчик изо рта и начал хихикать, как помешанный. К чему все эти удручающие мысли на ровном месте? Угадай что, Фома? Ты все еще жив. Ты не сраный поэт-меланхолик с лирикой для девочек в поисках принца, Фома. Забудь эту ерунду и продолжай двигаться, пока с турнира по нардам не вернется этот докторишка с наперстком.

Уже вечерело. Я завел автомобиль и сдвинулся с места, но сонные глаза реагировали слишком медленно. Голова слегка покачивалась, я умыл лицо запястьем, или запястье лицом. Я взял бутылку, но она выпала из рук, и остатки виски вылились на коврик.

— Никак не мог запомнить, где газ...

Я нажал не на ту педаль, и мы окончательно остановились.

— Кто ты, черт возьми, такой, Доктор Годард? — про-
бормотал я.

Все помутнело, я отрубился и упал лицом на руль.

Глава II

Каждую ночь Вьетки

День 5. Ад с большой буквы

1

Слабенький свет проникает в комнату, вздрагивая в моих глазах. Над головой висит статуя распятого Христа, и свет почти убеждает меня, что я на небесах. Звуки перекликаются: кряхтит потолочный вентилятор, за окном шумят приборы, и собаки лают из вольеров.

Когда я уже раскрыл глаза, я лежал на грязной кровати в своей одежде. Было утро. Я находился в старенькой комнате среднего размера с ободранными обоями, распахнутым двойным окном, едва работающим вентилятором и лампочкой, свисающей с потолка на одном проводе. Небеса, действительно. Должно быть, какой-то клочок, оставленный святыми и превратившийся в чистилище.

Окошко, должно быть, было открыто все это время, потому что меня охватила сильная дрожь. Я встал с постели и попытался разогнать кровь по телу. В это время с улицы прозвучал раскатистый выстрел, за которым последовал дикий хохот мужиков, и я разом забыл про холд.

На тоскливую комнатушку, в которой я провел ночь, было грустно смотреть. Обслуживание номера включало в себя все виды пятен на моей кровати и запах разврата, застывший в воздухе. На тумбочке рядом с мерзкой кроватью лежал стакан с помутневшей водой. Я с легкостью могу представить, как некоторые люди отправлялись напрямиком в чистилище после ночи здесь. Я думаю, что вернусь сюда через некоторое время, но я бы хотел сначала посчитать мои грехи.

Я подошел к шкафу, прилегающему к стене, и увидел свое отражение в испачканном зеркальце. С новым днем старое чувство не исчезло. Я был бушлатом дезертира,

брошенным в шкаф как нечто, что больше не имело своей дорогой ценности.

В противоположном углу комнаты я заметил старинные напольные часы с кукушкой. Я мог расслышать хрипящий звук мертвой своры тараканов, раздавленной деревянными планками под полом, когда шел к ним. Место уныния, жаждащее снятия проклятия посреди Ада — предсмертные записки хранились бы здесь до тех пор, пока вся комната не была заполнена ими.

Неудивительно, что часы были сломаны. Однако все три стрелки застряли на цифре 7. Не уверен, была ли это жестокая шутка, или часы просто перестали работать на счастливой комбинации. Я не мог знать, сколько времени я провел в этом убогом хостеле, но пришло время удалиться для поиска ответов.

Не знаю, почему я проверил свои карманы, как будто я когда-либо носил с собой что-то помимо сигарет и зажигалки. Я думаю, это была просто предосторожность. Последнее, что мне нужно было найти в карманах — это шприц, полный «Валькирии». Ни того ни другого мне, к слову, не оставили.

Взяв нож с тумбочки у кровати, я двинулся к двери. Спокойно выйти, напевая песенку, не удалось, потому что дверь была заперта. Вот так сюрприз. Крючок висел над головой здесь с самого начала. Я попытался выбить дверь, но также потерпел неудачу после нескольких попыток. Оставалось лезть в окно.

Сперва я осмотрел окрестности: окно выходило на дворик и скудную террасу, огражденную деревянным забором. Я повернул голову вправо и увидел, что по траве можно дойти до большой площадки с тыльной стороны хостела. Оттуда и доносились звуки режущих по металлу инструментов.

Я осторожно вылез из окна и приземлился на землю, стараясь сгладить падение. К счастью, мой вес позволял

мне быть скрытным. Я вновь оглянул двор: въезд в холстел, обозначенный большими воротами, располагался слева, а справа на площадке была парковка. Возможно, там и была моя машина.

Я двигался, прижавшись к стенке и нагибаясь перед каждым окном, как и подобает любому уважающему себя герою Тома Клэнси. Правда, перед последним окошком с окрашенной в белый цвет деревянной рамой я поддался искушению и поднял голову. Судя по всему, это было служебное помещение, каморка, в которой сидел упитанный мужичок и смотрел старый гангстерский фильм. Одной рукой он придерживал ружье, а другой расплескивал молоко из кружки, воодушевленно подражая Дику Пауэллу на экране. Как только в комнате сверкнул сегмент чужого плаща или куртки, я спрятал голову и добежал до конца стены.

Когда я заглянул за стену, передо мной открылась большая автостоянка, или свалка. В основном на ней толпились пикапы и измазанные в грязи внедорожники, завешанные выцветшими наклейками с заездов двадцатилетней давности. Вдали виднелась караульная будка, охраняемая недружелюбными по виду собаками. На площадке торчали разнорабочие в потертых комбинезонах: кто-то пилил каркасы кузовов, управлял прессом, еще один человек потрошил салоны автомобилей. Все это отрицало гостеприимность, на которую я в глубине души рассчитывал, поэтому я не стал высовываться.

— Эй, Король Тони Мореме С Приправой Карри Эйч Эйч Мазафакин Си Уот-Уот, не забудь про эту! — я услышал чей-то невежественный голос неподалеку. — Даже жалко портить такую малышку, черт.

Бросив взгляд на стоянку, я разглядел крепкого зрителя. Он, покуривая, прогуливался вокруг машин с винтовкой в руках. Дождавшись, когда он отвер-

нется, я перебежал к ближайшей повозке и спрятался за ней.

Я резким движением поднял голову над передним крылом и тотчас согнулся, чтобы не привлекать лишнее внимание. Мой «Линкольн» был оккупирован этим уродом. Повторив вылазку, я усмотрел, что он скинул ключи в салон, и неторопливо потопал дальше.

Дамы и господа, голосом Джимми Леннона-младшего, Патрика Кейна и гребаного ворона Стинга, так и не встретившегося ни разу на ринге с Гробовщиком, для вас звучит: «Шоу начинается!»

Отключив напрочь инстинкт самосохранения, я рысью подкрался к своей машине. К сожалению, уже у дверей меня развернула рука зрителя на плече.

— Забыл чета, приятель? — спросил он, пережевывая сигаретку во рту.

Будучи менее подготовленным к схватке, я просто попытался запрыгнуть в машину и смыться. К несчастью, он выбросил меня из салона и вызвал подмогу:

— Эй, пацаны!

Я резко соскочил с места и побежал в сторону забора, собранного из бледно-зеленого профнастила. Рабочие устремились в погоню за мной, но они не знали, что в беге от вещей, представляющих опасность, мне не было равных. Пока я перелезал, одна из выпущенных пуль угодила в лист прямо перед моим лицом. Спустя пару секунд за забором появился уже взбесившийся зритель, и погоня завела нас в дремучие леса, окружающие этот хостел.

Оборачиваясь назад, я каждый раз видел устремленное мне в спину дуло винтовки, но зритель не решался стрелять на ходу. Я понимал, что нужно было рисковать, иначе следующим утром в сосновом лесу меня бы нашли с пулей в спине. Я спрятался в гуще деревьев и подождал, пока с ружьем наперевес заявится проголодавшийся охотник.

— Скажу твоей мамаше, чтобы она не беспокоилась. Сыночек будет поздно вечером... В красивом гробике! — он рассмеялся, расхаживая по тропе.

Когда охотник обошел меня и замедлил ход, я хлестко всадил лезвие ножа в его сонную артерию. От нахлынувшего ужаса я даже не стал вытаскивать рукоять из шеи, что делало этот вид еще более омерзительным. Дерьмо. Собачье дерьмо, а не день. Тот самый день, который ничего не спасет.

Я наблюдал за последними сбивающимися движениями умирающего зрителя. Вскоре мертвое, неподвижное тело растянулось на земле и накрыло собой окровавленные листья, что, видимо, стало кульминацией театрального акта. Что я мог сделать, чтобы предотвратить это?

Убедившись, что он мертв, я направился дальше в глубь неохватного бора. Через пару шагов наглость и издевательство ударили мне в голову. Я повернулся и поспешил обратно.

Ударяя зрителя по щекам, я дразнил его:

— Надеюсь, ты отправишься напрямиком в Вальхаллу для ублюдков, приятель!

Все было слишком зверским изначально. Никто не будет отрицать то, что еще в зародыше мы обрекаем себя на существование в жестоком мире, и я не мог знать, что буду одним из тех, кто способен на убийство. Более того, если мы вынуждены играть без правил, можно вспомнить, что, когда охотник встречает охотника, охотник ест охотника.

Я взял винтовку и произвел выстрел в крупный ствол рядом. Я не знаю, был ли это ясень, я не спросил его ничего. Кора дерева разлетелась в щепки, и пуля образовала отверстие небольшого диаметра. Обокрав зрителя на еще один патрон, я подошел к стволу и просунул в дырку наконечник с пулей. Закрепив и прокрутив па-

трон в тугом отверстии, я почувствовал, как пуля немного вышла из дульца гильзы. Затем аккуратно раскачав снаряд пальцами, я наконец избавился от него.

Теперь оставалось собрать кору и охапку сухих веток, чтобы завалить ими мертвое тело. Походив по лесу, я собрал достаточно материала. Посыпав немного пороха у основания трута, я оставил еще что-то в гильзе для камней. Как назло, их пришлось искать дольше, и я почувствовал, что у меня появился тремор. Тогда я остановился и переждал с закрытыми глазами. В следующий миг, как это бывает, камни уже сами смотрели на меня.

Я высыпал остатки пороха и несколькими меткими ударами камней друг об друга разжег огонь. Я стоял над трупом, и меня чуть было не свернуло в комок от головной боли. Постепенно огонь запрыгал с ветки на ветку, и костер разгорелся.

Забудь уже. То, что обволакивает пламенем перед твоими глазами — это проблема многих людей. Нужда идти по тропе, залитой теплой кровью. Ты ведь знаешь, чем она заканчивается.

Я стоял над трупом, и огонь начинал расти. Выяснил, что они все равно не ждут меня на небесах.

2

Солнце уже гасло. Повторение того, что я уже видел — не более чем яркая бравада природы. Я плелся по лесу, не зная, сколько еще предстоит пройти в поисках признаков жизни. У меня была целая вечность, чтобы разобраться в произошедшем, но для оптимистичного начала я должен был узнать, где я нахожусь. Та автостоянка вселяла надежду, что мне удастся выйти на трассу и поймать попутку.

Как можно было назвать эту сумасшедшую главу моего шизоидного дневника? «Гонка к долгожданному безу-

мию, или Я не увидел еще ни одного животного в этом лесу» — как-то так. Вечно придерживая ветки над головой, я рассчитывал увидеть лисицу или хотя бы белку в качестве утешения.

Спустя еще несколько минут скитания по рошам и любования афро-кронами деревьев я вышел на опушку леса, а значит, там было недалеко до дороги или какого-нибудь населенного пункта. Рассчитывать на то, что я понравлюсь жителям деревни, особенно после того, как сжег половину их леса, было глупо, но я все еще надеялся, что обладал достаточным простодушием, чтобы попросить их о помощи.

Никаких деревень рядом не было. Куда эти скоты меня отвезли? Забредя в очередной бор, я уже подумал присесть на пенек и с доблестью сдать, но повременил и движением наискось я в итоге сумел дойти до края леса. Сквозь листья даже виднелась дорога, что не могло не радовать.

Наслушавшись вдоволь пения невидимых птиц и недосыгаемого стрекотания и не желая больше вызывать шуршание листвы и треска веточек под ногами, я сломя голову ринулся к дороге. Перебравшись через хиленький ручеек, я наконец вышел из леса. Неподалеку как раз стоял мужчина. Вероятно, это была остановка для транспорта, и он дожидался автобуса. Ох уж эти останки, расположенные невесть где!

Приближаясь к его силуэту, я вдруг задумался о сумасшедшем доме, и мне взбрела на ум пословица. Не плюй в колодец... Не знаю, почему я вдруг начал вспоминать пословицы. Хочется верить, что это всегда происходит с теми, кто просто гулял по лесу долгое время.

Человек спокойно стоял на краю дороги, укутавшись в плащ, и всем своим видом внушал, что его не потрясет даже появление из леса здорового льва, собирающегося убить его.

— Простите... — я обратился к нему. — Вы не знаете, где мы?

Ни слова в ответ. Спасибо. Черт, этот мужик даже не повернулся ко мне.

— Простите? — я повторил.

Он продолжал игнорировать мои обращения. Тогда я тихонько дотронулся до него. В следующее секунду человек под пальто провалился под землю. Как раз тогда, когда у меня начали появляться мысли о дежавю на этом пути, я остался наедине с очередным пугалом, обманкой.

Стоя так же бесполезно, как рисование спелых фруктов на «Пляске смерти», я чувствовал, как мои глаза сдавливала повязка... Но в комнате было уже достаточно темно, чтобы не видеть ничего ясно.

Подняв с земли запылившееся пальто, я осмотрел его и не нашел отличий от того, что было надето на мне. Я отбросил его и принялся кричать во все стороны:

— Ты хочешь поиграть? О, давай поиграем! Только скажи мне правила, дружок! Ведь я не хочу убить тебя по ошибке, да?

Где-то в лесу снова запыльхал костер из веток. Все происходило быстро, и что-то было не так. Я мог почувствовать привкус смерти... Этот едкий, жгучий запах замыкания.

3

Лес сверкал в легком свете сумерек, и ветер со скромностью хорошистки в школе детских танцев раскачивал ветки ольхи на закрайке поля. Я все это время осторожно разыскивал усиливающийся звук искрящегося огня. Вокруг меня кто-то тоже танцевал, поэтому я ежеминутно оглядывался, чтобы уловить источник шагов.

— Все шишки в этом лесу я запихаю тебе в задницу, если ты не покажешься сейчас! Почему бы тебе не выйти,

и мы разрешим этот вопрос мирным путем? — я общался с пустотой. — Что тебе нужно от меня?

Застыв на месте, я постарался прислушаться к звукам передвижения близлежащего попутчика и выявить его местонахождение наверняка.

— Говорят, крысы бегут с тонущего корабля. Я теперь знаю тебя. У тебя нет шансов, — по большей части я занимался убеждением себя в том, что я не умру через секунду.

В эту самую секунду из тишины, нарушив ее правила, вырвался оглушительный выстрел. Мне следовало мгновенно перестать думать, и я побежал вглубь лесов так, как не бежали древние боги по Олимпу, обнаружив пропажу огня.

Бег от артиллерийского преследования вывел меня на заросшую поляну. С левой стороны она заканчивалась выступом, ведущим к небольшому оврагу, откуда и поднимался дым, а справа протягивался открытый туннель, украшенный сплетением лоз и стебельков и прочей зеленью.

Здесь стало поспокойнее. Я подошел к обрыву и посмотрел вниз. Это была узенькая впадина, в которую раньше стекались сточные воды из давно заглохших труб. Из-за того, что участок больше не омывался, он больше походил на выкопанный ров. В конце ложбина упиралась в канализацию, и та пыталась выкурить задержавшихся в ней крыс.

Я спустился в овраг и подошел к выходному сливу чугунной трубы. Предметы в ней еще догорали, но я смог вытащить что-то цельное из пепелища. Фотография Бульвара Черок? Я перевернул ее и увидел надпись: «Почему мечтатель шагнул на такую скользкую дорогу?» Я соскреб еще парочку листов фотобумаги со стенок. Все они в большей или меньшей мере покрылись сажей, но одна черта была общей у всех — это были фотографии

из моей жизни. Рабочее место, кухня в квартире, вечерние вылазки в бар, сфотографирован был даже Тит. Пока я рассматривал снимки, в глубине канализации раздался шелчок, пронесшийся по всему ее необъемному пространству. Через мгновения случился выстрел, но я уже был наверху.

Ноги сами потащили меня в туннель. В замкнутом сооружении я двигался с трудом, будто весь воздух оставался за моей спиной. По ощущениям, меня словно закинуло в адскую оранжерею. Повсюду стали мерещиться звуки: перешептывание, смех, шипение, усиливающиеся шаги.

Я больше не мог бежать. Я остановился, чтобы отдышаться, и звуки прекратились. Наклонившись над сонной растительностью подо мной, я стал жадно выискивать свежий воздух. Оглянувшись назад, я не мог поверить увиденному. Даже если это было самым банальным выражением чувств, это не отменяло того, что вход в туннель отдалился от меня на три расстояния того, что я пробежал.

Этого просто не могло быть. Все теряло смысл, в том числе и мой отпор. Я рухнул без сил на землю и закрыл лицо ладонями, все еще пытаюсь восстановиться. Что же должно было случиться дальше на моих глазах? Триумфальное воскрешение Джи-Джи Аллина с членом в руке, или одновременная инсценировка всех сцен из цикла «Следствие вели... с Леонидом Каневским»?

Дав лесному пожару эмоций затихнуть, я принялся думать об этапах выхода из непростой ситуации. Однако после осевшей в голове мысли, что мне даже неизвестно, где я, черт возьми, застрял, мне снова стало беспокойно. Это состояние продолжалось недолго, так как подо мной зашуршали листья, и их хруст уже отдавал более нездоровыми звуками.

Я почувствовал, как меня засасывает внутрь что-то неосязаемое, и сразу же открыл глаза. В земле открылась бурлящая дыра, которая живо потащила меня в пропасть. Я из последних сил хватался за стебельки растений, но все на моем пути в этот пленительный омут превращалось в гнусную жидкость и растекалось, образуя вязкие слои.

Через несколько секунд пасть в земле поглотила меня целиком и закрылась.

4

Сперва были скалы. Мое тело несло с них вниз в свободном падении. Неба не было видно, а конкретнее, его не было как такового, но я прекрасно понимал, что несет свет снизу. У меня было все время в преисподней, чтобы осмотреться по сторонам. На разных уступах разворачивались картины страшных пыток: демоны готовили котлы и целые бассейны с лавой, загоняли закрытые гробы в печи, смеясь над звуками ударов по стенкам и истощной агонией своих жертв, гончие окружали раздетых мучеников, закованных в кандалы, и медленно терзали их плоть.

Из-под меня начали доноситься раздваивающиеся звуки гитары и жгучее, хрипящее пение странника:

— Моя, моря, все моя... Вся моя жизнь — грязная морская волна.

Наконец, я смог увидеть, что происходило на этом уступе: огромная дьявольская армия, состоящая из всевозможных бесов и чертей в уродливых обличиях, носилась по краю с луками и зажженными стрелами наготове. Казалось, что осколки стекол оседают на моем сухом языке. В такое время было бы неплохо осушить стакан чего-нибудь крепкого.

С самого края обрыва свисали загрубелые ноги изможденного старика с раздробленной гитарой. Из его

бороды высовывались змеи, сплевывая яд дальше в бездну. Старик повторял одни и те же строки и мелодию:

— Моя, моря, все моя... Вся моя жизнь — грязная морская волна.

Я знал эту песню, ведь ее сочинил я. В отличие от меня старик знал, как ее играть, и если бы мне дали дослушать, то я бы даже похлопал.

Боевой клич раздался, когда я летел над всей сворой. В темноте засверкали наконечники стрел, и тогда адская пасть засветилась. Я не мог сдерживать крики от боли, но постепенно пламя и все остальное ослабло, так как я потерял сознание.

Просто тихий звук ветра окружал падение тела. Я достиг дна: мой хребет, должно быть, пылью разлетелся по земле.

Запоминайте заветное слово. Баланс. Если вы думаете, что человечество не может быть куплено, вы совершенно не правы. Мы все купили его у богов, чтобы мы могли его уничтожить. Удар за ударом мы, спрятавшись в укромном месте, наносили увечья человечеству в отместку за все его ужасы. К счастью, было достаточно спасителей, чтобы выйти из тьмы и обеспечить баланс.

i (i). Следующей остановкой была большая ржаная равнина утопистов.

Тонкие колоски пшеницы заметно тряслись на огромном поле под веером сияющего алого неба. Ненавижу видеть, как садится солнце, но это счастливое место — само просто отблеск, маленькая тень утопии. Время идти.

Я менял точки прикосновения дула с лицом, при этом сохраняя улыбку. Все у меня было под контролем, я не сомневался. Пистолет выстрелил, и я упал замертво, переместившись в новое место.

ii (i). Переходная локация была мне знакомой.

Темно. Дверь открывается. Я зашел домой, держась за окровавленное место на теле. Включил свет в коридор.

доре. Постояв немного, снял ботинки и зашел в комнату.

Свет из коридора обличал мужчину в бушлате на моем диване. Я дернул за веревку, и комната обдалась светом. Он повернул голову, и какое-то время мы молча смотрели друг на друга...

iii (i). Новым местом событий оказался уже подземный проход в метро.

Газета одиноко пролетела от одного выхода разукрашенного и набитого мусором коридора к другому. Мы стояли с Алисой и слушали молодого поэта, копирующего повадки битников всем чем было возможно: начиная с водолазки, обтягивающей шею, и заканчивая маленькой коричневой папироской в руке. Как жаль, что от настоящей поэзии бит-поколения его отличала та самая смазливая выразительность, которую вкладывает любой русскоговорящий поэт в декламацию своих стихотворений. Стоит признать, стихи все равно были интересными:

«Эй, мечтатель, смотри, что ты наделал!
В твоём походе от матки к цинковой кровати,
От тебя отвернулся даже твой молчаливый сосед!
Эй, мечтатель, каково это чувство?
С повязкой на глазах ты продал душу,
Но живя на коленях ты свыкся с грустью!»

— А почему сосед от него отвернулся? — спросила Алиса.

— Так эта история связана с моим бывшим соседом, представляете? — парень принялся рассказывать историю. — Был у меня такой сосед, он пил как эталонный сапожник. По мне так, он вместе со своими бутылками оставался очень пустым человеком, но не могу сказать, что мне было как-то жалко этого мужика. В конце концов, он никогда не здоровался со мной, хотя я изо всех

сил приветствовал его. Может показаться немного несправедливым, верно?

Я скупо кивнул ему головой, а вот Алиса слушала историю с интересом.

— В общем, однажды он привез домой огромную собаку, — он продолжал, — и через неделю этот пес буквально полакомился ребенком на лестничной клетке. Жена мужика сказала ему избавиться от псины, и он это нехотя сделал.

— О, это грустно, — добавила Алиса.

— Шли дни, писались песни. В скором времени он и сам умер от сердечного приступа, и это заставило меня задуматься о старце с косой, мрачном жнеце, мрачном швее, называйте его, как хотите.

Молодой битник покачал головой, ожидая, что история впечатлит нас, но вместо того, чтобы присоединиться, я спросил его:

— И в чем смысл этой истории?

— Смысл в том, что мы все боимся умереть, друг мой, поэтому ищи развлечения и беги от бед, пока есть возможность.

— Понял, Фома? — улыбчивая Алиса развернулась ко мне и толкнула по-детски. — Мы все безнадежны, но все равно не хотим умирать!

— Конечно, мы боимся смерти, ведь мы были только живы, по сути, — я возразил и почувствовал неладное. — Кстати, насчет смерти...

Внезапно группа коммандос «Барогримура» вломилась через оба уличных выхода. Прозвучало первое предупреждение:

— На пол! Руки назад! Работаем!

Я успел сказать Алисе напоследок:

— Это смерть.

И мы побежали с ней в сторону дверей в метрополитен. Команда открыла огонь на поражение.

Битника застрелили на месте. Почти добравшись до входа, я услышал, как Алиса тоже испустила глухой крик. Я обернулся и увидел ее на земле. Она корчилась от боли, но все еще ползла мне навстречу. Когда я подбежал к ней, ее добила выстрелом в голову. Пули теперь зашвиствали вокруг меня, и одна угодила в живот.

Я оставил Алису и скрылся на станции. На дверях поезда горел красный индикатор, поэтому я сделал выбор запрыгнуть в вагон. Раздавшиеся в спину выстрелы не смогли пробить металлический каркас, и поезд тронулся, оставив правительственное подразделение на платформе.

Я, занявшись дырой от пули в животе, перепрыгнул на пассажирское сиденье.

— ...пригодится воды напиться, — слышалось мне откуда-то.

Слова старика в бушлате напугали меня. Я повертел головой и увидел, что он сидел в спокойной позе, сложив руки на коленях, рядом. Возможно, он был в вагоне изначально, ведь я первый раз осознанно поднял голову за все время.

У меня не было времени или желания на его загадки, поэтому я не удивился его присутствию:

— Мужик, мне так плохо... Они пристрелили меня.

— Они? Пристрелили? — он переспросил, словно издеваясь.

— Мне нужна помощь, — я чуть ли не хныкал в ответ.

— Позволь мне сказать тебе кое-что, мой дорогой друг.

Я коснулся раны и с больным видом посмотрел на старика. Я не мог поверить, что он оставался настолько озабоченным своей очередной бессмысленной речью.

— Я верю, что жизнь действительно заканчивается, когда ты теряешь желание противостоять своей судьбе, — он начал говорить, не обращая на меня никакого внима-

ния. — Видишь ли, наша воля подобна дамбе, медленно разрушающейся с течением времени. Но до тех пор, пока тебе есть за что держаться, ты не упадешь. Ты воюешь сам с собой в водовороте потерянных надежд и ложных амбиций.

От нескончаемой боли мне приходилось сдерживать слезы. Я всхлипывал, пока старик разговаривал со мной:

— И оттого более забавно, что в настоящей войне всего лишь два выхода — жить либо умереть. А когда ты воюешь сам с собой, ты просто есть как факт существования. Ты избегаешь всего и всех, тогда как сущностью каждой войны является жажда жизни в ее самой чистой форме.

Зачем он занимался сравнением войны и жизни? Я не просил его это делать. Даже если бы мы были последними людьми на планете, и у нас не было тем для разговора, я бы не стал говорить об этом.

— Война заставляет нас задаться вопросом: если я не могу бороться, то как я могу быть уверен, что все остальные будут? И мы находим в себе эту силу, чтобы цепляться за ветку, пока буря не закончится.

— Твою мать, мужик, я погибаю здесь! — я перебил его.

Услышав меня, он даже насторожился. В следующий момент он пододвинулся и засунул пальцы в рану. Я попытался его ударить, но боль была настолько жесткой, что нейтрализовала меня. Я закричал:

— Что ты делаешь?!

Старик надавил на рану сильнее, и я заплакал. Я старался скрыть от него ощущения:

— Нет! Пошел ты!

— Но душа всегда остается тяжелой, презрение к себе направляется через ваши мысли, как грубое напоминание о том, чего вы никогда больше не будете иметь по отношению к другим, — он заговорил вновь. — У вас нет

времени ненавидеть других, вы просто все время ненавидите себя, и вы не видите, как это происходит для других, потому что все это ужасно неправильно для вас. Мор, изоляция и забвение на каждом шагу. Черт, опять не повезло... Я думаю, что некоторые из нас никогда не успокоятся, вот и все.

— Пошел в жопу, ублюдок!

Я сумел выбраться и отскочил к поручню, положив на него голову. Мужчина в бушлате достал сигаретку. Это был мой Camel. Та желтая пачка, которую я увидел в первый раз, тоже была моей. Он закурил и обратился ко мне:

— Важная деталь насчет жизни состоит в том, что ты никогда не знаешь, когда наступят твои пятнадцать минут славы. Но будь осторожен, ведь настоящие мечты скользят сквозь пальцы быстрее песка.

— Заткнись!

— Кроме того, ты когда-нибудь задумывался, почему у нас всего пятнадцать минут на славу и еще больше на наши неудачи? Не понимаю...

— Закрой свой поганый рот!

Он качал головой, спокойно выпуская дым. Я сплюнул кровь изо рта в его сторону.

Эта боль не настоящая. Боль — это только то, что ты из нее делаешь. Сосредоточься на чем-то другом...

— Твою мать, Фома, почему ты не можешь сосредоточиться на чем-то другом?!

Я начал безжалостно бить ладонью по закрытым дверям движущегося вагона. Боль заставляла меня рыдать, а незнакомец все разговаривал со мной непонятными предложениями:

— Кстати, ты знал, что быки не различают цвета? То есть это не доказано. Им глубоко плевать, какой у тебя там, синий, красный...

Я прислонился к дверце и закрыл глаза, уже не слушая безумного старика. Черт, это больно, и ты не мо-

жешь этого отрицать. Просто смиришься. Наверное, наступает момент, когда вся боль превращается в горе и больше ничего.

— Но это так, брехня... По существу, я думаю, что, когда вы приближаетесь к успеху на расстоянии завитого волоска с головы стройной шатенки и все же терпите неудачу, вы должны чувствовать долгое, вечное падение.

Я раскрыл глаза и увидел, как старик в заключение улыбнулся мне, будто обещая что-то. Через считанные мгновения двери за спиной отворились, и я выпал из вагона. В полете меня настигло какое-то мимолетное забвение. Поезд какое-то время продолжал двигаться по петле из выложенных в макет рельсов. Затем в мгновение ока меня со всей силой приложило к земле, и я потерял сознание.

Жизнь бессмысленна, когда ты сам по себе. Что-то, что я узнал через свой нелегкий путь.

Одиночество сбilo меня с толку. Оно заставляет вас верить, что тайны открыты к разгадке, но в конечном итоге это тупик. Лучше оставить все как есть, пока не поздно. Не переусердствуйте над осмысленностью своей жизни.

5

Я проснулся внутри туннеля на том же месте, где за-снул. Когда я очнулся от кошмара, последняя капля росы летящей походкой скользила по стеблю яркого цветочка.

Уже смеркалось, и начало туннеля выглядело еще большей страшилкой, чем до этого. Я и сам не хотел вставать. Я хотел, чтобы смерть поглотила меня прямо тут. Поэтому я лежал на земле, думая обо всем, что привело меня к этому моменту.

Но о чем еще оставалось думать? Придумать больше вопросов? Единственное, что отделяет королей от дру-

гих, это их способность не задавать себе много вопросов. Пока ты все время спрашиваешь себя, ты никогда не сможешь сделать что-то правильно.

И все же стоит взять себя в руки. Я встал с земли и отряхнулся. По правде, страх и неуверенность парализует вас быстрее, чем вы сможете выбрать нужный ролик для мастурбации.

Я взглянул еще раз на вход в туннель, сузившийся в отсутствии сильного дневного света. Ну, я туда еще раз не пойду, это точно. Оставалось только попробовать дверь в конце.

Это была даже не дверь, а целая металлическая кабина. Она была серебристого цвета, хотя краска уже облупилась, а сама дверь вросла в землю и покрылась ржавчиной. Такие убежища можно было найти только в постядерной пустоши.

Клапан на двери вертелся с трудом, но все же была надежда, что мне удастся выбраться отсюда. Так и произошло. Я вылетел наружу, разбежавшись и навалившись на дверь.

Поразительно, но меня вынесло в начало туннеля. Вдали в открытой двери виднелась та же картина, что у меня за спиной, и все мои движения симметрично отображались в том конце туннеля. Я посмотрел назад: дым не поднимался из ложбины, да и было как-то неприятно тихо.

Не став медлить, я подобрался к краю оврага и высунул только голову, расположившись на выступе. В трубе не было видно ни горящих предметов, не было и следов пепла. Спускаться вниз я не стал, и так все было предельно ясно. Мне лучше выбираться из этого заколдованного леса, прежде чем деревья начнут говорить.

Я в последний раз посмотрел на своего двойника в конце туннеля и завернул в лес. По крайней мере меня

никто не хотел убить на обратном пути, и довольно скоро я смог вернуться на обочину.

6

Солнце почти опустилось за горизонт, придавая совершенно новый смысл этим пейзажам. Пальто так и валялось на дороге, и я не преминул возможностью пнуть его с разбегу точно в кювет, как Накамура, лишаящий «Рейнджерс» чемпионского титула.

Меня осенили жуткие тона, но мой разум был отвлечен преданными желаниями есть и спать. Такие вещи никогда не полезны для здоровья. Прогуляйся.

Я тащил свое тело вперед по обочине и думал. У большинства неудач есть одна общая черта. Как трещина в стене, они разветвляются, рисуя в изгибах все возможные причины, поэтому вы можете вернуться назад, выбрать одну и подумать, а что, если этого никогда бы не произошло. Но это произошло, и ты тот, кто оказался трахнутым в конце.

Мы все хотим служить какой-то цели в этом мире, но большинство из нас кренится, чувствуя себя уязвимыми. Некоторые пытаются компенсировать обиды реальности, некоторые нет. Так возникает постоянная борьба плохих парней и хороших парней, гребаных мстителей и трейлерных отбросов, власти и поработанных, бесконечная история врущих содомитов и мусора под их ногами... Чертовы подонки, если бы я только мог стереть вас всех с лица земли.

Избавляйся от злобы. Цель — это постоянные поиски. Некоторые никогда не завершат их. Только те, кому уже не хватает сил, заслуживают того, чтобы положить конец своим страданиям. Ты же, тупой ублюдок, должен терпеть боль и бороться за то, что у тебя есть.

Ты даже не заслуживаешь того, чтобы убить себя, Фома. Ты всегда опережал время, по сути ничего не сделав в этой жизни. Ни хорошего, ни плохого.

Я замер и уставил хладнокровный взгляд в даль. Не можешь быть слишком невежественным к смерти — отбирает слишком много в конце. Но и я хорошо сыграл свою роль.

Я был жестким мазафакером. Я не являлся одним из бессмертных Богов, но я чувствовал себя подобным. Смерть не могла убить меня... Нерушимый дух. Тяжелее, чем гвозди, загнанные в ядро древесины.

Забежав в центр, я резко ускорился вдоль разметки. Мне было хорошо, поэтому я бежал и бежал. Ночь была еще молода, и я оперировал ее занавесом, как серый кардинал театра. И еще: каждый раз, как тебе захочется стать серьезным, вспоминай лицо старины Ницше.

Deep into the niight, in the cold cold bloooood... (В глубь ночи, с одним хладнокровием... Rancid «Cold Cold Blood»).

Я поймал настроение за хвост. Прошло какое-то время, и на дорогу опустилась тьма, и я снова, уставший, сонный, но не унывающий, пятился по дороге во мраке ночном.

В это время люди обычно выключают свои телевизоры, что означает, что актеры на какое-то время остаются без работы. Для некоторых из этих людей следующий день станет их последним... И если бы они знали это, они бы точно не гордились тем, как провели свой пролог.

— Под этим одеялом все одинаковы, — я пробурчал себе под нос, слегка сбиваясь с ног.

Пока я боролся с порывами заснуть на ходу, один из дальних фонарных столбов коротко мигнул и тотчас погас. Я пошел по направлению к вспышке. Я достиг столба, и впереди замигал второй. Еще один пост, и очередной замерцал на расстоянии.

Эй, я начинаю уставать от этой веселенькой забавы.

На месте последнего столба представление продолжилось. Теперь два в ряд. Я пригляделся и увидел, что возле самого дальнего стоял мой «Линкольн». Свет поник, но я уже мог ориентироваться даже в темноте.

В один миг все столбы, болтающиеся над дорогой, внезапно вспыхнули красным огнем. Язычки пламени на верхушках задавали пугающий вид всему, что находилось вокруг, когда я оглянул местность.

Я встал под одним из столбов и постарался рассмотреть предметы, закрепленные наверху. Это были снимки. Забравшись на ограждение, я смог рассмотреть их получше. На них был запечатлен я. Я пробежался по нескольким постам, и везде висели мои сожженные фотографии.

Изо всех сил я уже устремился к своей машине. Пылающая аллея осталась позади, лишь гремучий звук доносился за спиной. Ужасы все равно продолжались: передо мной на одном из столбов как-то подозрительно слабо замигала лампочка и затем лопнула от напряжения. С помощью ее подсказок я сумел добраться до автомобиля.

Я нащупал сначала широкий зад своего дружка, а затем и все остальное. До победы оставалось так мало, но при открытии дверцы детонировала взрывчатка, и Фома вместе с «Линкольном» разлетелся на украшения для ели. **БУМ!** Так бы подписали в комиксах.

А впрочем, может быть, как бы там ни было, ты выбираешь, когда умирать. Встать, отряхнуться, пойти дальше. Так будет всегда, Фома.

Я выбрался на дорогу днем, когда небо выглядело еще немного шотландским. Уже подходя к своему «Линкольну», я понял, что это все как снежный шар, в котором я застрял посередине: кто-то перевернул его с ног на голову, и теперь снег падает без остановки.

Я положил руку на крышу и склонил голову. Через секунду поблизости послышались плавные шажки и нелас-

ковое сопение. Неторопливо повернув голову, я увидел, как волчья стая кружит вокруг машины и обнюхивает территорию. Я так же лениво вернул голову в начальное положение, игнорируя незваных обитателей дороги. Твою мать, теперь ты просто словил херовый приход.

Один из волков уткнулся мордашкой в мою ногу. Да брось, чувак. Зачем это тебе?

Хорошо, хорошо. Открой дверь, запрыгни в машину, сваливай. Такой план действий на сегодня.

Я медленно потянулся к дверной ручке другой рукой, но тут же остановился, как только услышал строгое рычание. Волк скалился и готовил бензопилу к атаке, поэтому я отвел руку. Отстой... Черт, мужик, это крупный отстой!

Уже импульсивно, заблокировав любые мысли, через пару секунд я быстро открыл дверь и кинулся внутрь. Волк тоже успел изловчиться и зацепился за штанину.

Мне нужно было ударить его дверью, но я никак не мог дотянуться, потому просто огрызался в ответ:

— Пошел прочь! Я не твой враг!

Не помогло даже то, что я включил радио на полной громкости, чтобы спугнуть стаю. Пришлось притопить второй ногой в харю пронырливого волка, но он всего-то взял недолгий перерыв для того, чтобы заскулить, и с прежним энтузиазмом принялся трапезничать. В это время его собратья занимались тем, что пытались прогрызть покрывшки автомобиля.

— Пошли в жопу! Вы будете уничтожены! Слышите меня?

Я продолжал кричать, но волки прилагали максимальное количество усилий, чтобы не слушать меня. Через какие-то секунды один из них попал в салон, и что произошло дальше, думается, уже можно не рассказывать.

Пора бы перестать верить в счастливые концовки или перестать так цинично относиться к любви. Если нужно делать выбор, то выглядит нечестным условием. Это как наделять ленивого человека обсессивно-компульсивным расстройством.

Дело было поздно ночью. Я еле передвигал ноги по дороге, которая на время стала загадочно красивой. Сизая туманная дымка стелилась по траве и окутывала деревья, разбегаясь слоями в небе. Сложно поверить в то, что «Ежик в тумане» реален. Никто никогда не нарисует такой же атмосферный мультфильм, и вы можете поставить все свои деньги на это.

Вдруг я врезался в что-то тяжелое, причем было еще больнее из-за того, что в это время я был отвлечен раздумьями о советских мультфильмах. И без детальной экзаменации было ясно, что на пути стоял мой старый добрый «Линкольн».

Знаете, может быть, они были правы. Терпение не было моей сильной стороной, но хорошее должно приходиться к тем, кто умеет ждать. Включив фары, я увидел, что автомобиль стоял прямоком на повороте, где дорога брала направо.

Ха-ха, это смешно, не правда ли? Я подобрал охапку камней, разбросанных на обочине, и закидал ими кусты, попутно обращаясь к зверью, смотрящему исподлобья:

— О, убогая тварь, думал, что я поведусь на это? Ты не обманешь меня, потому что тебя здесь нет! Я есть Дьявол! Я владею этой собачьей дорогой!

Я вновь открыл дверь автомобиля, и оставшись снаружи, начал беспрестанно сдавливать клаксон. Мои крики разрывали девственную плеву ночи:

— Давай, ты бесполезный кусок гнили! Давай, застрели меня снова! Где ты?

Я захлопнул за собой дверь и метнулся на заднее сиденье, все еще дрожа от изнеможения.

Свежий воздух пришел с открытием окон. Мои ноги свисали из иллюминатора, и я рассматривал звезды на небе, напевая признанный в Аду мотив:

— Моя, моря, все моя... Вся моя жизнь — грязная морская волна.

Я успокоил себя тем, что было бы лучше провести ночь здесь, зная, что поворот был очередным трюком воображения, чем протаскать лицо через очередную сотню километров вязкой грязи... Только чтобы осмотреться и увидеть, что это все — гигантская лужа дерьма.

День 6. Внутри кабака

1

Глаза погрузились в темень и расплзлись по норкам внутри кошмара, оставив меня только с одной парой. Мой стул летал по закоптившемуся чердаку в какой-то облезлой доисторической хибаре, и я был привязан к нему, как тайконавт к астронавту к космонавту на космической станции.

Этот сон не был похож на другие. Я был пойман в ловушку в беззвездной комнате, полной непроницаемых секретов, которые никогда не раскроются.

За закрытой дверью кто-то сытно стучал по клавишам пишущей машинки, набирая текст своего посредственного романа. Старый, слегка спятивший голос с сумбурными нотками раздражения исходил из комнаты:

— Я должен был убить этого попрошайку еще в первом действии и сжечь эти бредни, как все великие!

— Если ты сожжешь роман, это не приблизит тебя к классикам, бездарный ты писака! — с не меньшей, даже

большей напыщенностью воскликнула жenuшка в позднем бальзаковском возрасте.

— Но, милочка, что же я могу сделать? Я не могу написать простой диалог! И все происходит так быстро! Весь труд гол как сокол!

Пока они бранились за дверью, я продолжал бегать по потолку. Все происходящее вызывало недоумение, но каким-то образом восхищало меня, собственно, как и многие абсурдные сны. Этот сумасшедший должен был находиться в безумном доме со всеми своими идеями, и бедная милочка, кем бы ни была эта горластая женщина, не заслуживала такого пагубного взвинчивания.

— Я питаю отвращение к твоему безразличию! Моя история имеет важнейшую значительность! — помешанный писатель продолжал прикрикивать из комнатенки.

В этой тщетной свободе мне заговаривали зубы и знакомили со смертью, но я ничего не мог с этим поделать. Как и любой призрак сновидения, этот не отпускал меня, пока не пришло мое время.

— Но, мой голубчик, в моих ушах ты начинаешь звучать как умалишенный! Отдохни, проведай мир, и твоя муза вернется, — милочка успокаивала своего повелителя.

— Как ты смеешь называть меня сумасшедшим? Никто не называет меня сумасшедшим!

Я услышал, как мужчина треснул женщину по лицу, и она зарыдала. Из комнаты вырвалось его сердитое слово:

— И кто этот бродяга, плавающий по моему воздуху и колонизирующий мое королевство? Я покажу ему свою добрую волю!

Через секунду кто-то запер затвор винтовки и зашагал вверх по лестнице. Я попытался выбраться, но я был связан всеми вариациями морских узлов. Наш повелитель выстрелом снес замок с двери и выбил ее ногой так,

что она со всеми петельками чуть не долетела до меня. Я хотел развернуть стул, чтобы получше рассмотреть ночной силуэт, но проснулся до того, как смог увидеть лицо повелителя.

2

Утром в небе потихоньку начали стягиваться серые облака. Даже после кошмара полностью прийти в сознание было тяжело, поэтому я продолжил лежать на сиденье и перебирать размышления в голове.

Например, зачем Сизиф реально тащил этот камень? Раз он такой крутой, почему он не мог просто бросить его и сказать, что ему наплевать на этот камень? Гомер описывал его, как коварного и корыстолюбивого, но в пренебрежении богами Сизифа не было духа панка, и я очень сомневаюсь, что следует представлять себе счастливым человека, который каждый день вваливает на плечи огромный камень и претя с ним на гору.

Второй вопрос, которым я задался, звучал так: а что будет, если депрессивный человек примет депрессанты? К сожалению, на этом вопросе мое размышление и заканчивалось, потому что я не имел никаких знаний по данной теме. Да и ко мне пришло осознание, что я застрял на дороге, вероятнее всего, не известной человеку и даже не нанесенной на его карты.

К тому же я понял, что больше ничего не контролировал, поскольку даже не мог доставить себе бутылку воды, чтобы утолить жажду. Мое пребывание затянулось по времени, и еще один день тут я не проживу.

Выйдя из машины, я сначала хорошенько потянулся, а затем осмотрелся с заново нашедшей злобой в глазах. Кто-то передвинул машину.

Дорога распрямылась, как прежде, спрятав единственный поворот. Я стоял с руками за головой, не зная,

что делать. Я начал пинать кузов, запрыгнул на крышу, швырял камни в воздух, но это не приближало спасение. Я остался совсем один на островке несчастья.

Немного успокоившись, я присел на землю и прислонился к колесу колымаги.

Это была дополнительная плата за солидарность с самим собой. Я задыхался от собственной глупости. Не было такого утешения, способного разбить мое горе. Не было и никакого смысла кричать вне пределов слышимости живых душ.

Но дьявольский смех придал бы мне уверенности. Я поднялся и сел за руль. Автомобиль развернулся и поехал в обратную сторону. Посмотрим, что они скажут на это.

«Линкольн» продолжал мчаться в точку бесконечности, запрягая лошадок на убой. Я выехал на встречную полосу, хотя на этой дороге она была-таки условной. Кто-то зажег во мне огонь, не зная об этом. Я покинул собственную голову, отрекся от всякой мысли. Я мог бы задушить и Дьявола, и Бога и оставить один печальный маленький след беспокойства лишь из жалости к ублюдкам.

Я обхватил руль двумя руками и прилег на него, продолжая яростно давить на педаль газа. Я истощен, и это не скроешь.

Но были ли ублюдки реальны? В моем случае небо, закрытое тучами, было живым напоминанием о гнусных обстоятельствах, которые означали, что я могу узнать правду в любую минуту. Я просто должен был ждать... Теперь терпение стало моей сильной стороной.

Неожиданно на дорогу выскочила многотонная фура, издавшая громкий гудок. Судя по шуму, фура была совсем близко. Я вскочил и в последний момент увернулся от столкновения.

Нельзя было терять время. Я сразу же развернулся и бросился в погоню за фурой. Догнать неповоротливый

грузовик было играючи просто, а вот условия погони придумывались на ходу. Через несколько сотен метров дорога начала меняться на глазах, и грузовик скрылся на подъеме в образовавшуюся горку.

Я надеялся нагнать спасающегося дуэлянта, пройдя гору, но в поле зрения его уже не было, когда я выехал на прямую дорогу. Зато посреди дороги в обозримой ее дальности появилась знакомая расплывчатая фигура. Слева от этого человеческого очертания дорога теряла границы, и передо мной вырисовывалось объемное здание гипермаркета.

Я заглошил мотор и остановился. Сперва я вышел, чтобы отлить, а затем вернулся и вспомнил, что один мой знакомый как-то раз попробовал бензин на спор. Он сказал, что вкус у него жгучий, как у водки, слегка соленый, и оставляет после себя не уходящий горький привкус. К чему эта информация? Да, если разобраться, ни к чему.

Двигатель заревел, и «Линкольн» тронулся с места. Автомобиль набирал скорость, а приятель в бушлате не собирался отпрыгивать, оттого и мысли, что совсем скоро он окажется под колесами, были еще приятнее. Подобравшись почти вплотную, я был потрясен тем, что он продолжал стоять, будто зарыв продолжение своих конечностей в асфальтовое покрытие. Я затормозил прямо перед ним, поддавшись чему-то необъяснимому. Наверное, я хотел видеть, как он задыхается.

Мужчина в черном бушлате сорвался с места, и я выскочил за ним из салона. На выходе я подвернул ногу и потерял пару секунд в полете кубарем над землей. Мой оппонент успел скрыться в здании, и я забежал в пространство гипермаркета с небольшим опозданием.

Внутри ждал страшный постапокалиптический сон потребителя: пустое помещение, голые полки, поваленные вывески, свисающие на одном конце. Я не мог отыскать беглеца даже среди опустевших рядов, но он сам бросил мне вызов, произведя выстрел.

Отследив местонахождение азартного стрелка, я двинулся в мясной отдел. Прилавки не славились тушами, поэтому я направился к служебному входу. Дверь с иллюминатором была приоткрыта и вела в темный коридор.

В его начале еще можно было идти со светом маяка за спиной, но в конце уже не было ничего видно. Пока я шел, мне казалось, что я давно стою, а потолок постоянно движется вперед, стены вращаются, и узоры на полу съезжают назад. Длинный зловещий коридор, в котором вы увидите привидений и ужасных фантомов. Заготовка была увлекательной...

Я добрался до конца, нащупать какие-либо осязаемые объекты было невозможно... Но концовку шутки я уже знал.

Сделав скачок в кармашек тьмы, я переместился в начало туннеля в лесной долине. Он так же заканчивался непроглядной точкой выхода. Повсюду завывал яростный ветер. Стоило мне начать движение, и пройденная земля оказалась в неистовом огне. Ветер закружил листья, и пламя поволокло в мою сторону. Я бросился к выходу и через мгновения оказался выплюнутым обратно в гипермаркет.

Меня выкинуло на противоположную сторону здания. Там, откуда начинал я, теперь стоял старикашка в бушлате, а у меня было время, чтобы пройти и придумать, как его перехитрить.

Долго думать мне и не пришлось. За стеклом был спрятан аварийно-спасательный комплект, а его главным

предложением был хорошенький красный топор. Я приоткрылся и увидел широкую улыбку на лице у старины в бушлате, тогда я перевел взгляд на оружие с соразмерной улыбкой зубов. Неминуемость драки пробуждала единодушие. Разбив стекло, я приобрел топорик по идеальной цене, однако мой дружок на том конце уже удался.

С топором в руках я начал движение сквозь ряды.

Фома и его приятель заходят в бар, а... А там цены возросли вдвое. Анекдот.

Дойдя до касс, я всадил топор в стальную защитную конструкцию из любопытства. Лезвие вошло так глубоко, что я не смог его вытащить обратно. Я пытался выбить топорище из образовавшейся пробоины ногой, но судьба распорядилась оставить топор там, где он застрял.

Помните: когда человека толкают дальше вниз по спирали, он начинает планировать свою месть. И когда движение останавливается, он получает возможность оглянуться назад и признать свои ошибки... И тогда это происходит снова.

Я подобрался к выходу. Я хорошо знал, что прячется за этой дверью. Ползучие тени всех грешников.

4

Родной незнакомец в бушлате ожидал меня на парковке. Однако в самый неподходящий момент на меня нашла хандра. Здесь бы не помешало послушать что-нибудь в зверском исполнении Fight Amp (думаю, мой выбор упал бы на «Bound and Hagged»), чтобы взбодриться, но я уже окончательно отказался от собственных помыслов.

Я просто пошел к автомобилю мимо таинственного старика. Проходя на расстоянии вытянутой руки, я

взглянул ему в глаза. Его взгляд в очередной раз оказался настолько уверенным, что я опустил голову.

— Подними голову!

Старикашка скомандовал мне, упиваясь своим величием. Я остановился и почувствовал скрежет зубов в собственной глотке и приходящий торпедой аппетит. Без предупреждения я развернулся и повалил старика на бетонную площадку. От неожиданности его бушлат задрался над землей, и я попробовал нанести парочку ударов в голову, чтобы закончить все быстро. Старик успешно укрывался от ударов и сумел выбраться.

Мы оказались в стойке, и я накинулся на него второй раз. Он увернулся, однако я тоже быстро вскочил на ноги. К трансляции из столицы Финикс штата Аризона в это время присоединился Джо Роган.

В дальнейшем начался изнуряющий хоровод вокруг костра в ожидании, пока кто-нибудь сделает следующий ход. Моего терпения не хватило надолго.

Зажав друг друга в клинче, он первым смог пробить меня коленями. Я опустился на землю, чтобы восстановить дыхание. Старик полетел на меня со скоростью магнитоплана, но волей случая я смог схватить его ногу и скинуть его вместе с бушлатом в партер.

Подвиснув в позиции маунта, бедняга понимал, что у него было мало шансов. Я докинул несколько ударов в голову оппонента и остановился, чтобы не превращать поединок в добивание, коим так любит заниматься всякое отребье после драки.

Я встал, чтобы отдышаться. Что мне делать теперь? Получилось не совсем так, как мне хотелось. Я вырубил его, не узнав ничего про эту дорогу.

Подсказка явилась без спроса. Очнувшийся старик снес меня подсечкой на землю. Он полез на меня с мощными ударами, однако я успешно перегруппировался в гард и довольно быстро закрылся в треугольнике.

У ребенка был слишком маленький арсенал приемов. Как жаль. А я собирался задушить его, как и хотел.

Вдруг я почувствовал, как мы поднялись в воздух. Человек в бушлате держал меня над землей, а затем побежал. Через считанные секунды я ощутил, как моя голова влетела в боковое зеркало «Линкольна». Он продолжал вколачивать мое тело в дверь автомобиля, пытаясь протаранить вход внутрь. Наигравшись, мужчина отпустил меня, и я рухнул на землю.

Я попытался заползти под машину, но, потеряв способность шевелиться, раскрылся полностью. Незнакомец забил мною окно в «Линкольне», и я свалился без желания подниматься.

Мы оба уставились друг на друга. Старик снова выкурил из моей пачки и начал говорить в невозмутимой манере:

— Ты слышал что-нибудь о приеме под названием «дверь-в-лицо», когда отказ в уступке по запросу, кажущемуся нам непомерным, прокладывает путь для другой уступки по такому же немаловажному, но меньшему запросу, которая с большей вероятностью будет принята?

Я с трудом разбирал его речь. Для меня было важнее спрятаться в салоне, поэтому я полез внутрь, однако меня остановил мощный пинок в живот. Старик продолжил, хотя я уже был слишком далек от целостного понимания каких-то предложений:

— Как я уже говорил, твоя жизнь была довольно обычной. Через год или два у тебя был бы отличный шанс увидеть свое надгробие на каком-нибудь пустынном кладбище. Тем не менее ты понадеялся, что однажды все должно поменяться.

Он издал такой смешок, который обычно издают, немного вздернув голову, в изумлении. Чисто машинально я все пытался попасть внутрь, а ему приходилось вы-

таскивать меня из салона, как продовольственные коробки при разгрузке.

— Но самому менять все, из чего я соткан? Ну уж нет, пускай лучше они меняются! — старик было начал играть на сцене, но затем без промедления вернулся к сухому, лишенному эмоций стилю рассказа: — Вот так ты и принял себя, и в погоне за парящим где-то там счастьем упустил любой шанс на стовор с судьбой и просто запрыгнул в уходящий ко мне поезд. Впрочем, ты и сам сейчас понимаешь, какая это большая ошибка.

На лице у него засверкала улыбка, и он присел на корточки передо мной. Дым от сигареты покусывал меня и создавал туман перед лицом.

— Кто... Скажи мне, кто ты такой... — я спросил у него, давась от боли.

— Я тот, кто застрял в этом поезде, Фома. Я лицо под твоей маской.

Коварная улыбка старика отпечаталась в моих глазах.

— Этот ублюдок Ганди... — я подсказал себе.

Гребаный молодой Франкенштейн. Подлая крыса из теста Сонди. Дешевая репродукция Теслы. За этим всем изначально стоял Доктор Годард.

— Человек — это ублюдок. Разве ты не знал об этом?

Старик встал и начал ходить передо мной.

— Открыть тебе правду? — он продолжал: — Никто не собирается давать тебе столько же шансов, сколько ты даешь людям. Надеешься, что в один день они скажут: ты лучше всех, ты лучший друг, ты лучший парень из всех... Вся правда лишь в том, что тебя никогда не поймут. Ты ушел от людей слишком далеко в своих мыслях.

Выброшенный им окурок прилетел мне в морду. Я закрыл глаза и чуть не потерял сознание, но был вытащен из потустороннего мира сильной пощечиной.

— Не помирай на мне, Фома, — прибавил старик.

Я раскрыл глаза, и мое туловище сложилось на земле. Он начал меня поднимать.

— Посмотри на себя! Ты выглядишь паршиво! Ты думаешь, я хотел, чтобы это закончилось вот так? Мы разделили путь, но ты тот, кто отказался от помощи, а не я. — Старик приподнял меня и дал какое-то обещание: — Нет, мы разные, я выберусь.

Он прислонил мое тело к проему в салоне так, чтобы я оказался напротив открытой дверцы, и сказал под занавес:

— А ты будешь наблюдать крушение поезда до того, как он достигнет конечной станции!

Дальше дверь стремительно хлопнула перед глазами. Откормленный кусок металла с ужасом влетел в мое лицо, и все погасло.

5

Днем небо было затянуто ощущением грозы. Я пришел в себя на том же месте. С лица обильно стекала кровь и приходилось ее выплевывать, чтобы не захлебнуться.

Забавное чувство, когда тебя бьют. Словно твоя душа на мгновение отделяется от твоего тела, а затем снова возвращается в темпе престо или какой там быстрее всех. И ты вовсе не Шерлок Холмс Гая Ричи в эти моменты.

Я повернулся на живот и увидел, как на земле скопилось загустевшая кровь. В этом свете она походила на лужу нефти, в которой я трагически тонул. Почему-то своя кровь все равно выглядит приятней, чем чужая.

Интересно, теперь я остался здесь навсегда искать лучшего в том чертовом лесу? Я в панике оглянулся по сторонам. С того самого момента, как мы повстречались, «Линкольн» не сдвинулся с места.

Самовольный виgilант исчез, но мое восприятие долгожданного завершения осталось нетронутым. Казалось, что колесница собиралась прокатиться по полю битвы и рассыпаться в частички пыли.

С колоссальным трудом я смог подняться и отхаркаться. Затем я наконец-то сел в машину. Конечно, было бы совершенно, если бы мне удалось это сделать несколькими минутами, а может, часами ранее.

В бардачке я отыскал набор салфеток и вытер кровь с лица. Я хотел спрятать салфетки в кармане пальто, но вспомнил, что на эту дорогу мне, откровенно, положить болт любого черного порноактера.

Доставая смочившиеся кровью платочки, я наткнулся на изделие из картона. С большим любопытством я вынул из кармана пачку сигарет Esse. Недурно. Я оценил. По крайней мере, я вспомнил, что и у Алисы дела пока не очень.

Я вытряхнул содержимое пачки: на деле же 7 штук моих Camel и зажигалка. Это было очень неплохо. Ублюдок оставил мне маленький подарок.

Вкуса я не почувствовал, но было неплохо просто подержать сигарету во рту еще раз. В сигаретном дыму я повернул ключ на старт, и автомобиль заново устремился в бесконечность.

Позже мы ехали уже в успокаивающей, умиротворенной обстановке. Случившееся я объяснял тем, что из двух братьев все равно кто-то пьет меньше, и это был я.

Серая холодная дорога и безжизненный лес вокруг. Повсюду одноцветные блоки, где ангелы собрались на месте твоей гибели и побросали свои нимбы на землю... Светящаяся куча мусора в обители уныния.

Я сожрал всю пустоту этой уродливой могилы, заготовленной для меня. В этот момент было совершенно ясно, что я собираюсь прибраться ад к своим рукам, заме-

нить старые гнилые свиные головы на тех копьях. И единственное, что теперь мог сделать Дьявол и его прислуга — это подготовить вилы для моей задницы настолько острые, насколько у них получится.

Мне вспомнилась одна норвежская пост-хардкор группа, существовавшая в конце 80-х прошлого века. Запомнил я ее разве что из-за названия. «Жизнь... Но Как Ее Жить?». Действительно очень занимательно, что жизнь идет без инструкции.

Вы спросите меня, зачем мы все живем, и я вам не отвечу. Я буду думать, что когда-то придумал наиболее точный ответ или услышал его в документальном фильме о Бобе, мать его, Дилане. Он будет вертеться у меня на языке, но я его не знаю. И тут возникает наш вопрос: жизнь... но как ее жить?

Я всего лишь один человек. Не люблю советовать. Советы — это как баскетбольный мяч во время игры. Крутятся, передаются, формируют что-то и наконец падают к тебе, и новый этап игры уже только в твоих руках.

Сколько же таких же непримечательных людей, как я, ходит по планете с такими же мыслями? Становилось страшно, когда я думал об этом.

От этих рассуждений мой дорогой «Линкольн» поступательно заглох на дороге. Топлива оставалось категорически мало. Просто великолепно.

Без топлива машина была бы бесполезна. У моего старого пса все еще было немного запала, но с того места, где я находился, дела выглядели не очень хорошо. Вскоре с противоположной стороны дороги раздался непрерывный гудок, и раскатистая работа одичалого мотора обозначала приближение столь полюбившейся мне фуры.

Водитель младшего брата поезда лихорадочно сигналил, будто по-настоящему беспокоился обо мне. Я пытался завести двигатель, но он отвернулся от меня.

— Серьезно?! Ты гребаный катафалк, вези нас!

Грузовик отделяло несколько секунд от столкновения с паршивым автомобилем. Что ж, это разрешит некоторые вопросы...

Я достал еще одну сигарету из пачки и вышел из машины встречать верную смерть. У меня тряслись руки, но я все-таки зажег огонь. Теперь с катафалком за спиной, огнем во рту, улыбкой на лице и широко разведенными руками я ждал. Пришлось закрыть глаза, потому что я просто не мог смотреть в лицо такому концу. Прошло какое-то время, и все закончилось. В последнюю секунду фура свернула с полосы. Я смеясь наблюдал за тем, как грузовик удалялся. А старина Дьявол-то не хотел, чтобы я служил ему.

Докурив, я вернулся в салон и попробовал завести машину. Мотор зарычал как новенький.

— О, да? Ну и пошел ты!

«Линкольн» снова поехал, и я взглянул на свою рожу в зеркале.

— Ты везучий мешок с песком! Все еще жив, чертов проныра! — я с удовольствием подбадривал себя, затем высунувшись из окна, закричал: — Эй, пугала, тащите свои задницы на свет! Для всех найдется местечко на эшафоте! Теперь я управляю виселицей!

Сперва, разумеется, следовало бы передохнуть и переждать грозу, потому что небо уже потемнело до такой степени, что заставляло струнки души колыхаться. Впереди как раз появился мостик, который примыкал к какой-то холмистой местности. Возможно, я бы мог спрятаться здесь.

6

Заехав на мост, я услышал приглушенный ропот голов. Я оглянулся через плечо и смутно смог разглядеть

немногочисленную толпу каких-то фанатиков в капюшонах на холме. В третий раз я достал Алисину пачку, но отложил ее в предчувствии, что покурить долго с чувством мне никто не даст, и сделал шаг из машины.

Я подошел к краю моста. С парапета открывался более отчетливый вид: на лиловых холмах совершался какой-то бродяжий обряд. Я смотрел на небо с беспокойством, затемненное небо уставилось в ответ на меня со злым умыслом.

Спрыгнув с мостика, я осторожно направился к собранию, по пути напоровшись на разлагающуюся кучу мертвых ворон. Можно еще пляски с бубном устроить и позвать тех людей, которые считают себя одинокими и отправляются в лес собирать грибочки. Вот им на этой дороге самое место.

Я подобрался до ритуального места на безопасном расстоянии и спрятался в кустах, чтобы подглядеть за происходящим.

Группа людей, все в уродливых масках, стояли вместе по одну сторону холма. Их было больше десяти. На другой стороне у самых краев были расстриженные священники в капюшонах цвета темной сирени, они находились рядом с высоким и страшным бородастым длинноволосым мужчиной, одетым в белые тряпки.

Похоже, я прибыл на пирс позже, чем остальные. Кораблик этих ребят уже отчалил.

Из толпы вышел один человек в маске и преклонился перед высоким человеком. Отшельник снял с него маску. В принципе, не много изменилось в его внешнем виде. Это было лицо, в которое чаще всего влюбляются женские завсегдатаи мест лишения свободы, скажем так.

Все это действие очень напоминало День Господень... Я бы разразился смехом, если бы увидел это по телевизору.

В это время высокий человек повернулся к монахам

в сиреневых рясах и, видимо, повелел им забрать слугу, потому что тот закричал во всю глотку. Они подобрали его и взяли с собой на край холма. Через пару секунд он перестал ворочаться, так как полетел вниз с обрыва.

И тогда все мои ответы прибыли в красивом конверте... Каждый из нас является безумцем. Некоторые просто с большим успехом умеют скрывать это... Но когда мы все побросаем маски, мы увидим, что мы все живем в цепях. Бога, родителей, сердца.

Меня на этом суицидальном мероприятии не ждали, поэтому я без угрызений совести собирался уходить. По классике, мои неосторожные движения привлекли внимание толпы. Я все еще надеялся, что они перестанут глазеть, сославшись на то, что одна ветка в кустиках может треснуть просто так, но затем я наступил на другую. Отшельник показал последователям на кусты, и я тут же бросился к мосту.

Племя, которое до этого не издавало в коллективном смирении ни единого звука, теперь заревело и взлетело вслед за мной.

Я уже вполне мог представить себя, карабкающимся по балкам наверх, как сзади прогремел выстрел, и я молниеносно упал на землю.

Скоро над землей склонился один из монахов. Я все еще мог чувствовать и видеть. У него в руке был старенький, мать его, маузер. Я не удивлюсь, если он сам его сделал. Я лежал неподвижно, пока он проверял мое тело. Развернув меня на земле, он не мог ожидать, что я буду ему улыбаться. Я выхватил маузер и вскочил на ноги. Двумя выстрелами я избавился от косоного монаха. Хорошее представление.

Высокий человек сравнялся с догоняющей толпой и вышел вперед всех. Все его лицо было обезображено шрамами. В этот миг нас окружала ничем не отличающаяся от настоящей гробовая тишина.

Я прервал молчание и засмеялся, подобно самому сумасшедшему примату, признанному историей. Затем я направил пистолет на высокого человека.

Согласно Ницше, мы убили Бога...

— Мы? — я направил этот вопрос отшельнику. — Нет, это я убил тебя!

Маузер выстрелил, и пуля угодила существу в грудь, но он принял ее без каких-то признаков боли.

— Неа, неа, неа!

Я отказывался верить. Потеряв самообладание, я повторял выстрелы один за другим. Мое неприятие превратилось в одержимый напев:

— Заберу с собой! Заберу с собой! ЗАБЕРУ УБЛЮДКА С СОБОЙ!

Толпа в молчании наблюдала за происходящим. Ствол перегрелся, пистолет уже было невозможно держать в руках, поэтому я бросил его и побежал прочь.

Я забрался на мост, опередив преследователей, и достигнул автомобиля. Быстро запрыгнув в салон, я мечтал о том, что мне удастся без проблем выбраться, но... Но, но, но, но, но, но, но, но, но.

Машина снова заглохла, а подоспевшая толпа уже оказалась в зеркале заднего вида. Они не произнесли ни слова, не издали ни единого звука. Скоро их маски начали высовываться из окон, и свое присутствие они сопровождали стуком.

Если это какой-то комедийный скетч с машиной, то мне не смешно.

— Заводись, тупое отродье!

Я разговаривал с машиной, как с живым человеком, потому что она собиралась поймать меня, как могут иметь живые люди. Вдруг в салон влетел кирпич, разнеся вдребезги мое окно. Просто и без лишних слов, кирпич разбил окно, и теперь кто угодно мог попасть внутрь.

Я вздрогнул и откинулся на пассажирское сиденье. Высокий человек с дьявольской улыбкой появился за окном и посмотрел на меня. Из всех людей, которые могли засунуть голову в образовавшееся пространство, этот бедолага должен был быть самым последним.

Я мстительно улыбнулся ему в ответ.

— Ошибочка вышла, не так ли?

Через секунду кирпич в моих руках встретился с мерзостным лицом отшельника. Я не отпускал его до тех пор, пока разъяренная толпа не оттащила своего покровителя из салона. Нос ублюдка из картошки превратился в не существующую форму, а кирпич даже успел раскрошиться за это время.

Предприняв еще одну попытку, я наконец-то сумел завести свой барахлящий катафалк. Мы тут же тронулись с места, попутно поиграв в живой боулинг с толпой фанатиков.

Пересекая мост, я перекидывал взгляд с каждого участника толпы, отдаляющегося от меня, проклинаящего меня.

Впереди возникла белая кирпичная стена. Я не сброшу скорость. Это был выход.

«Линкольн» ускорился. Я закрыл глаза в полном гневе, и автомобиль растворился...

7

...Вечером в белесой дали дороги небо окончательно определилось. Бродила яростная метель, и хлопья снега цепкими бомбочками ложились повсюду. Мы въехали в холодильную камеру одной человеческой души. Мы ехали вперед, несмотря на то, что я не мог разглядеть дорогу сквозь усилившийся снегопад.

Крещендо бушующей метели было больным способом природы напомнить мне о доступных вариантах

конца... Не сейчас. Не так. Просто продолжай ехать по снегу, дождю, туману. Что бы ни приготовила природа для тебя, ты едешь. Я придумал, как рассмешить себя в последний раз, и закричал в картонку с сигаретками:

— Мэй-дэй! Мэй-дэй! Мэй-дэй!

Это сообщение не дойдет до людей, но все равно было забавно оттянуть момент осознания приговора. Кому не было забавно оттянуть момент осознания приговора, так это Харви Вайнштейну, который изначально рассчитывал, что Америка в роли спасителя обязательно разделится для него.

Я хорошенько затынулся и скинул пачку с дозированным табаком на сиденье рядом. Жаль, с нами не было Тита, а то эти двое сопровождали меня уже много-много лет, и было бы здорово проехаться с ними в этот последний час.

На крышу падали с неба градины, как авиабомбы на войне. Они говорили... Под белой пеленой мы все когда-нибудь будем снова.

На стеклах от мороза уже начинали образовываться цветочные узоры из инея. Раньше я думал, что в самом конце будет дождь, как будто небеса оплакивают смерть еще одной минувшей души, но ни единой капли не упало с неба... Я ничего не имел против этого решения. Снег тоже ничего.

Гроза будет позже. Ох, гроза надвигается сполна.

Внезапно «Линкольн» остановился посреди дороги. Застигнутый врасплох, я попытался завести машину, но бак опустел полностью. Я закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, отпустив руль.

Наступает время, когда прошлое, настоящее, будущее перестают иметь смысл. Они просто запечатываются и доставляются другому человеку... В моей жизни не было такого человека, но все же мое время пришло.

Последняя сигарета... Насладись этой затяжкой, слабак. Я оставил окурок догорать в салоне и, подхватив голлову двумя руками, наблюдал в окно за бунтом природы некоторое время. Обшивка в салоне подхватила пламя, и мне пора было выдвигаться. Акулы зовут в сольное плавание, Фома.

Выйдя из машины, чтобы встретить снежную бурю, в первую же секунду я был встречен свирепыми ветрами. Ветер почти поднял меня в воздух, но я прилип к двери и не отпускал ее. Снег гремел на моем лице, гарпунами впиваясь в открытые места.

— Вот дерьмо, — я не мог сдерживать свое недовольство погодными условиями.

Через несколько секунд выюга ослабила свою хватку. Я закрыл дверь оранжевого изнутри «Линкольна» и продвинулся вперед, насколько это было возможно.

Ветры играют со снегом, бродят зигзагами под моими ногами. Их свист — мой похоронный марш. Цвета впереди наконец сходятся, и свет в конце мерцает, но я думаю, что устрою себе последнюю долгую прогулку, дабы умереть королем на собственных условиях.

Я шел через снежный шторм вопреки завыванию бешеных снежных ветров. Они задули еще сильнее, отталкивая меня. Обернувшись назад, я даже не мог разглядеть свой автомобиль в этой заснеженной пустыне.

Крича и сопротивляясь, я продолжил свой героический поход.

— А, нет! Нет!

Снежинки, как камикадзе, бросались в зубы и вызвали там короткую боль, но все это можно было забыть.

— Давай, Фома! Это ничто! Иди, слабый ублюдок!

Я неожиданно разразился громким смехом и укорил себя:

— А сигареты надо было оставить.

При таком сильном ветре было нетрудно задохнуться. Вдобавок к этому я еще и споткнулся на ровном месте, и поток отбросил меня назад. Поднявшись, я побежал против ненастных порывов снега. Это была настоящая схватка природы и человека, и я не сдавался.

Если подпрыгнуть, можно было оседлать бурю, точно как серфер, покоряющий волны. Я занимался этим, пока не ударился головой об застланную пушистой скатертью землю.

На дне моей ямы нет света откуда-то сверху. Только тьма и обиды, пожирающие тебя живьем.

Наконец, я выдохнулся и остановился. Я понял, смерть боялась дотронуться до меня — что-то в моей кончине не казалось правильным в то время, когда я шел по краю. Но как только я потерял равновесие, силы, которые наблюдают за нами, были там на месте, чтобы убедиться, что я упал.

Я наклонился над побелевшей землей, пытаюсь прийти в себя. Одного взгляда на мои онемевшие, бесчувственные руки было достаточно. Мораль басни такова, что природа одолевала человека.

Пытаюсь стоять на месте, но такое чувство, будто ветер смахивает землю из-под моих ног. Тошнота сопровождает каждое движение, я потею, словно играюсь в аду, не в силах продолжать... Но я должен продолжать. Это будет правильно, если я умру сейчас, но не как трус, смирившийся перед лицом своей жалкой судьбы.

Интересно, чем сейчас занимаются Дрон и Плина. Надеюсь, они не трахаются, а смотрят новую серию «Отпрысков».

Дрон-то точно любил этот сериал, а вот Плина могла приставать к нему со своим страшно переоцененным сексом в любое время, не реагируя на то, что пропускает лучший продукт современного телевидения и мешает другим лицезреть историю. Ничего не подумайте про

значимость секса, но если помещать на оценочные веса эти два удовольствия, то «Кровавые Отпрыски» где-то на 45 минут, когда вам хорошо, опережают секс.

Таким образом, Дрон, вероятно, уже сидит в гостиной и смотрит телевизор. На экране Алекс Дастер и Бабс прогуливаются от полицейского участка, только получив наводку на потенциального подозреваемого.

— Эй, Дастер, хочешь услышать шутку? — спрашивает неугомонный старина Бабс.

— Конечно. Только убедись, что будет смешно в этот раз, — Алекс Дастер крут, и это можно проверить.

— Ну, так и есть... Значит, скажи мне, Дастер, как лечатся от депрессии?

— Хм... Я не знаю. Как, Бабс?

— Умирая, — хихикая, произносит старина Бабс.

— Это была неплохая, поздравляю... — подбадривает его Дастер, и их перебивает громкая заставка.

Рассердившись из последних сил, я кинулся вперед. Взрывные потоки колючего ветра встречались с крепкой кевларовой стеной, пока я издавал крик сопротивления:

— Давай, тварь! Это все, на что ты способен, да? Я переживу вас всех подонков!

В попытке устроить забег на все оставшиеся числа в лотерейном билете мои ноги не выдержали. Я упал на землю и не нашел в себе силы подняться еще раз. Упорный труд приносит плоды...

Перебивая яростные порывы ветра, эти слова в последний раз громко прозвучали в моей голове, когда я рухнул на холодную мякоть земли. Видимо, я не достаточно упорно трудился. Возможно, в следующей жизни я наверстаю упущенное.

Я лежал лицом вниз на дороге, улыбаясь и пробуя снег на вкус. Тающий вкус детства. Вкус, которого, в сущности, и не было, если вы помните.

Когда вы оказываетесь в такой ситуации, вы мало что можете сделать, чтобы оправдать свое состояние. Вы можете винить всех или никого не винить. Конечно, вы также можете винить себя за каждую ошибку, каждый неправильный выбор, каждую строчку и фразу, которую вы хотели бы никогда не произносить, но копаться во всем этом беспорядке, который вы создали, — весьма утомительная задача. Почему бы тебе не подумать о чем-то еще на этот раз?

Я перевернулся на земле, и мой взор застрял на смутных областях омрачившегося неба. Теперь снег падает удобно — не пытаюсь захоронить меня. Я лихорадочно кашляю, но могу себя успокоить.

Надломленный, безжизненный, измученный, лежи спокойно и думай. Думай столько, сколько тебе позволяет время. Забегай в уголки всякой мысли и растягивай ее, как шерстяной плед внутри пододеяльника, урод.

Думай о своей большой семье, которая с легкостью может доказать непригодность целого института тем, что иногда из нее можно вынести сора больше, чем из настоящей избы, в которой никто никогда не убирался. Однако недостаточно того, чтобы выводы были продиктованы здравым смыслом. Те единичные случаи, когда ты позволяешь себе объединиться со своей семьей, они как раз упорядочивают этот институт. Да, я могу заверить себя, что никогда не рассматривал родство как тросточку для опоры в своем становлении, так как попросту вырос сокрытым от чувств долга перед кем-либо, но это не может отменить того, что собранная по крупницам семья всегда склоняется больше к развлечениям, чем к распаду. Такое длинное предложение, и ты все равно выберешь быть один. А ведь это хорошо: пускай остальные существуют вне твоего ведома.

Далее по списку думай о своих друзьях. Они были всегда, но однажды ты перестал называть этих словом.

В ретроспективе это все были знакомые, ведь ты никогда не обсуждал с ними что-то личное. Вы просто хорошо проводили время, а это, кстати, отличный предлог для того, чтобы уличить себя в гедонизме. Опять же руководствуясь здравым смыслом, от необходимости дружить можно избавить себя еще в детском саду, но, как мне известно, ничего хорошего из этого не выходит: люди, предпочитающие ни с кем не дружить, напрасно занудствуют, слушают много техно или вырастают, мягко говоря, асоциальными кретинами.

Подумай о моментах триумфа и упущенных возможностях, потому что это любимая часть рефлексии отдельного человека. Моменты триумфа возникают, даже если ты упускаешь возможности. Та фотография, сделанная пять лет назад за столиком в чебуречной с относительно дешевым пивом, является таким же моментом триумфа, как вручение Кубка Стэнли. Ну, может быть, если ты не Рэймонд Борк. В общем-то, я никогда не понимал людей, считающих что они прожили свою жизнь зря. Не стоит отождествлять сценарии триумфа с упущенными возможностями: то, что ты упустил, просто не подняло тебя дальше вверх, и ты обязан корить себя за это, но делая это, просто оставь немного уважения той фотографии из чебуречной, которую ты так любишь пересматривать.

Следовательно, думай и о местах, где ты оставил свое обугленное сердце, и местах, которые ты предпочел бы сжечь дотла. Думай о том, что ты сделал и что оставил не выполненным. И никогда не переставай думать...

Ничтожные слезы, которые скатывались по моему лицу, мгновенно застывали. Я потерял нить, по которой ходил канатоходец и передавал новости из реального мира. Мне оставалось просто собирать целую жизнь по отрывкам из памяти.

Думай, Фома, пока еще можешь. Думай хотя бы об игре «Doom», которая в отличие от многих своих коллег по цеху только выиграла от технологической эволюции, или красоте самого слова в английском языке, ведь им ты снарядил большую часть своих псевдонимов в Интернете.

Думай о той замерзшей реке рядом с песчаной горой, когда вы с другом детства провели там так много времени, пытаясь провалиться под воду, что случайному прохожему пришлось звонить родителям и просить их поскорее отогреть заочевенвшие конечности. То озеро, попутно замечу, и летом было каким-то странным: то там находили трупы каждым утром, то оно просто выглядело так, как будто туда сваливали радиоактивные отходы всю ночь.

Думай о провалах памяти во время вечеринок, вызванных тем, что ты не умеешь пить. Хотя я никогда и не требовал от себя умения глотать бутылки — я просто вливал в себя алкоголь, чтобы забыться. Со временем выяснилось, что в плохой компании даже это не помогает. Бывало и такое, что я находился в хорошей компании, но не успевал развеяться. По моему мнению, самый слабый пьющий — это тот, кто находит повод для гордости в своей стойкости вместе того, чтобы порадоваться за своего товарища в состоянии «слишком пьян, чтобы полюбить девушку».

Думай о неловком молчании, которое ты заполнял не очень нужными в комнате изречениями, и скидках на товары, которые казались тебе незаслуженно дорогими. К ним относились и до сих пор относятся карты памяти, билеты на концерты хардкор-групп, услуги во многих поликлиниках и стоматологиях, чипсы, пирожное «Orion Chocorie», сырки «Б. Ю. Александров» (что за тупое название вдобавок), плата за комнату в коммуналке, неудавшиеся революции и цена на сеанс у Доктора Годарда.

Твоей странной страсти к девушкам с короткой стрижкой, кошачьих забегах вокруг аллеи и вечном присутствии собак, даже если они смотрели в другую сторону за сотню метров от тебя... тренажах с любовью к тирании и негативных последствиях курения в одиночестве. Думай о том, какие великие люди Дрон и Плина за то, что никогда не переставали любить тебя.

Напомню, что заставка «Кровавых Отпрысков» длится полторы минуты, как и у большинства легендарных сериалов («Твин Пикс», «Клан Сопрано», «Прослушка», «Настоящий детектив» и т.д.). Лишь у проектов Винса Гиллигана не работало правило долгой заставки: они были невероятными даже без нее.

Итак, в этот момент к Дрону присоединяется Плина с двумя чашками очень горячего чая в руках. Я не знаю, какие англичане в ее представлении так пьют чай, но я абсолютно ненавидел, когда она специально заваривала мне кипяток из inferнальных вод.

— Это то шоу, которое Фома вечно хвалит? — она риторически спрашивает у Дрона, расставляя чашки на столике.

— Да, — отвечает Дрон и тянется к пивной банке с чрезвычайно правдивыми словами: — Он все еще утверждает, что у него до сих пор не было ни одной плохой серии.

— Ты не понимаешь, Плина, просто помолчи, ради Бога. Здесь нет драконов, потому что твои глупые драконы здесь не нужны! Закончи школу, прежде чем смотреть этот сериал! — крайне неудачно пародирует меня Плина.

Далее они смеются вместе, и она интересуется у Дрона:

- Ты слышал от него что-нибудь, кстати?
- Неа.
- Мне кажется, это немного странно...

— Ну, после всего того, что с ним приключилось, он по любому тупо валяется дома и играет в фифу, негодуя, что проигрывает компьютеру.

— Наверное. Я просто волнуюсь за него.

— Забудь, это же Фома. Он падает в яму к змеям как минимум два раза в день. Он будет в порядке.

Она улыбается и прислоняется к нему, даже не подозревая в какую яму я угодил на сей раз...

Я поднял кулак в воздух. Станным образом я понял, что все эти воспоминания были тут со мной, и мне вдруг стало хорошо.

Закрыв глаза на секунду, я ощутил долгожданную истому. Я понимал, что никогда не смогу открыть их снова, поэтому сделал последний рывок с открытым взглядом на мир.

Я знаю, вы хотели бы прочитать больше историй про Дениса Анатольевича, а я с радостью припомню самые уникальные случаи провалов его азартного характера, которые, даже спустя такое долгое время, вызывают у меня приступ смеха.

О том, что Денис Анатольевич окажется интересным персонажем, я впервые узнал от Алисы. При прохождении собеседования нас обещали познакомиться с ним, но этого так и не произошло. Я устроился на работу в ноябре, и какое-то время для новобранцев начальник отдела Денис Анатольевич оставался в тени, как большой и злой дяденька-предприниматель, к которому отводили в кабинет только в случае, если ты провинился.

Не скрывая того, что мне нравилась внешность Алисы, я сразу сдружился с ней. По внешности я, кстати, могу спокойно определить, что из себя представляет человек, поэтому она оказалась именно такой, какой я себе ее и представлял. Очевидно, в случае Алисы много говорили стрижка, обаятельная улыбка и кругленькие, немного выпуклые глаза зеленого цвета, подчеркивающие ее уди-

вительный взгляд. Алиса с удовольствием откликнулась на мой пессимизм, а я в свою очередь хотел наслаждаться ее смехом, обнажая свою злую душу. Но давайте все-таки вернемся к нашим баранам. Итак, все крупные события мы отмечали прямо в здании офиса, и новогодние фуршеты не были исключением.

Тогда на новогодней корпоративной вечеринке я не отходил от Алисы и много предупреждал ее, что скоро уйду, чтобы она под конец смирилась. Вечеринки для меня всегда заканчивались еще не начавшись, как только я ощущал первую нотку тревоги. Алиса обещала, что станет лучше, когда появится Денис Анатольевич, но я изначально не хотел участвовать в общем веселье. Оглядываясь назад, я склонен подозревать, что моя закрытость во многом и была катализатором презрения и недоверия ко мне у Дениса Анатольевича и половины отдела. Знаете, молчаливое большинство отдела, специализацией которого являются склоки и промывание костей.

Чтобы как-то задержать меня, Алиса и начала травить байки про Дениса Анатольевича. Одной из них была история, как прошел ее первый корпоративный вечер 31-ого декабря под руководством неуправляемого босса. К тому времени они еще не переняли церемониальные традиции Секретного Санта-Клауса и вручали подарки лично в руки. Так, один шутник в отделе твердо решил подарить Денису Анатольевичу кивер с надписью «Поручик», и никто не стал уговаривать его не делать этого.

— Это что за клоунский колпак?! — была первая реакция Дениса Анатольевича, взбешенного подарком.

— Я подумал, что Вас интересуют всякие армейские штуки, — начал оправдываться автор идеи, но свернуть с дороги праведной ярости уже было невозможно.

— Мне теперь тебе анекдот надо рассказать, ишак безмозглый?

— Нет, — шутник испытывал большие трудности с минимизацией ущерба, по словам Алисы, — если хотите, я могу забрать подарок.

— Конечно, ты его заберешь, — Денис Анатольевич умел импровизировать и немедленно придумал наказание для провинившегося. — Только теперь каждый Божий день, что ты дышишь на святейшей земле великого российского государства, ты будешь приходить сюда в этой срани! И если я увижу по камерам, что ты пришел без нее, я уволю тебя, понятно?

На этом приключения претендентов на премию Дарвина в тот вечер не закончились. Как часто это бывает, мужчины под предлогом заслуженной вечеринки искали повод для эпатажных выходов, чтобы привлечь внимание дам. Двое неизвестных придумали напиться и переночевать в новом лакированном шкафу в кабинете Дениса Анатольевича. Данная идея была, наоборот, встречена с всеобщим скепсисом — от шутки их отговаривали даже охранники. Немудрено, что через сарафанное радио весть дошла и до самого Дениса Анатольевича, а если кто-то был злопамятнее, чем он, то, наверное, до поры до времени, пока тот человек не встретил Дениса Анатольевича. Весельчаки благополучно дождались завершения пира и явно не сидели в шкафу всю ночь, но заснули они именно там. На следующее утро Денис Анатольевич закидал шкаф петардами, поджарив сосунков похлеще, чем маленький Джонни, сжигающий напалмом тараканов. Конечно, Денис Анатольевич знал, что ни один корпоративный вечер не должен заканчиваться без увольнений, но мог потерпеть одну ночь, чтобы все видели, как из его кабинета выбегают два испуганных комедианта.

Та история подводит нас к тому, что случилось уже после того, как я покинул Алису в свой первый вечер. Так как я часто проводил с ней время во время работы, Денис Анатольевич знал ее лично и не скрывал

своего отношения к отделу, в котором она работала. Например, один раз он в шутку попросил ее набросать ему варианты нового логотипа центра занятости населения и затем принялся рассказывать ей, что когда-нибудь нанесет собственный логотип на дверь своего кабинета. Когда я ушел, она как раз собралась со своими коллегами из дизайнерского отделения, и в это время на вечеринку заявился Денис Анатольевич в чуточку опьяненном состоянии. Как потом передала Алиса, Денис Анатольевич был одет в настоящую кавказскую бурку из овчины, чем и так навлек на себя возмущение дизайнеров, но он пошел еще дальше и помахал в их сторону:

— Здарова, радикалы! Вас еще не запретили?

Один из парней с разноцветной головой тоже не стал лезть за острым словечком в карман:

— О, мужик, здаров, как там в 19-ом веке?

Денис Анатольевич резко остановился и осмотрел зорким взглядом всех участников толпы. Увидев его, Алиса кивнула и понимающе отошла в сторону, предвкусывая очередной попкорновый эпизод.

Денис Анатольевич оттопырил пальцы своей увесистой руки и спросил своего обидчика:

— Ты знаешь, кто я такой, ребенок?

Прогрессивная молодежь всегда отличалась своей борьбой с устаревшими авторитетами, поэтому парень не намеревался отказываться от своих слов:

— Ну, судя по всему, ты какой-то предводитель горцев, как Конан, да?

С каждой секундой разговора Денис Анатольевич все больше был на взводе.

— Нет, я тот, кто тебя уволит!

— А, это тоже часть какой-то ролевой игры живого действия? — усмехнулся парень.

— Я не договорил... Я уволю тебя из жизни!

Денис Анатольевич резким движением вытащил из бурки кремневый пистолет оригинальной черкесской работы и приставил к голове представителя юной интеллигенции.

Все, кто находился тогда рядом, замолкли, ожидая, что вечеринка превратится в поминки очень быстро. Тогда Денис Анатольевич засмеялся и, размахивая орудием в воздухе, принялся успокаивать всех собравшихся:

— Шутки... Когда-нибудь слышали о них?

Денис Анатольевич затем переместился в эпицентр собрания, а напуганный паренек проработал совсем недолго, как мне сказала Алиса. После этого мы уже не сомневались в влиянии Дениса Анатольевича, хотя и продолжали высмеивать его эксцентричные поступки.

Дальше я расскажу про случай, который приключился уже на моей памяти. Дело в том, что со всей своей капризностью и экзотикой Денис Анатольевич давал результаты. Конечно же, не без помощи крепких аналитических умов типа Базза. Так вот, однажды к нам в офис приехали выпускники журфака, трое ребят, проходивших стажировку в одной солидной компании делового журнала, с целью взять интервью у Дениса Анатольевича для статьи про самых продуктивных руководителей столицы. Прознав, что будут журналисты от элиты, Денис Анатольевич намеревался встретить их сам, однако пожалел об этом на входе:

— Эй, а где оборудование?

— Здравствуйте. Мы не будем снимать, это интервью для печатного издания, — объяснила ему молоденькая девушка, поначалу растерявшаяся от напора эффективного руководителя.

В то время я тоже стоял у стойки на ресепшне и заметил, как Денис Анатольевич прикусил губу со злости. Предположительно, его секретарь просто не донесла до него мысль в полном формате, но он уже был готов

развернуть студентов с призывом не возвращаться без оборудования.

— Ладно, Фома, пошли со мной в кабинет. Будешь переводить, — Денис Анатольевич показал на меня пальцем и бескомпромиссно направился к лифту.

Это был редкий случай, когда я почувствовал себя приближенным к Денису Анатольевичу, потому что по мимике его лица было заметно, что прибывшие журналисты стали для него чуть ли не врагами государства.

— Мы все говорим на русском, переводчик не понадобится, — на данном этапе это уже звучало как дерзость от девушки в очках.

Дождаясь лифта, Денис Анатольевич вдруг повернулся к ней и сказал:

— Деточка, а мне нужно переводить твой нечеловеческий язык!

Те, кто хотели бы отыскать здесь сексистскую подоплеку, не смогли бы этого сделать — просто Денис Анатольевич был очень раздосадован тем фактом, что его не будут снимать. Он надел свой лучший спортивный костюм, чтобы повергнуть в шок зрителей, и не сомневаюсь, что продумал парочку субверсий для сюжета. Его можно было понять.

В кабинете они долгое время разговаривали без эксцессов, совершенно не вмешивая меня. Разве что Денис Анатольевич частенько отвлекался на вид из окна небоскреба и всячески показывал занудным студентам, что дает это интервью в качестве подарка с барского плеча. Мне он тоже разрешил посидеть в своем германском кресле, поэтому я даже не слушал, о чем шла речь в их продолжительном разговоре.

— Сколько карт ты реализовал в этом месяце? Эй, придурок, сколько карт ты выдал в этом месяце?

Услышав привычное для себя в этом кабинете обращение, я понял, что Денис Анатольевич разговаривает

со мной. Я перевел на него взгляд, и в этот момент он подмигнул мне. Так как я не хотел подавать виду, что полностью прослушал вопрос, я подумал, что он в любом случае предлагает мне выйти, чтобы сохранить лицо. Как раз в это время кто-то набрал мой номер на телефоне. Извинившись, я вышел из кабинета и ответил на звонок.

— Ты уволен! — прокричал с того конца Денис Анатольевич.

Если это была какая-то проверка, то я ее удачно провалил. Все же я забежал обратно в кабинет для выяснения причины, и первое, что я увидел, это покрасневшее лицо Дениса Анатольевича. Он указывал журналистам на меня пальцем и продолжал заливаться смехом.

— Умора, просто умора! Ну, вы посмотрите на него! — обращался он с рыданиями к комнате.

Никто из присутствующих особо не хохотал, но из уважения команда журналистов скромно улыбалась Денису Анатольевичу в ответ.

— Почему ты убежал от вопроса, а? — спросил он, переменившись в настроении.

— Я думал, что это какой-то важный звонок.

— Кто может сделать важный звонок тебе, Фома? Невидимый человек?

Твоя мама может.

— Поведай нам, пожалуйста, — продолжил он, медленно выговаривая каждое следующее слово, — сколько... карт... ты... реализовал... в этом... месяце?

— А, ну... — я подумал. — Две?

После этого ответа комната на некоторое время наполнилась неловким молчанием, и, как мне кажется, в вышедшем позже интервью с Денисом Анатольевичем не было никаких упоминаний его переводчика.

Расскажу еще две истории и подумаю, о чем еще подумать дальше. Первая связана с тем, что Денис Анатольевич под впечатлением от увиденного им фильма Мар-

тина Скорсезе «Волк с Уолл-стрит» ходил по офису и требовал от каждого работника продать ему шариковую ручку. Я думаю, что это создавало проблемы из-за того, что Денис Анатольевич бездумно копировал героев фильма, и это был не тренинг или проверка быстроты мышления, как сначала посчитали многие.

Все, кто находился в зоне отдыха, подверглись бессмысленному штурму со стороны Дениса Анатольевича. Он подходил к каждому по очереди и свой поход начал с накачанного буйвола, которого я видел в первый раз:

— Эй, крепыш, продай мне эту ручку.

— О, «Волк с Уолл-стрит», да? — буйвол улыбнулся и подумал, что сбил программу Дениса Анатольевича.

— Продай мне эту ручку, или я тебя уволю!

— Но этого не было в фильме.

К счастью для смутившегося буйвола, Денис Анатольевич не намеревался никого увольнять из-за ручки. Он просто сместился и пристал к низенькой девушке с мелированными волосами. Я частенько ее видел в нашем отделе.

— Продай мне эту ручку.

Она взяла предмет из его рук и начала рассматривать его.

— А что, если я скажу Вам, что этой ручкой была написана «Повесть временных лет»?

— Тогда не было ручек! — сорвался Денис Анатольевич.

— Вы попросили меня продать Вам ручку, я ее продаю!

— Ну, значит, я не собираюсь покупать твою ручку!

Денис Анатольевич выхватил ручку из ее рук и пошел терроризировать отдыхающих на пуфах коллег. Один из них заметил надвигающуюся беду и приготовился.

— Впарьте мне эту ручку.

Каждый раз, как Денис Анатольевич просил сделать это, он хихикал, словно маленький ребенок, задумавший какую-то мелкую пакость.

— Купите эту ручку, — сказал один из отдыхающих, попытавшись отделаться незамысловатой шуткой.

В ответ Денис Анатольевич скорчил очень злобную гримасу и переполнился ненавистью к клерку, блещущему примитивным умом. Заметив меня на кухне, Денис Анатольевич ускорился. Я надеялся, что спокойно разогрею еду и скроюсь, но увы и ах, пришлось продавать ручку.

— Фома, клянусь, если ты не продашь мне эту ручку, я оставлю тебя без работы! — начал он в своем стиле.

Я сжал продолговатый кусок серебра в ладони и сказал:

— Спорим, Вы не сможете убить человека этой ручкой.

Денис Анатольевич огляделся по сторонам и тихо произнес, как будто обещая:

— Ты хочешь это проверить, дружок?

В конечном счете это было бы самым глупым и суицидальным способом продать ручку, но Денис Анатольевич признал, что попался на мой крючок, и закончил бессмысленно слоняться по комнате.

То, как я распрощался с Денисом Анатольевичем в итоге, не вызывало у меня никаких угрызений совести, но все равно я подозревал, что в глубине пропадающей души любил его по-своему. И мне хотелось бы верить, что, несмотря на всю строгость и предвзятость в отношении ко мне, он хотя бы прощал меня из-за того, что я был его любимым идиотом. Поэтому последней историей будет то, как он помогал нам.

В офисе любили устраивать разные незатейливые соревнования между подразделениями, и Алиса пригласила меня поучаствовать в одном из этих турниров. Она со-

биралась принести домой победу в настольном футболе, и для этого ей был нужен партнер, который не описывал футбол с сарказмом, как «22 человека, пинающих мяч». Как минимум, их было не 22, потому что игроки на скамейке запасных тоже пинают мяч. С ними не меняется число игроков на поле, но меняется количество людей, пинающих мяч. Если же обойтись без семантики, то в отделе по дизайну таких людей просто не было.

У меня в детстве не было настольного футбола, зато был самый примитивный настольный хоккей, который я любил доставать, особенно по зимним утрам в выходные, когда на улице еще темно-темно. Я любил играть в него настолько, что даже не обращал внимания на то, что существуют более интересные модели, и гордился своей единственной. Алиса же, наоборот, все свои детские годы провела за настольным футболом и мастеровито управляла пластиковыми фигурками игроков на поле с помощью любых, даже неудобных рукояток. Она всегда была настроена на то, чтобы выиграть конкуренцию, а я просто не любил проигрывать, поэтому из нас получился отличный дуэт.

Беспрепятственно протаскив себя до стадии плей-офф, мы напоролась на тех, кто больше всех страдал на групповом этапе. По иронии судьбы эти соперники оказались самыми сложными на пути. Денис Анатольевич, узнав, что сотрудник его отдела принимает участие и даже выигрывает, присоединился к скоплению людей у столов. Как мы позже узнали, руководители делали ставки на своих подопечных, поэтому все спорные варианты трактовок следующих событий мигом отпадали, когда мы вспоминали то время.

Выбранный коллективом судья назначил пенальти в нашу сторону, усмотрев в действиях Алисы тактический фол. Надо думать, Алиса лучше знала, был ли фол или нет, но судья из отдела логистики знал, каким путем

доставлять победы нужным людям. В свою очередь, заметив, как от него уплывает турнирная победа, Денис Анатольевич подошел к парню, судившему матч, и нашептал тому что-то на ухо. Конечно же, он пригрозил ему увольнением. Доиграв пятую встречу без пенальти, мы смогли сдержать натиск соперника и пройти дальше.

В финале нам достались кадровики — эффектные барышни, которые играли в кикер не на перерывах, а во время работы. Для Алисы выиграть этот финал было делом чести и всей жизни. Однако, получив пять безответных мячей в ворота в первой игре, мы с ней уже начали сомневаться в том, что это возможно.

— Соберись, Фома, зачем ты, вообще, вышел играть, если не на победу, — Денис Анатольевич обеспечивал мне личную поддержку со стороны.

Второй матч начался с быстрого гола в наши ворота. Алиса не понимала, что происходит, а я тем более. Одна из наших очаровательных соперниц была девушкой азиатского происхождения, и это единственное объяснение, которое я находил в безвыходной ситуации.

После второго гола в игру вмешался Денис Анатольевич. Когда мяч улетел за пределы площадки, он задержал нашу искусную оппонентку и с неподражаемой улыбкой обольстителя передал ей вместе с мячом какое-то послание.

— Эй, так нечестно, он подкупил их! — заметил кто-то из присутствующих.

Денис Анатольевич незамедлительно выразил негодование после того, как еще больше людей обвинило его:

— Спокойно, спокойно! Доказательства, мои сыны и дочери, приведите доказательства! Вы не имеете права бесосновательно обменять меня в подкупе.

— Ты только что вложил ей в руку какую-то записку!

— Я передал ей записку с адресами организаций, ко-

торые она тебе предложит в качестве компенсации, когда тебя уволят к чертовой матери!

Дальше никто не смел возникать. Все, что мне известно, это то, что после этого жеста мы не только перевернули ход второй игры, но и без труда одержали верх в заключительной схватке финальной серии.

На следующий день Денис Анатольевич подарил Алисе красивую коробочку конфет, а меня просто похвалил, похлопав по плечу. Гораздо больше повезло леди из отдела кадров: у них в кабинете появился собственный кофейный автомат с богатым ассортиментом. И всякий раз, как я проходил мимо их отдела, я видел этот подарок, который напоминал мне об искривленном, дюже коррумпированном мире, в котором мы живем. В этом мире мне приходилось думать самому, и от того было почему-то приятнее знать, что пока я понимаю, как он работает, он не выплюнет меня.

Думать надо до потери сознания. Тебе уже без разницы. Думай о том, что ты с большой вероятностью уже не застанешь повторение поколения таких же свободных творцов, какими были люди в 90-х XX века. Меньше всего я, правда, завидую тем, кому придется мириться с детьми нашего свободолюбивого поколения. Я очень надеюсь, что это не будет такое же наивное, ограниченное в мышлении, замшелое вавилонское столпотворение избалованных лоббистов.

Думай о струнах на гитаре, которые ты не менял, потому что так и не научился играть, и матерных словах, которые ты употреблял в своей речи, вероятно, больше, чем требуется. Думай о том, как ты переместился на политической оси из социалистической общины в уголок рыночных либералов, а затем и вовсе оказался в обществе национал-консерваторов. Ой.

Пожалуй, это тема, которая заслуживает долгого лирического отступления. Начнем с того, что лет до семна-

дцати меня преследовала полная политическая апатия, и понятия взрослой жизни дошли до меня только после поступления в университет. Этим я и могу объяснить, что поначалу моделирование любых политических взглядов заканчивалось тем, что я жадно требовал разных свобод человека.

Если под свободами человека понимается лишь поощрение его права выражать свои мысли так, как он подразумевает, наверное, мало кто не согласится с тем, что это первостепенно для цивилизованного общества. Однако на выходе мы всегда получаем такую картину: мысли превращаются в услуги, становятся рычагами не только запрещения и обмана, но и пропаганды, и видоизменения человеческих желаний. Политические лидеры давно уже не общаются на одном языке репрессий, поэтому для лагеря номер один попросить какого-то жалкого актеришку замолвить словечко о страшных узурпаторах в противоположном лагере номера два отнюдь не проблема века. И вот если словечко актера, поставившего всю жизнь на то, чтобы говорить реплики за деньги, которое заставит вас сформировать мнение о страшных узурпаторах лагеря два, это в конечном счете тоже услуга, то разве она не подлежала покупке? Это о критике капиталистической системы и устройстве современного мира.

Проблема века, на самом деле, заключается в том, что лагерь номер один придерживается той самой морали готтентотов и без стеснения агитирует людей, заставляя верить в правильность этой сказочной морали. Политики являются адвокатами народа, а адвокаты, как известно, люди корыстные, гибкие и безжалостные. Здесь есть всего одно существенное отличие: если в лагере номер два тебя сразу предупреждают, что ты окажешься с ножом в спине в случае неповиновения предписанным законам, то в первом лагере тебе незаметно воткнут нож

в спину, и ты даже не будешь знать за что. Вот этот нож, засаженный в твое тело общими стараниями без шума и пыли, и представляет из себя инструмент коллективизма, когда происходит подмена мыслей и ценностей у населения, а всякая неудобная правда служит угрозой для стабильности сформировавшейся иерархии и порядка.

Поведение правящей партии всегда распространяется на ее последователей, становится частью своеобразного культурного кода, и среди представителей так называемых угнетенных вы найдете гораздо больше лицемеров, чем среди тех, кто просто не справляется с бредом величия. Те, кто, прикрываясь ложными идеалами, развязывали войны, финансировали революции, всегда представлялись мне большими политиками, чем те, кто беспринципно навязывали диктатуру и играли в богов. Эта позиция также не оставляет никаких оправданий фашизму, потому что в борьбе с ним замешиваются еще и патриотические чувства. Кроме того, независимо от тяги руки к разрушению режима, подлинной автократии, допускающей внутреннюю конкуренцию за престол, свойственно со временем провалиться в кризисную яму и нести себя в жертву демократического транзита.

За всем тем, в мирное время, когда общество пока еще функционирует без видимых палок в колесах, любой уважающей себя политической силе урвать кусочек власти так же важно, как способному преступить закон гражданину приобрести что-то для себя. Вернувшись к начальной постановке вопроса, спросите себя, кому выгоднее скрыть социально-экономические проблемы страны при власти и за неимением оной вызвать очередную волну протестов, обратив внимание населения на этнические или социальные конфликты. Лагерю номер один с его партизанскими тактиками, которому совсем не выгодно терять геройское лицо, или лагерю но-

мер два с его прямолинейным подходом, который вы и так считаете кровожадным?

Рассмотрим ситуацию, ставшую уже традицией, когда противоборствующие партии захватывают информационные потоки, и вот в новостном репортаже внезапно умирает человек. Этот ничего не представляющий из себя человек вдруг становится героем нации, ведь то, как его убили, или тот, кто его убил, представляет из себя очень даже страшную вещь — настоящее нестираемое грязное пятно в истории государства. Гарантированно уже через день народ в справедливом негодовании вытянется с плакатами и выученными на зубок лозунгами в шеренги на улицах. Вот тут-то при большом желании, если заранее знать, куда идти, мирный протест и выльется в государственный переворот. Участники протеста вдруг затеряются в толпе мародеров и радикалов, но никто не будет спрашивать ни с первых, ни со вторых, ни с третьих, если вдруг площадь восстания превратится в новый Майдан, а то и Тяньаньмэнь, или полыхающие города охватит гражданская война, которая повторно расколется общество на уже знакомые лагеря. И, конечно, тогда захочется обязательно оправдать кого-нибудь, развеять наболевшие стереотипы, особенно если первопричина столкновений кроется в расовых разногласиях, но факты всегда переворачивают роли, и присказки про 13/52, и убеждения в интеллектуальной ущербности из-за генетики, и оптика этноса (известная притча о том, что американец вместо пяти человек увидит на остановке двух афроамериканцев, двух азиатов и одного злого русского) становятся вовсе не шуточными. Да и если поразмыслить, жаловаться на беспредел полицейских служб и вооруженных сил государства во время бунта имеет примерно такой же смысл, как ходить в церковь и обвинять ее в том, что она торгует свечками.

Вся разница в том, что исторически наши потомки были участниками огромного количества войн (экспансий, освободительных, гражданских), а история меньшинств всегда уходит с корнями только в одну колониальную политику, то есть рабство, угнетение и эксплуатация. Хотите вы этого или нет, но в нас протекает кровь многих военачальников и великих милитаристских умов. Если племенам и народностям приходилось защищать и отвоевывать территории в сражениях, то крепостным и рабам оставалось лишь ждать защиты со стороны. Поэтому если для кавказских народов национальным героем является воинственный имам Шамиль, то для тех же американских меньшинств ближайшими героями являются правозащитники Малколм Экс или Мартин Лютер Кинг, что объясняет их упорное стремление сейчас бороться за социальную справедливость, при этом не уделяя внимания спланированным психологическим операциям, которые на них весьма успешно проводят. Мы ни в коем случае не станем бросаться в крайности, строя какой-то пьедестал для отдельных рас, но все это так или иначе сказывается на специфике менталитета, который можно укротить, но никогда нельзя спрятать.

Теперь поговорим про власть имущих и их преемников. Здесь стоит помнить, что на политическом фронте одним из слагаемых успеха, верней, благоприятным фактором, оказывается харизма. Плохи дела, если вас обвели вокруг пальца наглые политики, но все гораздо хуже, если вас обманули популисты без харизмы. Пожалуйста, давайте никогда не будем выбирать среди неизменных нолей и выскочек с миллиардом обещаний. Современный мир давно вступил в новую культурную парадигму, задав новый набор рамок мышления и ценностей для человека. Нет уже тех римских деспотов из хрестоматий, нет испанских отцов демократии, нет Бориса Пастернака, нет поэтов Уолпола, нет Фусако Сигэнобу и Розы

Паркс — есть одно притворство, когда наличие системы выборов не дает никаких гарантий выбора, когда значок за участие в протестной акции важнее самой акции. Иди и побудь честным в коррумпированной среде, попробуй сделать все для народа, как ты и хотел. Сейчас самое лучшее время, чтобы быть циником и нигилистом. Я, как скромная мышь, попросту не знаю, стоит ли менять то, что кое-как работает на деле, на то, что должно идеально работать на бумаге. Даже мама говорила, что если не можешь ничего изменить, сделай лучше то, что у тебя есть. Поэтому либо дайте мне убедительность, либо оставьте мне мой консерватизм.

Ух, так можно как-нибудь и на целый срок надумать, поэтому лучше думай о первой неразделенной любви, друг. Тебе ведь повезло, что это случилось очень рано, и ты смог переключиться на вещи, делающие детство детством, а не любовным романом. Любовь — это причина, по которой умер Георгий Степанович Желтков.

Об ужасном первом поцелуе, да и всех последующих тоже. О да, ты никогда не умел целоваться. Тебя смущала такая близость, она была настолько чужда тебе, что делала все попытки нелепыми. «Губы просто шевелятся», — говорил ты.

Если останавливаться на теме отношений, то я прекрасно понимал, почему у меня в этой сфере образовалась личная сверхмассивная черная дыра. Во-первых, мой холодный цинизм. Я попросту не считал нужным радовать кого-то. По этой же причине больше половины моих отношений с людьми складывались скверным образом, и я оставался ни с чем. Я совершенно не жалею об этом, потому что лучше всего у меня получалось сходиться с теми, кто не требовал внимания к себе, а сам забирал его, если это было так необходимо. Во-вторых, а во-вторых ничего и нет. Честно говоря, когда тебя медленно засыпает снегом на необъяснимой дороге, откоро-

венно плевать, скольких девушек ты смог затащить в постель и кому ты там разбил сердце. Ты умираешь, а им еще жить. Учитывая, что я никогда не считал себя интересным человеком, я могу полагать, что наши не сложившиеся отношения не будут вспоминать историки-биографы, которые будут заниматься хроникой жизни одной из тех девушек.

Так что думай о другом. Думай о проплаченных банкетах счастья на седьмом небе, когда у всей еды блаженный вкус, и столы украшены амброзией и нектарами. Думай о боли, которую ты принес, которую чувствовал, о родине, страданиях, гордости, слезах радости, смысле падений и мертвой тяжести горя. Вспоминай свою жизнь. Ведь это твой финал.

Я тяжело задышал и начал покашливать, приподнимаясь над землей, словно восставший ангел. После того как я отдышался, я залег обратно, прислонившись лицом к рыхлой белой земле.

Эти слова не предназначены для всех. Они никогда не могут быть для всех... Заключительные слова — это просто советы, которые мы скрываем за глупыми идеями и которые при этом никогда не работают, но одно правило все-таки будет.

Учись диктовать. Диктовать свое присутствие в этом мире. Ведь ты не отвергнут песнями, которые ты слушаешь, фильмами, которые любишь пересматривать, книгами, которые понимаешь с первого раза, людьми, которым не приходится объяснять каждое твое суждение. Ты все, что у тебя есть, и ты заметен ровно до тех пор, пока ты можешь убедить себя остановиться. Развернуться там, куда многим повезло не добраться. А раз их там никогда не было, то будь добр, не позволяй им говорить, что все будет хорошо. Просто помни, что нас, всех твоих людей, раскидали по свету, и поживи эту смешную жизнь побольше.

Я почти нашел вечный покой, закрыв глаза и потушив огонь в них, но в последний момент вспомнил об одном своем обязательстве.

Сейчас я веселая поэма мертвого лирика, и та машина, которую я оставил позади, стала моим гробом. Но у меня был долг с самого начала. Мой долг был улыбнуться перед тем, как смерть заберет меня в середине этой затерянной бесконечной дороги.

*О, желанная смерть,
Не могу дождаться твоего ласкового дыхания,
Приди ко мне, сладкая холодная смерть,
Последнее утешение.*

День 7. Взгляд за шторы

Забытая окраина греется в лучах утреннего солнца, и крошки-снегири радостно поют гимны статичной улице. Ветви дрожат, в то время как застенчивый ветер стряхивает замерзшие листья с деревьев снаружи.

Если заглянуть за шторы в кабинете Доктора Годарда, то там вы его уже не найдете. Равно как и не найдете меня.

Место на диване, на котором я когда-то самостоятельно расплзался, свободно, и солнце еще не дошло до темного коридора.